



Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПО СРЕДСТВАМ МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР»

Главный редактор – ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Анатолий Бицуев
Адам Гутов
Хачим Кауфов
Виктор Котляров
Магомет Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Зейтун Толгуров
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Руслан Фиров
Башир Хубиев
Хасан Шугушев
Сафарби Шхагапсоев
Тембулат Эркенов

6. 2012 НОЯБРЬ–ДЕКАБРЬ



Дорогие наши читатели!

Поздравляем вас с наступающим Новым 2013 годом! Желаем крепкого здоровья, семейного счастья и благополучия! Пусть крепнет нерушимая дружба между народами, проживающими в нашей цветущей республике и в нашей многонациональной стране – любимой Родине.

Поскольку наш журнал не только литературно-художественное, но и общественно-политическое издание, роль его как средства массовой информации приобретает особую значимость в разрешении социальных, межэтнических и межконфессиональных конфликтов. В связи с этим редакция намерена привлечь читателей к обсуждению самых животрепециующих задач общества. Исходя из государственных интересов, мы будем освещать, как всегда, все новое, что способны предложить общественные институты.

Как вам известно, помимо литературы и искусства, редакция затрагивает различные области народного хозяйства, что постоянно отражается в постоянных рубриках: проза, поэзия, страницы памяти, наши юбиляры, гость номера, дебют, уроки истории, литературоведение, образование, медицина, экономика, сельское хозяйство, промышленность и др...

Особенно приоритетным направлением для редакции является освещение вопросов современного образования и науки, внедрения инновационных образовательных программ, призванных содействовать воспитанию здоровых, умных и духовно сильных людей.

Все мы сегодня видим, как обновляется республика, – это и строительство новых предприятий, многокилометровых асфальтированных дорог, садов, парников; на наших глазах преобразается столица республики Нальчик. Это и есть созидательный труд людей, любящих свою землю и свою многовековую историю. Все это, запечатленное в художественных произведениях, высказанное в актуальных публицистических статьях, очерках и эссе, вы, дорогие читатели, можете найти в номерах нашего, единственного в республике, государственного русскоязычного журнала «Литературная Кабардино-Балкария», деятельность которого направлена на благо наших будущих поколений, на процветание нашей родной земли Кабардино-Балкарии.

Алим КЕШОКОВ



В моих стихах – сиянье ваших глаз,
Ваш гнев, и ваша боль, и ваше пламя,
И ваши слезы счастья в светлый час,
И слезы горя, пролитые вами.

Я в этой жизни не был одинок.
Не жил я в саклях, что стояли с краю.
Какой бы вас ни жег огонь, друзья,
От этого огня и я сгораю.

Ваш путь в горах тяжел, и у меня
Подошвы стерты и в крови сандалии,
Вы скачете, и я гоню коня,
Чтоб вы быстрее до цели доскакали.

Без вас для песен не найду я слов.
Что я без вас увижу и услышу?
В любую пропасть я упасть готов,
Чтоб вам подняться хоть немного выше.

Вы учите меня, в чем жизни суть,
Мне с вами никакой огонь не страшен.
Мне ваше слово облегчает путь,
И ломит кости мне усталость ваша.

Пока не пробил мой последний час,
Пока мои слова не отзвучали,
Хочу блистать я на глазах у вас
Слезой счастья и слезой печали.



Кайсын КУЛИЕВ

Кто слушает, мудрее говорящих,
И это нам давно понять пора.
Как многословен ручеек бурлящий,
Как молчалива белая гора!

Есть у земли многовековый опыт,
Земля всю мудрость прячет в закрома.
И гром, и гул дождя, и снега шепот –
Земля все слышит, но молчит сама.

Немногословные мудрей болтливых,
И я винюсь и тех благодарю,
Кто слушает и слушал терпеливо
Все, что я говорил и говорю.

Мы, стихотворцы, говорим, как дышим,
И в миг, когда я слово оброню,
Коль это слово люди не услышат,
Оно сгниет, как стебель на корню.

Я в досталь важных слов сказал и праздных
По мере мудрости своей и сил,
Вы потому умней меня гораздо,
Что слушали, а я лишь говорил.

Адам ШОГЕНЦУКОВ

РЕКА НАЛЬЧИК

Весь – кипенье! Весь – движенье!
 В клочьях пены мчится, мчится...
 И деревьев отраженья
 В зеркалах его дробится.

Ты, какой пленившись целью,
 Золотой скользишь змеєю,
 Тень прохладного ущелья
 Оставляя за собою?..

Меж камней нависших кроясь,
 Не спеши, красавец, в дали:
 Для тебя деревья пояса
 Из густой листвы соткали.

Таёт в переливной гамме
 Рокот струн ли, пенье птицы ль?
 Выкормлен ты был снегами,
 Был тебе ледник поильцем...

Рвешься ль ты к пустыне жгучей,
 Мил ли скат тебе отлогий,
 Все ж тебя Урвань¹ кипучий
 Перехватит по дороге...

Что ты сыщешь в дальних долах?..
 Вслушайся в напевы наши,
 На гостей взгляни веселых,
 В честь твою поднявших чаши.

Ты одет у нас – на зависть!
 Берега – как по заказу!
 Как ты сердцу люб, красавец,
 Как пленителен ты глазу!

Всякий, кто хлебнет с полгорсти
 Этой пенящейся влаги,
 Вновь к тебе примчится в гости:
 Ты хмельней крепчайшей браги.

В каждом ветра дуновенье –
 Аромат лесов бодрящий,
 И не молкнет птичье пенье
 Над твоей прибрежной чашей.

Уж тебе ль не похвалиться
 Светлой участью своею:
 С берега в тебя глядится,
 С каждым часом хорошея,
 Кабарды родной столица!

1933

¹Урвань – река, приток реки Баксана.



Танзиля ЗУМАКУЛОВА

ДВА ЯЗЫКА

Родной язык, ничем не заменимый, –
Он дорог всем. Все отразилось в нем:
Земля и небо, осени и зимы.
Понятен вздох на языке родном.

Родной язык! В нем нежность, вечность, сила.
Я с ним росла и не по букварю
Сладчайшие слова произносила –
Сначала «мама», а потом «люблю».

На языке родимом ропщут ели,
Журчит река и шелестит листва.
Как я внимала песне в колыбели –
Так мне внимают камень и трава.

Завещанное предками богатство
Мы сохраним навек в родном краю.
Язык отцов! С тобой нельзя расстаться,
Тобой живу и – как могу – пою.

Добра желаю людям и Отчизне.
И если с речью разлучусь живой –
Лишусь всего. Тогда не нужно жизни,
Я лучше стану камнем и травой.

Но русский есть язык. И он навеки
Мне близок и понятен, как родной.
Две речи в моем сердце, будто реки,
Звучат, текут, становятся одной.

Забыв родной язык – я онемею,
Утратив русский – стану я глухой!

1957-1962

Фоусат БАЛКАРОВА**ДЕВИЧЬЯ ПЕСНЯ**

Единственный на свете,
Плету тебе я сети,
Пусть будет сеть крепка,
В твоих руках легка.

Я песню сочиняю
И сердце в сеть вплетаю,
Пусть тянется она
Уловами полна.

Пусть ложь любви не тронет,
Пройдя сквозь сеть, утонет.
Вплетаю в сети счастье,
Дарю их дивной властью:

К тебе богатства влечь
И от беды беречь.
Плету тебе я сети,
Единственный на свете.

Любовь свою вплетаю,
Любовь свою вплетаю.

АДЫГЕ. ИЗ АРХИВА ГОРСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Не так давно, а именно 8 сентября, в газете «Адыгэ псалгэ» был напечатан рассказ «Черкесы», написанный известным писателем и поэтом из Праги Святополком Чехом (1846-1908). В 1925 году Эльмурза (Бекмурза) Бекович-Черкасский дал широкое распространение рассказу, переведя его на русский язык.

Что известно о самом Бековиче-Черкасском? Он родился в 1899 году в окрестностях Моздока во владениях Бекмурзиных, будучи представителем одного из самых именитых княжеских родов. Его мать – Фатимат – урожденная Хатокшокова. Получив образование в городах Моздок, Ставрополь, Владикавказ, Эльмурза во время Гражданской войны в звании штаб-ротмистра состоял в Кабардинской Кавалерийской дивизии. В 1920 году он эмигрировал и проживал в Праге, где учился в Русском университете. В 1928 году Эльмурза Бекович-Черкасский умер.

Он оставил после себя несколько замечательных публицистических произведений. Из них: «Возрождение» (о сепаратизме горцев Кавказа), «Полезные растения Кавказа: лесные породы», «Борьба за язык на Северном Кавказе», «Из пражских записок горца», «Открытое письмо Н. А. Багиеву» и др. Эти произведения нуждаются не только в популяризации, но и переиздании, поскольку содержат факты, почти неизвестные нынешнему поколению соотечественников Бековича-Черкасского.

Хамид Кармоков

Неуклюжая турецкая лодка колеблется по ясно-зеленой, глубоко-прозрачной воде. Одинокó выносит она свои залатанные, слегка надутые паруса из округлого волнистого, – вдали серо-зеленого, – простора, над которым растягивается темно-голубой небесный купол.

Лодочники, которые пеклись на горящем солнце, завистливо поглядывали на тенистую берлогу, сооруженную из парусов под мачтой, где на ветхом коврикe сладко отдыхает их начальник. Он сидит, скрестив ноги, и спокойно поглядывает на стеклянную банку кальяна, украшенную золотыми звездочками; при каждом вдыхании благовонного дыма кристальная вода в кальяне играет и пенится. Не замечает он человека, лежащего недалеко от него, растянувшись в тени паруса, и завернутого в войлочное покрывало. Из-под покрывала торчат вниз его короткие, тесно прилегающие к ногам сапожки из черной кожи, а наверху изгибы покрывала обхватывают смуглое костлявое лицо с круто ограниченным лбом, с тонким, сильно выпуклым носом и с тонкими,

крепко сжатыми губами, от концов и середины которых свешиваются седые, растрепанные усы.

Веки его глаз полузакрыты, как бы в глубоком сне. Печально, почти болезненно выражение этого худого лица; кажется, что на линиях и морщинах его лежит отпечаток долгого страдания. За все время плавания оно не прояснилось ни на мгновение. «Может быть, от морской болезни! Может быть, от усталости, от докучливости этого однообразного путешествия между водою и небом, от неизменной волнистой линии горизонта, изредка лишь нарушаемого белеющим парусом!» – думали лодочники.

Хозяин лодки отставил вдруг свой кальян и, протянув руку вперед, повернулся вполборота к лежавшему старику.

«Посмотри, Арслан-бей», – сказал он спокойно.

Старик медленно открыл глаза. Эти черные, большие глаза вмиг изменили его физиономию. Все лицо его помолодело от живого их блеска на много, много лет, и тень страдания в провалившихся чертах его была рассеяна искрившимся в них задором. Минуту смотрел он по указанному ему направлению, и снова изменилось выражение его лица. Глаза заискрились, все мускулы зашевелились, вспыхнули одним стремительным чувством. Одновременно Арслан-бей вскочил, сбросил с себя покрывало и прыгнул на середину палубы. Движения его были юношески-упруги. Наблюдая сзади его высокую, изящную фигуру, гордо выпрямленную шею, красивые формы непокрытой, гладко остриженной головы, хозяин лодки мысленно удивлялся этой могучей ели, не согнувшейся под тяжестью стольких лет.

Одет был Арслан-бей в турецкий пестрый балахон, доходивший до икр, слегка раскрытый на груди, так что в левой части ее на коричневом сюртуке был виден ряд пришитых длинных чехольчиков одинакового цвета, из которых наружу выглядывали металлические блестящие концы пуль, вложенных в них. Единственно эта часть одежды доказывала, что Арслан-бей не был соплеменником остальных, так как это боевое украшение носит только гордый Кавказец на могучей груди.

С напряженным вниманием смотрел Арслан-бей вдаль. Что он там видел? Серую ухабистую тень на чистой лазури, над чернеющей каймой моря. Ты бы предположил, что он видел гористый берег или седые тучи, медленно застилающие небо. Арслан-бей ничего не предполагал: его орлиное око нашло, а бьющееся сердце вмиг почувствовало близость исполинских гор и бесконечных лесов, по которым он блуждал встревоженными мыслями столько, столько лет!

Долго, неподвижно, как статуя, стоял он на палубе. Не обращал никакого внимания на палящее солнце, которое жгло его обнаженную голову, на лодочников, которые перешептыванием и многозначительными жестами указывали друг другу на неподвижно стоявшего старика: его глаза видели только седую, неровную полосу вдали, которая для него увеличивалась, все определенной очерчивалась, принимала живую окраску. Она стала распадаться на отдельные вершины, на стройные

гребни, высокие конусы; уже были видны широкие подошвы вершин, опоясанные морем.

«Арслан-бей», – раздалось сзади.

Словно пробудившись от сна, с глубоким вздохом повернулся старик. Турок, сидевший в парусной берлоге, слегка подвинулся в сторону и глазами позвал его к себе. Старик нерешительно отозвался на зов турка и присел рядом с ним на ветхий коврик.

С минуту оба молчали.

«Арслан-бей, – начал, наконец, турок. – Только по настоятельной просьбе твоей взял я тебя с собой. Если ты не имеешь денег, то отвезу тебя назад даром».

«Благодарю тебя за доброе намерение, Махмуд», – ответил тихо, но твердо старик.

Они снова замолчали. Махмуд, казалось, беззаботно поигрывал черными лоснящимися шариками своих четок, но через мгновение произнес как бы вскользь: «У нас также есть горы».

«Конечно». Вокруг губ Арслан-бея заиграло при этом ответе что-то вроде насмешки. Махмуд словно не заметил ее и продолжал серьезно:

– Добровольно переселились вы к нам. Мы вам дали пашни и пастбища. Как братья приняли мы вас, своих единоверцев.

– Аллах вас наградит за все. Аллах знает, почему я направил свои шаги туда, – взволнованно ответил Арслан, указывая на далекие горы.

Турок задумался.

Арслан-бей снова устремил свой взгляд на живописную цепь гор, разнообразные формы которых уже совершенно ясно оттенялись на голубом небосклоне. Глазу уже виднелись темные овраги, извилистые отроги и массивы. Уж можно было различить плешины и места, заросшие лесом, уже можно было отличить среди других деревьев по более темной окраске кипарис и окладистые верхушки стволов можжевельника. Представлялось, что можно было добросить камень до крутого берега. И все-таки много времени потребовалось, пока наша лодка подплыла к огромной, круто спадающей к морю скале и пока незаметный изгиб моря за ней не превратился в широкую, длинную бухту, залитую блеском лучей заходящего солнца. Сперва к ней низко склонялись непрерывные цепи разнообразных, в большинстве буйно заросших гор, забежавших и за длинную бухту, охватывая обширную лесную долину. Правая цепь гор только в смеркающей дали соединялась с цепью низких вершин, тянувшихся по левой стороне бухты. И на этой же стороне, у низкой губы бухты засверкал на солнце зеленый купол церкви и зарумянилась куча крыш.

«Новороссийск!» – воскликнул Махмуд. В очах старика загорелся дикий блеск; уста его сжались крепче, стиснутый кулак безвольно поднялся по направлению к приветливому городку.

Медленно плыла лодка по бухте.

Солнце уже заходило, и горы направо окрасились легким фиолетовым оттенком. Последний бледнел и менялся в светло-голубой, в серый цвет.

Теплая южная ночь с мириадами искрящихся звезд расстилалась по бухте.

Посередине бухты приближалась лодка к правому берегу, где густой лес по склону горы спускался к самой воде. В воду спустили челнок, и в него вскочили Арслан-бей и один из лодочников.

Челнок двинулся к берегу. На берегу внезапным скачком выпрыгнул старик около старого дуба и схватился за него обеими руками. Некоторое время держал он так старый дуб в своих объятиях, прижавшись к нему широкой грудью и приложив плотно лицо свое к дубовому грубому стволу.

Так вернулся старый Черкес, старый Адыге на почву, где покоился прах его предков, и с которой были соединены красивые воспоминания его бурной молодости. Эти горы некогда отзывались гулким эхом на его выстрелы или на боевой клич его братьев, с которыми в яростном бою он защищал свою неукротимую вольность, свои дикие прославленные торы.

Вытеснил их иностранец далеко, далеко в чужую землю, где старик среди своих единоверцев не мог забыть потерянной родины.

Старик обернулся, полез за пояс и бросил что-то в лодку.

С удивлением поднял лодочник тяжелый кожаный мешочек с чистым золотом.

Черкес искал дорогу к родному аулу. И с трудом ее нашел. Дорога заросла местами буйными кустами, высокою травой. Свалившиеся сверху камни, покрытые мхом, и осколки скал загродили ее.

Только острым кинжалом мог черкес расчистить себе дорогу. Твердый, колючий кавказский шип раздирал его руки, рвал его одежду в пестрые клочки. Не замечал он всего этого. Его взоры по временам подымались через просветы лиственных сводов к голой, бледной вершине горы, которая, как друг, с давних, давних пор радостно звала его к себе.

Наконец он достиг вершины горы. Тогда открылась такая же запущенная дорога вниз, причем она шла вокруг пропасти.

Целую ночь прорубался Арслан-бей сквозь колючий куст, перелезал через огромные пни, перескакивал через овраги, бродил по колону в воде по горным потокам, сопровождаемый воем голодных шакалов.

В конце концов, черкес достиг последней вершины, за которой лежало селение его отцов.

Усталость свалила его, и он уснул наверху.

Когда же старик проснулся, высоко на небе пылало уже солнце. Он с трудом поднялся. Тело его была словно свинцом налито. Мутным, опухшим взором огляделся он кругом. Увидел главы гор, покрытые лесом, опоясанные туманом, увидел гору за горой, все выше и выше, все бледнее и бледнее. Увидел как там, на далеком, далеком горизонте венчала эти горы белая, косматая перевязка – снежная диадема королевских каменных великанов. Увидел глубокие долины, прорытые быстрыми потоками, заваленные каменными глыбами и опрокинутыми

пнями деревьев или устланные зеленым ковром травы. Он оглядел все обширное пространство до отдаленнейших границ гор и леса.

Здесь, на этих высотах, в этих пещерах свивал одно время гордый народ его свои каменные гнезда, здесь трещали ружья, ржали буйные кони, паслись белые стада, бренчали цепи, звучали вольные песни, сходили юные девушки, с кувшинами на головах, к прозрачным родникам.

А теперь – куда глазом ни кинуть, всюду мертво и пусто. В неизмеримом этом гробу не увидишь живого существа, ни единого следа об этом существе, не видно даже клочка дыма, который бы выступил из бесконечных лесов этих. Ни людской шум, ни лай псов, ни звуки ударов топора не тревожат твоего уха. Великолепная, мрачно торжественная могила окружает тебя, и ее глубокая тишина наполняет тебя неизведанным чувством, одновременно возвышенным и тоскливым. Кажется тебе, что вымер целый Божий свет и что ты тут остался один, единственный, перед лицом мертвой, красочной и страшной природы.

С опущенной главой, с грустным взором оглядывает Адыге бывшую отчизну. Разорванный турецкий балахон он еще раньше бросил. И стоит он тут, с косматой черной буркой на спине, в длинной коричневой черкеске с множеством запряганных пуль в газырях на груди, с плотно прилегающим к шее воротом, в тесных, белых ноговицах, в зеленой чалме, косматые черные края которой дико щетинятся вокруг стриженной головы. На поясе у него красуются кинжал и кривая, тонкая шашка, черкесская сабля. На спине его качается длинное, изящное ружье в чехле из черной шерсти с длинными волосами.

С глубоким вздохом пустился черкес в дальнейший путь.

Ему осталось недалеко идти. Вот здесь на другом косогоре лежит его родной аул.

Но что это? К аулу нет тропинки. Клен и ясень, дуб и граб, орешник и шиповник, ежевика и терн растут тут привольно один возле другого и друг над другом. Дикий красивый зеленый хаос! Их ветви и веточки скрещиваются, перетягиваются, все это переплетает и окутывает вас; кивает своими прекрасными свернутыми гирляндами широколистный хмель, дикий виноград, колокольчики с большими огненными цветками, а снизу к ним тянутся – высокая трава, красиво оперенные папоротники, цветы буйных форм и разноцветных окрасок.

В оцепенении и с болезненным стоном остановился Арслан-бей перед этим опустошением. Потом, снова выхватив кинжал, он стал очищать для себя дорогу.

Силы покидали его.

Но вот прорубился он к низкой, разваленной стене. Заросшая со всех сторон, в гуще ветвей стоит тут его родная хижина. Плющ покрывает ее стены, по трещинам ползут веточки диких роз, в разбитом каменном пороге укрывается стройная ящерица, зеленая, как барвинок.

Старик опустился на этот порог; седая голова его склонилась на трясущиеся ладони.

Вздохов и стонов его никто не слышал.

Старый грек, который откуда-то издалека возвращался в Новороссийск, всполошил город вестью, что в горах бродят черкесы.

Он сам собственными глазами видел одного из них.

Грек рассказывал: по дороге, горами, его одолела жажда. Он стал разыскивать старый черкесский горный ключ, о котором люди ему рассказывали. Недалеко от ключа в густой заросли – заметил он вырубленную тропинку и когда по ней отважился пройти вглубь, то увидел там полуразрушенную черкесскую хижину и на пороге ее лежал старый черкес с белыми усами. Что это был черкес, он узнал по лицу и одежде. В руке черкес держал обнаженный кинжал. Грек пустился во весь дух наутек из зарослей.

Один казак с седыми усами обратился к слушавшей грека толпе: «Возможно, что этот человек единственный черкес в горах. Возвращаются временами их старики из Турции».

«А почему возвращаются», – спросил кто-то.

«Почему? Дьявол их знает, почему? Говорят, что перед переселением они зарывали там и сям клады, в надежде, что скоро вернуться. Теперь приходят за этими кладами. В этом, думаю, вся причина».

Но военное управление округа не смотрело одинаково с казаком на возвращение черкесов, когда послало сильную колонну в горы.

Все там нашли в том виде, как передавал трусливый грек: черкес лежал на пороге хижины, в том же положении, как описывал грек, закутанный в свою черную лохматую бурку, с кинжалом в руке, с закрытыми глазами, с шапкой, которая сдвинулась на затылок острой головы.

Один из казаков толкнул черкеса ногой.

«Лохматый дьявол» – казачье прозвище кавказских повстанцев – не шевельнулся.

Черкес пришел на родину за своей могилой.

*С чешского перевел Эльмурза Бекович-Черкасский
Журнал «Кавказский горец», № 2-3. С. 28-35.
Прага, 1925 год*





ШАВАЕВ ХАСАН ИСМАИЛОВИЧ

Литературная деятельность Хасана Шаваева начинается в 50-е годы. Он пишет стихи на киргизском, балкарском языках, которые печатаются на страницах газеты «Коммунизмге жол», альманаха «Шуехлукь».

Первая книга рассказов «Кюйген тап» (Шрам от ожога) появилась в печати в 1968 году. Произведения овеяны воспоминаниями о минувшей войне, которая оставила трагический след в памяти его современников.

Творчество развивается под воздействием общих закономерностей, характерных для балкарской прозы 60-70-х гг.: доминирование этической проблематики, современное отношение к социальным и духовным критериям, преобладание нравственных начал в анализе действительности.

Балкарский писатель, журналист родился 19.11.1937 года в селении Кенделен Эльбрусского р-на КБР. Окончил десять классов в средней школе сел. Акбаш Киргизской ССР. Работал секретарем комсомольской организации колхоза им. Жданова Сузакского района, инструктором Сузакского райкома комсомола. Еще в годы учебы в школе печатался в местных газетах. В 1955-1957 гг. являлся внештатным корреспондентом районной газеты «Сталинчи» («Сталинец». Киргизия). После возвращения в 1957 г. на родину работает наборщиком Эльбрусской районной газеты «Знамя Ленина». Окончив курсы при Институте усовершенствования учителей в Нальчике, с 1958 г. преподает в начальных классах и в вечерней школе пос. Эльбрус. С 1961-го до 1998 г. работает в редакции газеты «Коммунизмге жол» (Путь к коммунизму). С 1998 г. – редактор журнала «Минги-Тау».

В 1966 г. Шаваев окончил факультет журналистики Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова. Он – член Союза журналистов СССР (1962), член Союза писателей СССР (1978), заслуженный работник культуры КБАССР (1984), член редколлегии детского журнала «Нюр» (Свет) и газеты «Заман» (Время).

Его художественный мир тесно связан с судьбой своего народа и, в частности, с трагическими событиями в его жизни – войной, депортацией. Поэтому произведения писателя глубоко реалистичны, ибо авторский вымысел основывался на исторических фактах. Лейтмотивом творчества является тема дружбы народов: в ней и киргизы, и казахи, и кабардинцы. С особой теплотой и благодарностью пишет автор о представителях братских народов, чье внимание и человеколюбие помогли выжить его депортированному народу.

Отличительным этапом в литературной деятельности Шаваева стало создание больших эпических полотен – романов «Бир жашауну минг бети» (Многоликая жизнь. 1985) и «Ит жыйын» (Собачья свора. 1996). Этому способствовал опыт писателя в малых прозаических жанрах.

Реалистичность фактического материала, острая актуальность и сложность освещаемых проблем, простота и в то же время отточенность речевой техники, четкость изложения авторской мысли придают его произведениям художественную привлекательность и эстетическую востребованность.

Сафарби ХАХОВ



ДВА ДЕРЕВА

Они стоят рядом – два совершенно одинаковых дерева. Одногодки, вместе росли, вместе выросли, тянулись вверх. Одинаково щедро питала их соками земля, над ними было одно небо, одно солнце.

Трудно найти разницу между ними... и все же она есть: одно дерево плодоносит, другое нет. Потому и живут они разной жизнью, словно в разных мирах, между которыми даже общей границы нет.

Жизнь дерева, дающего плоды, полна тягот и беспокойства. Весь год работает это дерево, не зная ни сна, ни отдыха, ни покоя. Натужится, тянет корнями сладкие соки, собирает листьями небесную влагу и благодатное тепло. Трудится, не давая себе передышки, чтобы плоды были сладкими и румяными, чтобы своей красотой радовали все живое.

Хорошо бы, если только работа, но нет же: когда начинают созревать первые плоды, приходят новые тревоги, мучения, беды. Трясется дерево от страха – то камнями в него швыряют, то палками бьют. Изранят кору, карабкаясь по стволу, оборвут листья, нежные, сочные. Стонут сломанные ветви, истекая прозрачной, как слеза, смолой, печально клонится вершина.

Второе дерево все это видит, статное, горделивое, стоит себе, радуясь хорошей погоде, птичьему щебету в ветвях. Кудрявая крона заигрывает с ветром. Никто не трогал это дерево, не трогает и теперь. Так и простоит до осени, не потеряв ни листочка, и только когда зарядят холодные дожди, а ветер переменится на северный, пожелтевшая листва беспечно осыплется сама, оголив ветви, ровные, красивые, никогда не знавшие непосильного труда.

Когда трясут соседнее дерево, это презрительно думает: «И чего ему не хватает? К чему все заботы, все труды? Ради чего терпеть издевательства и побои? Из года в год одно и то же».

Да, дерево с плодами все это понимает. Но все идет по заведенному порядку, вот и теперь тоже. Пришла осень, и ни одного живого места на нем не найти. Начиная с несносных мальчишек и заканчивая дерзкими пернатыми, кто только не терзает его. Снова с хрустом ломаются ветки, кора изодрана, лишь кое-где чудом уцелела листва, – дерево выглядит так, словно по нему прошли колеса.

Но как бы ни было тяжело, сколько бы увечий оно ни получило, дерево продолжает работать. Придет весна, и оно примется за обычный свой труд. Без сна, без отдыха, ради будущих плодов. Печальным своим опытом дерево знает, что чем больше оно будет трудиться, чем больше даст плодов, тем больше ударов получит.

Но что делать, не может оно опустить ветви и бросить свою работу. Так уж устроено это дерево.

ДВОРНЯЖКА

Встретил я как-то собаку, ничего особенного, обыкновенная дворняжка. Бежала по дороге навстречу, опустив голову, старательно пригнувшись, как будто что-то потеряла, только было видно, что, скорее всего, сама и потерялась. Кто знает почему, но показалась она мне симпатичной, я и позвал ее с собой, отвел к себе на работу, – а работаю я сторожем, охраняю чужое добро.

Взял я, стало быть, дворняжку. Сами понимаете, что значит для сторожа хорошая собака. Что касается этой, никому бы и в голову не пришло сравнивать ее с породистыми псами, которых выгуливают в соседнем сквере их хозяева. Молодой не назвать, но и собачья старость еще не истремила ее шкуру, светло-коричневую в бурых подпалинах. Резвая и, по всему выдать, смысленная. Вертится передо мной, хвостом виляет да все в глаза норовит заглянуть. Чует, что счастье привалило: уже пристроена, уже при деле...

Не надо быть слишком проникательным, чтобы прочитать в ее взгляде: я вся в твоей воле, приказывай – все исполню! Ты – мой начальник, мой царь и бог!

А я не соглашаюсь, в том смысле, что не царь я тебе и не бог. Ни суровыми приказами, ни лишней работой обременять не буду. Мы с тобой напарники, и наше общее дело – сторожить, а потому я ничем не лучше тебя. Будем работать вместе, выполнять распоряжения нашего общего начальника, каждый в меру своих возможностей.

«Многих зверей и людей встречала я на этом свете, – поведал все тот же взгляд, теперь слезящийся от умиления, – но таких, как ты, не доводилось. Ты – лучший представитель породы двуногих, ты – человек в самом высоком значении этого слова! Если позволишь, всю жизнь проведу рядом, со всем моим уважением и почтением! Начиная с этой минуты, буду тебе лучшим другом!..»

«А что, – подумал я, – может, действительно эта дворняжка с короткой шеей будет мне другом? Говорят же: «Собака – друг человека», может, и она сумеет им стать?»

Подумал и как-то не нашелся сразу, чем ответить. Ведь собака, это все-таки собака. И потом, в слово «друг» я привык вкладывать гораздо больший смысл, чем может представить себе мой четвероногий напарник. Друг должен быть ближе, чем даже родной брат. Что не сможешь сказать брату, скажешь другу, и он выслушает, и он поймет. Я не из тех, кто способен бросить в разговоре: «Да это так, один мой друг». Разве может быть друг «так... какой-то там один»?

Кто-то там – это кто-то там, а друг есть друг. И я никогда не понимал и вряд ли когда-нибудь пойму, почему просто хорошего человека иногда называют другом.

Как бы там ни было, начали мы работать вместе. Дворняга все время со мной: сижу в своем шалаше – она рядом, встаю – она вскакивает, иду – она бежит впереди. Мало-помалу начинаю привыкать к ней. Если

отлучаюсь куда-нибудь, невольно думаю о ней, скучаю, чувствую, что как будто чего-то не хватает.

Разве не таких называют друзьями.

Я никогда не сажусь за стол без моего напарника. Нет, я никогда не предлагаю ему объедки, не сливаю для него остатки, не бросаю костей. Раз выполняет такую же работу, то и ест все, что и я сам, пьет, что я пью. Если встречаюсь с людьми – он со мной. Если ко мне пришли гости – зову его, всем показываю, нахваливаю. Вид у напарника довольный, вечно крутит хвостом.

Вот так и живём, прилипнув друг к другу, как мед и перышко. А люди никак нас не могут понять: что за мед, что за перья нас так сблизили?

Многие думали, что дворняга очень мне облегчила жизнь, что все замечает, на каждый шорох реагирует, – словом, служит не за страх, а за совесть.

Вот это как раз таки правдой и не было. Ничем она мне не помогала. Не было, наверное, среди собак более ленивой, чем та, с которой я подружился. Хоть убей, но до обеда с места не сдвинется, а после обеда где только не носится на своих собачьих лапах, убивая время. Потом могла часами дремать где-нибудь в тени. Я думал, что она ведет себя так потому, что еще не поняла своих обязанностей. Даже человек на новом месте не сразу понимает, где что брать и куда нести. «Ничего, привыкнет, – успокаивал я себя, – скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Но чем дальше, тем хуже становилось. Она просто привыкла к тому, что всю работу выполняю я. По своей наивности я не понимал, что это проявляется ее собачий характер. Никакой благодарности в ответ за мою заботу о ней. Через какое-то время стало ясно, что она и на мать родную не посмотрит, лишь бы не лишать себя удовольствия и удобства.

В общем, работая с человеком, собака возомнила о себе невесть что. Решила, что рядом с человеком и сама обрела человеческий облик. «Что, – вопрошает ее наглый взгляд, – ты думаешь, тебе понятно все, что делаешь? Вот я обладаю высокой культурой, потому что общалась с большими людьми. Работала в домах культуры, театрах, ресторанах. А потому в работе сторожа ты смыслишь гораздо меньше меня, и никогда не будешь разбираться в ней больше, не забывай об этом!»

Все это можно было как-то пережить, перетерпеть, если бы не то, что она недавно со мной сделала – подбежала и задрала ногу!

В моем иносказании нет ничего непонятного. И все же хочу кое-что добавить: хорошо, когда собака – друг человека. Но если друг человека – собака, тогда он взвалил на себя седло несчастья.

*Перевод с кабардинского
Лиона Мисостова и Ладомира Местича*



Адиль ТЕМУКУЕВ,
преподаватель школы с. В. Балкария

КАРТИНА

Невыдуманная история

Рамазан был пятым сыном в семье. Не сказать чтобы он был долгожданным ребёнком, но в те времена считалось: каждый ребёнок – божий подарок. Этот «подарок» не обрадовал ни маму Саният, ни старую Налжан, принимавшую роды. У мальчика на правой щёчке на уровне носика было довольно большое тёмно-багровое пятно. Обе женщины слышали, что дети с родимыми пятнами живут недолго. Так это или нет, они не знали, но верили в это, как и во все другие приметы, ведь речь идёт о временах, давно минувших.

Но Творец, как всегда, поступил мудро, никому не давая знать, кем вырастет младенец, который еще в люльке качается. Рамазан вырос и превратился в высокого, широкоплечего и очень привлекательного парня, став предметом вздыханий многих девушек, желанным женихом во всей округе. А родимое пятно, которое так испугало женщин в момент рождения, не только не обезобразило его широкоскулое мужественное лицо, но, наоборот, придавало ему какою-то только девушкам понятную притягательность.

Жестокая война внесла глубокие коррективы в привычный уклад жизни горцев. Первая повестка на фронт пришла Рамазану. Его провожали всем селом. Наверное, следует отметить, что в первые дни и месяцы никто не знал, насколько затяжной и кровопролитной будет эта война, поэтому все надеялись, что ушедшие на фронт очень скоро вернутся обратно...

Рамазан после недолгой подготовки попал в разведывательный отряд под командованием Аркадия Алексеевича Вольнцева, до войны очень широко известного профессионального художника-портретиста. На каждое задание командования командир роты неизменно брал с собой Рамазана. «С тобой надежнее», – часто повторял он. К тому же ротный дал своему любимчику новое имя на русский лад – Роман Меченый. Прибавка «Меченый» к имени Роман была, вероятно, намёком на родимое пятно. Как бы то ни было, это безобидное прозвище накрепко привязалось к нему, и настоящее его имя было просто забыто.

В эту ночь роте Вольнцева было поручено весьма ответственное задание: разведать точные данные о численности и вооружении немцев. Глубокой ночью комроты с Романом Меченым и двумя солдатами отправились в станицу, где остановился немецкий отряд, отбившийся от своей армии. Но в этот раз им явно не повезло. При входе в станицу их засекли дозорные и открыли по ним шквальный огонь. Два солдата погибли тут же. Командиру и Роману удалось скрыться, но Вольнцев был тяжело ранен в ногу и сильно хромал. Вскоре ему стало совсем плохо, он сел на снег, не способный сделать хотя бы шаг. Роман взвалил командира на спину и двинулся в дорогу. Вдали послышался немецкий говор, это была погоня.

Командир велел остановиться и, с трудом выговаривая слова, сказал: «Вдвоём нам не спастись, вот тебе пистолет, застрели меня – я не хочу попасть к ним живым. А потом как можно скорее беги в отряд и сообщи им мой приказ: отряд немедленно должен уходить в леса, командиром я назначаю тебя. Возьми пистолет и убей меня! Это приказ! Роман категорически отказался выполнять этот приказ, тогда командир взял оружие из рук Романа и со словами «За Сталина! За Родину!» поднес слабеющую руку к своей груди и нажал на курок... Роман разрыл глубокий снег и похоронил в нем своего командира. С тяжёлым сердцем, забрав пистолет и запомнив это место, чтобы при случае похоронить художника-командира с воинскими почестями, разведчик побежал на место стоянки своей роты. Однако намерение Романа достойно похоронить командира не осуществилось: отряд второпях покинул эти места. А там разведрота была расформирована, и война закрутила, завертела Рамазана.

Где только не пришлось воевать солдату-горцу. Судьба оказалось милостива к Роману. Война кончилась, и он живым и здоровым вернулся домой, то бишь в далекий Казахстан, где он и отыскал свою семью. Не боящийся самой тяжелой работы, он сразу понравился колхозному начальству и скоро был назначен бригадиром полеводческой бригады. К боевым наградам прибавились и трудовые.

В 1957 году Рамазан вместе со всем народом вернулся на исконную Родину, построил шикарный дом, растил и воспитывал детей, трудился в колхозе. На приусадебном участке разбил яблоневый сад в сто деревьев и стал получать хороший доход, реализуя выращенную продукцию в крупных городах тогдашнего Советского Союза. Для этого он сколотил бригаду из нескольких соседей, так было удобнее. В ту весну они повезли яблоки в один из областных центров Украины. Они сдали продукцию на заготовительную базу, но деньги в связи с нехваткой наличности им пообещали выдать через два дня, извинились и попросили подождать. Бригада Рамазана коротала время, слоняясь по городу.

В самом центре города они увидели огромный памятник жертвам Великой Отечественной войны, а рядом – громадное здание военного музея. Они вошли в музей и стали рассматривать экспонаты. Подойдя к одной из висевших на стене картин, Рамазан вздрогнул: на картине был изображен он – Роман Меченый. Это точно был он – на лице отчетливо виднелось родимое пятно. Он нес на спине своего командира, который тоже был узнаваем. Под картиной была подпись – «Роман Меченый. Спасение командира. Художник Аркадий Алексеевич Волынцев. 1975 год».

Ребята подошли к Рамазану и тоже уставились на картину. Сомнений не было: на картине был изображён их товарищ! Тут к ним подошла смотрительница музея и сказала: «Вы, кажется, заинтересовались этой картиной. Если хотите, могу рассказать о ней подробнее».

И, не дожидаясь ответа, она поведала интересную историю этого экспоната. Картину написал местный художник, который в войну служил командиром разведывательной роты. На очередном ответственном задании его ранило в ногу, тогда товарищ взвалил истекающего кровью командира на спину и унес от погоня... В этот момент смотрительница взглянула на Рамазана, и, умолкнув, некоторое время смотрела на него расширенными от удивления глазами, затем еле выговорила: «Роман – это вы?!»

– Что обозначает дата под картиной? – спросил тот.

– Это год написания картины. Автор закончил работу над своим произведением в 1975 году, к 30-летию Великой Победы.

– Скажите, – снова обратился Рамазан к смотрительнице. – Вы можете сказать, сколько в стране художников с именем Волынцев Аркадий Алексеевич?

– Легко, – ответила женщина. – Фамилии, имена и отчества, краткие биографии, а также названия работ размещены в нашем каталоге. Могу точно сказать, что такой художник в стране один-единственный.

Благодаря помощи смотрительницы музея Рамазан отыскал своего командира, они встретились, и Аркадий Волынцев рассказал, что в тот день, столь тяжелый для его отряда, когда он принял решение уйти из жизни, чтобы спасти остальных, и выстрелил себе в грудь, пуля прошла, не задев сердца. Раненый, он пролежал в снегу целый день. Вечером на него наткнулись партизаны – их собаки учуяли его под снегом.

Два солдата, два ветерана, два героя выпили за сказочную встречу фронтовые сто граммов. Кто бы их осудил за это!..

ХОРОШЕНЬКАЯ

Невыдуманная история

Когда маленькому Самагику исполнилось полтора года, Танзиля сразу вышла на работу. Её свекровь Таужан, которая жила в селе, переехала жить в город к сыну Баширу и стала сама нянчить внука, тем самым предоставив невестке и сыну возможность спокойно продолжать работу. Она недавно потеряла мужа, поэтому переезд в квартиру сына был отчасти и необходимостью: других детей у неё не было, а жить одной в селе оказалось непросто. К городской жизни она привыкла легко, да и скучать было некогда: ненаглядный внук её оказался мальчиком с неумной энергией, настоящим непоседой.

Башир уж и не вспомнит, когда дал Танзиле ласковое имя «Тапчыкъ», что по-балкарски означает «Хорошенькая». Это было в далёкие студенческие годы, когда и стали завязываться их отношения. С тех самых пор это имя накрепко к ней пристало, и она нисколько не тяготилась им, а втайне даже гордилась. Закончив престижнейший в те времена, да и сейчас тоже, медицинский факультет, и пройдя ординатуру в Москве, они вернулись в родной город и стали работать в хирургическом отделении самой крупной кардиологической клиники. По мере накопления опыта углублялись знания, оба стали заниматься научными исследованиями, но и откладывать рождение детей уже было нельзя, и Танзиля, беременная, на время оставила научную карьеру, только теперь благодаря бабушке у молодой женщины появилась возможность трудиться в практической хирургии и пробовать свои силы в науке. Очень скоро эти два хирурга приобрели непререкаемый и заслуженный авторитет в медицинском сообществе. Теперь ни один консилиум врачей без них не обходится, их мнение авторитетно, их диагнозы точны.

Вскоре Башир стал заведующим хирургическим отделением и поднял авторитет всей клиники на небывалую донныне высоту. Следствием этого стало

обстоятельство, что кардиобольные перестали стремиться попасть к столичным врачам. Скорее даже пошел обратный процесс – столичные пациенты все чаще ложатся на операционный стол к Баширу и Танзиле. За многие годы, с самого начала хирургической практики супружеской пары, у них не было ни одного фатального исхода. Ясно, что лучшей рекламы и не придумать.

Самат вырос и уже подумывает о выборе будущей профессии. Родители, конечно же, хотят карьеры в области медицины. Да и сам он склоняется к этому – ведь самым большим авторитетом по жизни для него являются родители. И не только для него. Семья Башира считается не просто счастливой – образцовой. Однако в жизни иногда происходят такие перипетии, которые кардинально меняют ее привычный уклад...

Такое произошло и в этой семье. Неожиданно, как это всегда и происходит, у старой Таужан случился тяжёлый инсульт... Длительное лечение принесло только ненадёжное, временное облегчение. Нейрохирурги, проводившие оперативное лечение, удивлялись: вернуть к жизни пожилого человека с таким обширным кровоизлиянием в мозг удастся крайне редко. Но болезнь оставила неизгладимый, неустранимый след. У неё нарушилась речь, и поведение стало непредсказуемым, неадекватным. За ней стал необходим постоянный уход. Башир был в замешательстве: что делать? Сиделку для ухода за неадекватным старым человеком точно не найти, оставить работу – тяжелое испытание! Несколько дней он ходил сам не свой. Выручила жена. Однажды утром она сказала мужу следующее:

– Я оставлю работу и буду ухаживать за твоей матерью. В конце концов, уход за свекровью – это долг снохи. В своё время она мне очень помогла, взяла на себя уход за нашим ребенком. А теперь, если я в трудную для неё пору оставлю её без поддержки, могу прогневить бога. Ну а когда мама поправится и сможет обходиться без посторонней помощи, надеюсь, ты найдёшь для меня какое-нибудь занятие в своём отделении.

Башир был весьма тронут решением супруги. Нежно обняв её, сказал:

– Я никогда не забуду твоего благородства. Именно такой ты и представлялась мне в первый день нашего знакомства. Обещаю, что никогда не обижу тебя ни словом, ни делом.

Действительно, забота и нежность мужа не имели границ. У Танзили в душе царили спокойствие и уверенность. Самый близкий человек – муж – достойно принимает и оценивает её жертву ради его матери. Что может быть лучше!

Речь Таужан восстанавливалась очень медленно, а неадекватность поведения и вовсе не проходила. Башир весь ушёл в работу. Больных, по его словам, становилось всё больше, к тому же это были в основном люди особого лечения, внимания и ухода. Именно поэтому муж задерживался допоздна, а порой оставался в больнице и ночевать. Танзиля несколько не волновалась, никогда не беспокоила его телефонными звонками, поскольку прекрасно понимала работу практикующего хирурга... Вечер, когда Башир оказывался дома, становились настоящим праздником для всех членов дружной семьи. Он увлекательно рассказывал о больных, и великая гордость за отца переполняла душу Самата. Даже Таужан в это время преображалась. Материнская гордость за сына была

заметна в её бессмысленном, рассеянном взгляде и бессвязном, почти детском лепете. Ведь у неё был самый лучший сын на свете!

Уже почти месяц шла настойчивая, даже назойливая реклама нового кинофильма, который сегодня демонстрировался в лучшем кинотеатре города. Самат попросил мать отпустить его в кино, и та нехотя разрешила. Народу в зале было полным-полно. Оглянувшись, он заметил, что прямо за его спиной два места пустуют. В зале погас свет, и фильм начался. Юноша, увлечшись тем, что творится на экране, не заметил, как опоздавшие два человека уселись в пустовавших за его спиной креслах. Вдруг его как током ударило: Самат явственно услышал за спиной голос своего отца:

– Тапчкык, положи свою головку на моё плечо, я хочу слышать твоё дыхание...

Сердце его бешено заколотилось, дыхание перехватило, он с трудом заставил себя успокоиться и не выскочил из зала.

«Теперь понятно, почему у тебя так много работы, почему задерживаешься допоздна, а частенько и ночью остаёшься на работе. Неплохо дни и ночи проводишь, когда моя мама одевает и с ложечки кормит твою мать», – так размышлял юноша, еле сдерживая слёзы. Больше всего покорило то, что отец посмел чужую женщину назвать именем, которым называл только маму. В душе он точно считал, что такого имени достойна только она – его мама!.. Слёзы душили, ему хотелось бежать домой и рассказать всё матери. Но он остался и подождал окончания сеанса. Люди начали выходить из кинотеатра. Вот показался отец, рядом с ним – молодая белокурая девушка, которая годилась ему в дочери. Самат неожиданно для себя двинулся им навстречу. Отец заметил его, побледнел и опустил на корточки. «Что с тобой?» – спросила, забеспокоившись, подруга. – «Ничего, ничего, у меня развязался шнурок на ботинке». Женщина громко расхохоталась: «Какие шнурки! Ведь твои ботинки на молниях!»

Не в силах дальше смотреть это «кино», юноша побежал домой. Мама кормила с ложечки бабушку. Сейчас он ненавидел и отца, и его мать, свою родную бабушку. Не сказав ничего матери, он прошёл в свою комнату и свалился на диван. «Он предал нас! Он предал маму! Он предал меня! Он предал свою мать! Он предал всех!» – стучало у него в висках. Мать позвала его ужинать, но он отказался. Через какое-то время сквозь тревожную дремоту юноша услышал шаги и весь съезжился. Он не вышел к отцу навстречу, как это делал всегда, и остался лежать на диване. Танзиля обратила внимание на лицо мужа – оно было бледно.

– Не заболел ли ты? У тебя такое осунувшееся, бледное лицо, – встревожилась она.

– Да нет. Сегодня на работе был трудный день, очень устал, – ответил отец. Приоткрыв дверь, Самат позвал маму и сказал:

– Мама, ты очень устала, пусть сегодня за бабушкой будет ухаживать папа. Можно же и тебе хоть одну ночь поспать спокойно...

– Что ты такое говоришь? – возмутилась мама. – Видишь, какой он уставший пришёл с работы! Нет, сынок, за бабушкой присмотрю я сама. А ты спи, спи.

Сын, тяжело вздохнув, отвернулся к стене...

Борис ГАУНОВ

В ГОСТЯХ У НОВОЙ РОДНИ

Рассказ



Хасит сидел с опущенной головой в ожидании когда же сосед соизволит оторваться от газеты и обратит на него внимание. Наконец не выдержал и встал.

– Ну, я пойду, Титу. Хотел с тобой поделиться тем, что на сердце у меня, да и совета попросить, но, видно, тебе некогда.

– Не торопись, сосед, пожалуйста, пообедай с ним, – задержала Хасита Кантаса, возившаяся у печи. И, оглянувшись на мужа, недовольно заметила: – Слушай, неужели другого времени не будет газету почитать, как будто никого кроме тебя и в комнате нет.

Титу рассеянно взглянул из-под очков.

– Да я так, думал просмотреть, пока накроешь на стол, а тут статья интересная попалась, вот и увлекся... Ладно, сосед, садись за стол... Пахнет вкусно... И по рюмочке можно пропустить.

И пока Кантаса ловко раскладывала по тарелкам источающее аромат мясо и пасту цвета янтаря, оба молчали.

– Ты, мне кажется, очень расстроен, – начала разговор Кантаса, обращаясь к Хаситу, и ставя на стол запотевшую бутылку водки. – Догадываюсь, в чем причина. Не понравилось тебе, как вы гостили в Гиляхстанее, я угадала?

– Где, говоришь, гостили? – Титу взглянул на супругу.

– В Гиляхстанее, – ответил вместо нее Хасит. – Что, не знаешь до сих пор, за кого вышла замуж моя единственная дочь, и в каком селе живет теперь? А я вот знаю, куда судьба завела твоих обеих дочерей, и мужей их знаю. Со старшим зятем как-то встретились в Баксане, поговорили о том, о сем, по рюмочке пропустили за все хорошее... Когда дочку после первого возвращения в отчий дом, как того велит обычай, отправляли обратно в дом мужа, я ведь просил вас поехать со мной, но никто из вашей семьи не откликнулся.

– Обижаешь, сосед... В тот день мы были на поминках бедняжки Нахцук. Ну а дочери... Ты сам только что сказал, давно уже замужем, сами решают, как поступать и что делать... А сын... Мы сами редко его видим... В городе живет, не часто приезжает... Так что не держи на нас обиду... Валлахи, уважаем тебя, и надеемся, что взаимно. Давай-ка за это и выпьем...

– Не думайте, в друзья навязываться не стану. – Нахмурившись, Хасит вытирает вспотевшее лицо, и заметно, как дрожит его рука. Супруги переглянулись.

– Что ты такое говоришь?! И потом, ты что, пришел ссориться или советоваться? – с явной обидой в голосе спрашивает Титу.

– Клянусь, Хасит, твои новые родственники очень хорошие люди, как говорится, таких у Бога просят. – Кантаса поняла, что надо направить разговор в другое русло.

– Да, с гиляхстанейцами не сравниться. И традиции, и обычаи они сохранили лучше, – добродушно заметил Титу, и произнес здравицу в честь новых родственников Хасита. Выпили.

– Клянусь Аллахом, Хасит, не знаю, как вы там у них гостили, но когда они приехали к вам, я очень нервничала из-за Гумара. Ну разве можно при гостях так напиваться, что на ногах не стоять и не помнить того, что говоришь...

– Какой Гумар?

– Жены Хасита брат, ан-на.

– А-а-а...

– Чтоб ты жила долго, Кантаса. Прямо в душу мою заглянула. А как меня этот Гумар заставил нервничать!.. Расскажу все по порядку. Иду я к нашему Худину с просьбой барана резать, а его дома не оказалось, с фермы еще не вернулся. А Цута с утра отправился на базар в Георгиевск. Посылаю мальчика за Токуем, а тот уехал в Инал-хабля на свадьбу. А тебя, Титу, и моего нового родственника по матери нельзя позвать на помощь: вы должны с гостями сидеть, как велит обычай. Нервничаю... Да еще беспокоюсь, что хозяйка моя с Кантасой не управятся с приготовлением угощения... Короче говоря, решил сам резать барана, а в помощники пришлось мальчишку взять... Только зашел в хлев, как откуда ни возьмись появился Гумар, еле на ногах держится. И давай мне выговаривать, мол, одного барашка не хватит. И выпивки мало, и гуся чтобы резали он не видел. А ты знаешь, говорит, что гиляхстанеевцы гуся очень ценят, первое блюдо у них. Поучает, а сам еле языком ворочает, двух слов разом сказать не может... Как это тебе?

– Что и говорить, позор на его голову.

– Значит, отнял он у меня немало времени своей пьяной болтовней, а тут еще пожаловала эта пустоголовая Марина, дочь этой противной Чабахан, она тоже зашла в хлев и жеманно так говорит: «Женщины-гости хотят тебя видеть». Раз хотят – захожу. Я эту Марину не звал, просто моя хозяйка помогла им кое-какие вещи продать, вот она и пришла за деньгами. Тоже мне, нашла время, могла бы и подождать. Мать ее нам дальней родственницей доводится, но все равно ни ее, ни дочь ее я и не думал приглашать.

– Звал – не звал, неважно. А пришли, тоже ничего страшного. Лучше давай выпьем...

– Ан-на, дай ему досказать, – просит Кантаса, но Титу настаивает, и они опрокидывают по очередной рюмочке.

Хасит уже захмелел: с трудом размыкал отяжелевшие веки и улыбался, думая о чем-то своем.

– Ну, дальше что... Заходишь к женщинам, – подсказал Титу.

– Ну да, захожу... Захожу, и...

– Извини, но очень некрасиво получилось, что ты и Суратхан вместе не вошли к гостям, – перебила его Кантаса, – положено ведь вместе. Бог ты мой! Что же вы наделали?! Все это не по обычаю.

– А я что, должен был ее по всему двору искать? Я же барана разделявал. И потом... Зачем она послала за мной эту Марину, пришла бы сама, вот бы вместе и вошли. – Видя, что Хасит раздражен, Кантаса не стала спорить. – Значит, захожу в комнату, и что я вижу?! На диване сидит, развалившись, Чабахан, рядом с ней Марина стоит уже... «Лучше мне умереть, – шепчет мать дочери, – ты только посмотри, как он одет»... А Марина в ответ: «А какой грязный воротник у рубашки»... Все это я слышу прекрасно... Все встали, и гости, и наши женщины. Ну, думаю, раз я услышал, что эти двое сказали друг другу, то, разумеется, и все услышали. Тут я не выдержал и говорю: «Как я одет, не ваше дело. И мне нет никакого до вас дела. Незваные пришли вы»... Смотрю, Суратхан, моя половина, уже стоит рядом с гостями на почетном месте, и сверлит меня взглядом, да еще и фыркает, дает понять, что не понравились ей мои слова.

– Ай-яй, Хасит, – Титу качает головой.

– Что «ая-яй», Титу? Надо же было поставить их на место.

– Так стыдно же получилось.

– О чем ты говоришь, Титу?! Значит, то, что я сказал – стыдно, а то, как они поступили – не стыдно?! – все сильнее горячился Хасит. – Я что, на парад собрался, чтобы разодетым быть. Я ведь барана резать должен был, да еще один, без помощника, с мальчишки-то что возьмешь. Неужели много ума надо, чтобы понять, почему мне пришлось в таком виде предстать перед гостями. Только у этой Чабахан, видно, и ее дочери-кривляки совсем мозгов нет, раз выставили меня на посмешище, да еще в моем же доме, да еще и при новых родственниках, – кипит Хасит. – Лучше бы Чабахан дочь свою в чувство привела, а то стыд да и только. Юбка даже до колен не доходит, глазница так покрашены, что смотреть противно, а прическа похожа на плетеную корзину.

– Ладно, ладно, оставим этот разговор, – пытается урезонить Хасита Титу. – Давай о другом... Ты, кажется, посоветоваться о чем-то хотел со мной?

– Да. Но сначала я должен рассказать о том, что видел и что слышал, когда мы гостили у моей новой родни в Гиляхстанее.

– Ну, рассказывай...

– Встретили нас очень тепло и проводили в богато обставленную комнату. А там – хмельная компания, особенно один сразу обратил на себя мое внимание. Видать, большой любитель выпить, Хашора, так его звали. Болтает и болтает, и все о себе, никак не нахвалится. Лопнуло мое терпение, я и говорю: «Слушай, парень, если можно, помолчи немного». Правду сказать, он внял моей просьбе, но зато стал смотреть

на меня недружелюбно... Ну да ладно... Выпили, познакомились друг с другом... Пришлось мне тост произнести. Только начал, как этот Хашора засмеялся.

– С чего бы это?

– Сейчас узнаешь... Клянусь Кораном, говорит, глядя на меня, я его жену (это он о Суратхан) принял за его мать, когда мы встретили их и здоровались.

Тут уж все засмеялись, даже те, кто со мной приехал в гости. Как это тебе?.. А Хашора опять за свое: перебивает, не дает говорить. Кто-то из хозяев не выдержал и прикрикнул, мол, не перебивай гостя. Хашора замолчал, но ненадолго. И мне пришлось несколько раз тост начинать заново. Тут я взорвался и наговорил ему такого, что и врагу не пожелаешь. Ну, вывел он меня из себя... За столом зашумели: кто уговаривает меня успокоиться, кто на ногу наступает, мол, хватит, стыдно... А этому наглецу хоть бы что. Продолжает сыпать словами, одно злее другого. Наконец тамада не выдержал и велел Хашоре выйти из-за стола. Как раз вовремя, а то еще немного, и мы бы, наверное, сцепились друг с другом, от слов к кулакам перешли бы.

Ну, выпил я залпом полный стакан водки, чтобы успокоиться... Все равно чувствую себя не в своей тарелке, потому что никто в мою сторону не смотрит, отводят глаза, видно, за то, что не сдержался и сказал этому наглецу такое, что за столом не говорят, как правило. Проходит некоторое время. Все вроде успокоились. Тут кто-то начал петь, я подпеваю, а потом и сам затянул старинную песню... Вдруг в комнату вошел какой-то парень и прямо к тамаде направился. Что-то прошептал ему. Тамада поднялся со своего места, а я возьми да скажи: «Что, Адельгери (так звали тамаду), в сон клонит? Потерпи еще немного, мы не собираемся на всю жизнь здесь оставаться».

– А что тамада?

– Вышел, ни слова не сказав, а я, честно говоря, немного погодя, начал сильно жалеть, что плохое слово сказал при всех этому Хашоре, неудачно пошутившему в адрес моей половины.

Тем временем вернулся шхагарит и тут же вышел вместе с Гумаром. Оказалось, по просьбе моей жены. Через минуту-другую Гумар вернулся хмурый, как пасмурный день, подошел ко мне и шепчет: «Дочь твоя, Хабидат, сидит в своей лагуне и плачет. Муж отказывается от нее. Он ей говорил, чтобы из родительского дома не возвращалась. Так и сказал: «Не хочу тебя видеть... Езжай обратно вместе со своей родней...» Я чуть язык не проглотил от неожиданности... Потом пришел в себя и говорю: «Этому не бывать!..» И мы уехали без дочери. Как ты считаешь, правильно мы поступили или нет? Вот за этим я и пришел к тебе.

Титу и Кантаса, не предполагавшие такого поворота событий, ошеломленно переглядываются, не зная, что и сказать. В комнате повисло тягостное молчание. Единственные звуки – потрескивание угольков

в печи, да размеренное тиканье настенных часов... Вот кукушка выскочила из оконца висевших часов, прокукукала и снова скрылась.

И в это время громко хлопнула калитка, и во двор не вошла, а скорее влетела немолодая полная женщина. Даже издали было заметно, что она в гневе. Это – Суратхан, жена Хасита.

– И долго ты будешь здесь сидеть и скалить зубы? – прямо с порога накинулась она на мужа. И тут же обратилась к Кантасе: – О, Аллах, милосердный и всемогущий! Прошу тебя, не прости того, кто сделал нас несчастными!

– Кого ты имеешь в виду? – спросила Кантаса.

– Да этого Хаждаута, чтоб ему пусто было! Не уделял он внимания нашей дочке, пока та подрастала. Ни флакончика духов не подарил, ни душистого мыла, как это обычно делается. Так какое ему дело было до замужества Хабидат? Сделал и ее, и нас несчастными. А с самого, как с гуся вода... Ты же знаешь, Кантаса, не по обычаю взяли нашу дочь замуж. Калым не заплатили, а просто украли... Мы не стали под суд парня отдавать, чтобы жизнь ему не сломать. – Суратхан пока говорила, поставив, левую руку на бедро и правой размахивая, платок соскользнул с головы, и по сильно поседевшим волосам с трудом можно было догадаться, что эти волосы когда-то были черными. Окаменевшие от неожиданности, все трое стоят, глядя на разгневанную женщину.

– А что же произошло? Как женщина женщине можешь рассказать, – просит Кантаса. – Давай пройдем в другую комнату, и....

– Не пойду, потому что не могу больше говорить об этом... Могу только Аллаха просить, чтобы не простил проклятого Хаждаута, это он этот брак устроил...

– Не кричи в присутствии старшего, – пытается урезонить супругу Хасит.

– Еще как буду кричать? Ты во всем виноват. Заставил Хабидат отказаться от того хорошего парня, с которым она встречалась, он прямо сох по ней. А когда другой, которого мы знать не знали, умыкнул ее, не разрешил под суд отдать. На что ты надеялся? И что из этого вышло?! Когда этот, не имеющий ни чести, ни совести, заявил нашей дочери: ты, мол, мне больше не нужна, – что ты должен был сделать?! Не знаешь, так я скажу. Ты должен был заявить родителям парня: «Хотите видеть своего сына в тюрьме за то, что сломал судьбу нашей дочери?!» А он, Кантаса, сидел за столом и песни распевал, в то время как наша бедная дочка Хабидат слезы проливала! Вот я и говорю: ты во всем виноват... Распрощался со всеми и уехал, как будто ничего не случилось.

– А что ты хотела, чтобы я затеял драку в доме, где мы до этого не были ни разу. По тому, как я осадил этого противного Хашору, все поняли, что я не из слабаков. Но если бы с миром не покинули мы их дом, наша дочь еще больше была бы опозорена... А вот ты вела себя неподобающим образом. Наговорила всякого свекрови и свекру. Говорят, и во дворе скандалила.

– Так им и надо... Мы не хуже их, хотя и бедные. Таких, как мы,

как говорится, сто и один... Пусть не кичатся своим богатством: сегодня есть, завтра может и не быть...

– Да ты только навредила нашей дочери своим ядовитым языком, – говорит Хасит, глядя на Титу в надежде, что тот поддержит его.

– Эх ты, слабак, – не унимается Суратхан, – если бы вчера повел себя как настоящий мужчина и заставил их поджечь хвосты, мы бы избежали позора... Ты думаешь, почему я пришла? Эта семья, Титу и Кантаса, для нас не чужая, пусть узнают первыми, что случилось. Привезли, уважаемый, твою дочь обратно... Недаром говорят: «Волк по шапке узнает, у какого чабана овцу можно стащить», – продолжала язвить Суратхан...

Хасит вздрогнул всем телом: эта весть обожгла его душу. Он поднял руки, словно собираясь молиться, и тут же бессильно уронил их.

– Что ты такое говоришь?! Это все твой злой язык натворил, да, да, твой злой язык! – и Хасит выскочил из комнаты. Следом – и Суратхан. Продолжая браниться, они опрометью бросились с соседского двора.

– Вот твоя дочь, дорогой, – язвительным тоном заявляет Суратхан, едва оба переступили порог.

А Хабидат в это время разбирала то небольшое, что привезла с собой из дома мужа, теперь уже бывшего. И тут нервы у Суратхан совсем сдали. Она подбежала к дочери, и на бедную девушку обрушился град ударов: кулаки у матери большие, тяжелые... а Суратхан бьет и приговаривает: «Ну что, выйдешь еще раз замуж, не зная, кто он и что он, да еще и тайком от нас?! Выйдешь, выйдешь, выйдешь?!»

А Хасит стоит на пороге с опущенной головой и что-то шепчет про себя. Так и стоял бы он еще долго, сам не свой, предаваясь тягостным мыслям. Но тут донеслось до Хасита мычание да бляение: он даже вздрогнул. Удрученный, засунув руки в карманы старой телогрейки, болтавшейся на нем, как на вешалке, нахлобучив выдавшую виды шапку-ушанку, он побрел к хлеву. На скрип открывающейся двери их единственная коровенка да две овечки наострили уши и уставились на вошедшего хозяина, даже тянуть свою жвачку перестали. Казалось, что животные чувствуют, как плохо сейчас тому, кто кормит и поит их изо дня в день...

Но Хаситу было уже не до них. Его взгляд сразу был прикован к тому, что находилось в нескольких метрах от него. На плетне, похожая на огромную распластавшуюся летучую мышь, висела шкура... черного барана, того самого, что он, Хасит, разделявал той ночью, ставшей теперь для его семьи злосчастной. Он сорвался с места, подбежал к бараньей шкуре, схватил и стал мять и комкать, а потом отшвырнул от себя подальше. И почувствовал... облегчение.

Перевела с кабардинского Инна Газарова

Биберд ЖУРТОВ

СМЕРЧ

Главы из романа

*От переводчика**В этом году ему должно было исполниться 75 лет. А его нет с нами уже девять лет...**Накануне 65-летия Биберда Журтова мы встретились с ним в прямом эфире радио, и он процитировал любимого артиста Сергея Юрского: «Здоровье поганое, а настроение – хорошее!». Несмотря на тяжелую болезнь, он оставался светлым, наивным и беспокойным человеком. Я уже заканчивала перевод его последнего романа «Смерч». Благодаря журналу «Литературная Кабардино-Балкария», он успел увидеть опубликованными первые главы. А последние главы я передала ему в рукописи (компьютеров в нашем арсенале еще не было)...**За рукописью я пришла в дом Биберда уже после его смерти. Думала, придется искать долго в огромном архиве. Но как же я была благодарна своему старому другу – светлая ему память! – когда увидела абсолютный порядок в его действительно большом архиве: никакой путаницы, для каждой вещи – своя папка. Друзья говорили, что в этом был весь Биберд, основательный и аккуратный во всем.**Знаю, как мечтал Биберд Журтов увидеть свой роман опубликованным. Очень надеюсь, что книга все же увидит свет. А пока – главы заключительной части.*

7

Майору Мурадину Карданову не довелось дойти с боями до Берлина и оставить свое имя на рейхстаге. Победу он встретил в Праге. С фронта вернулся с первым эшеленом. Торопился в Ялту, к Наташе, о которой он ничего не знал с начала войны.

Где цветущий край, оставленный им где-то в другой жизни? Город лежал в руинах. Своего дома Мурадин не нашел. Воронка и обломки стен. Ноги подкосились у бравого майора. Он сел на камень и обхватил голову руками. Долго ли сидел – не понял сам, наконец встал и побрел в сторону санатория, где работала Наташа. Слабая надежда теплилась в душе...

Половина здания была разбомблена, уцелевшая часть, по всей видимости, пустовала. В дальнем углу двора возились две старушки. Чувствуя уколы в сердце, Мурадин подошел к ним, поздоровался.

– Вы случайно не знаете, куда эвакуирован этот санаторий?

– Не знаем, родненький, наш дом под бомбежку угодил, так мы здесь перебиваемся.

– Простите. Я Серафиму Илларионовну искал, – сказал он в пустоту и уже собрался уходить.

– Она вон там живет, – услышал он вдруг вдогонку.

– Кто? Серафима Илларионовна?! – от внезапной надежды Мурадин сорвался на крик. – Где? Я про главврача говорю!

– Она и есть... Зайдете прямо, вторая дверь направо...

Невыразимо долгим казался этот путь в десяток шагов. А вдруг... Как они встретят его? Четыре года неизвестности... Они живут вдвоем с Наташей, иначе и быть не может.

Перед дверью оробел. Сердце колотилось в груди. Постояв с минуту, тихо постучал. Открыла Серафима Илларионовна. Она охнула, бросилась ему на грудь и затряслась от долгого, беззвучного плача.

– Живой, – произнесла она наконец. – Да что же это я... Входи скорее, сынок. Присаживайся.

Мурадин искал глазами Наташу. Перехватив его взгляд, женщина тяжело вздохнула, молча открыла комод и достала знакомые ему вещицы: кольцо, серьги, часы...

– Когда?... – выдавил он из себя.

– Через неделю после твоего отъезда. В госпиталь попала бомба. Они долго сидели молча, убитые общим горем.

– Елене Сергеевне сообщили? – выдавил из себя Мурадин.

– Она уже никогда не узнает, сынок...

– Значит, и она...

– Да. Погибла в блокаду. Я ведь ездила к ней после освобождения Ленинграда, вещи Наташеньки отвезла, вот эти самые. Не было больше ни дома ее, ни клиники... Да и самого Ленинграда не было.

Серафима Илларионовна плакала и не вытирала слез. Наконец собралась с духом и спросила:

– Ты-то как? Куда теперь?

– Не знаю. В Кабарду вернусь, наверно. Мечтал с Наташей поехать...

– Тебе виднее. На работу заходил?

– Нет, я сразу сюда. Зайду, может, документы мои сохранились, надо забрать.

– Завтра пойдешь, сегодня уже поздно, не найдешь никого. Мы с тобой к Наташеньке ходим на кладбище...

Наутро Мурадин отправился в горком. Из прежних коллег здесь остались несколько женщин. Иван Павлович умер. Другие мужчины – кто сменил работу, кто погиб на фронте, кто еще не вернулся с фронта.

– Какие планы, товарищ Карданов? – осведомился новый первый секретарь. – К нам возвращаетесь, или как?

– Хочу на родину к себе уехать, – ответил Мурадин. – Родные заждались.

– Жаль. Удерживать права не имею. Хотя мог бы предложить должность не ниже прежней, и членство в бюро. Подумайте.

– Благодарю. Я уже подумал. Партбилет при мне, а другие документы, надеюсь, сохранились?

– Дам команду все подготовить, а вы зайдите через часок.

Мурадин вышел из кабинета и едва не столкнулся в коридоре с женщиной.

– Извините... Любовь Ивановна! Любаша! Ты ли это?!

– А то кто же? Как я рада видеть тебя живым и здоровым!

– А ты разве не в ЦК? Вроде уезжала.

– Да я приехала на пару деньков, родителей поведать. Все пытаюсь их в Москву перетянуть, они упираются, не желают на старости лет с места трогаться... А как твоя женушка-красавица?

Мурадин помрачнел.

– Нет больше Наташи. Погибла во время бомбежки, прямо за операционным столом.

– Прости, мне очень жаль. Прими мои соболезнования... Бывало, я при встречах подкалывала ее, гляди, мол, отобью мужа, а она все отшучивалась.

– А сама ты замужем, конечно?

– Ты же знаешь, мужчинам я не доверяю. Мне хватило одного горького опыта, – усмехнулась Любовь Ивановна.

– Зря ты так. Мужчины ведь тоже разные бывают.

– А такого, как ты, все равно не найти, – пошутила она. – Кстати, что дальше собираешься делать?

– Домой уезжаю. Через час велели зайти за документами.

– Может, ко мне зайдешь? – предложила она. – Чайку попьем.

– Я бы к морю хотел. Не составишь компанию?

– С удовольствием.

Час пролетел быстро, и они вместе вернулись к горкому.

– Ну, бывайте здоровы, товарищ Карданов, – первый секретарь крепко пожал ему руку. – Надумаете отдыхать – других маршрутов не ищите, сразу к нам. Будем рады.

– Спасибо, – улыбнулся Мурадин, – кто знает, может, и надумаю.

– А я не прощаюсь, я вернусь позже, только провожу Мурадина Муридовича, – сказала Любовь Ивановна.

В тот день ей не удалось вернуться в горком. Пока на вокзал съездили за билетом, пока у Серафимы Илларионовны чай пили – за окном наступила ночь.

Наутро женщины с грустью провожали его.

– Не забывай меня, мой мальчик, – прослезилась старушка, – пиши хоть изредка.

– Будешь в Москве – дай знать, адрес тебе известен, – сказала и Любовь Ивановна.

– Ах, голова садовая, чуть не забыла, – спохватилась Серафима Илларионовна и стала совать Мурадину в карман какой-то сверток. – Наташенькины вещицы.

– Дорогая моя, я же вам сказал... – запротестовал было Мурадин, но та решительно отмахнулась:

– Ни за что не оставлю, хоть убей.

Помешкав, Мурадин развернул платок.

– Тогда... окажите любезность. Серафима Илларионовна, Наташа была вам как дочь, возьмите в память о ней, – он вложил ей в руку кольцо и цепочку. – И тебя, Люба, Наташа очень любила, носи это и вспоминай о ней. – Мурадин протянул ей сережки и колечко. – А это... подарок Елены Петровны к нашей свадьбе, я буду хранить, пока жив. – Повертев в руках кольцо, он завернул его в платок и положил в нагрудный карман.

Серафима расплакалась. Люба потянулась к Мурадину и поцеловала, и было в этом трепетном поцелуе все – и любовь, и сочувствие, и грусть...

К вечеру третьего дня Мурадин шел по Нальчику, и каждый шаг отдавался в сердце болью. Что стало с его любимым городом. Руины, разруха. Где тот чистенький, аккуратный городок его детства?..

Однако пора подумать о ночлеге. После недолгих поисков ему указали на домик в районе базара – там одна старушка пускает на постой.

В комнате стояло несколько коек с довольно изношенным, но чистым бельем. Здесь уже были, кроме него, двое парнишек. Они легли рано и тут же уснули младенческим сном, а Мурадин проворочался всю ночь и задремал перед самым рассветом. Разбудили его голоса парней. Они собирались уходить, и вдруг в их разговоре прозвучало знакомое «Мишхидж». Мурадин встрепенулся:

– Откуда будете, ребята?

– Из Мишхиджа.

– Да ну! – обрадовался он.

– А у тебя там знакомые? – поинтересовался парнишка.

– Да уж есть кое-кто, – улыбнулся в ответ Мурадин. – Ты чей сын?

– Шогенова Мусы, – недоуменно ответил тот.

«Вылитый отец, – растроганно подумал Мурадин, – и как я сразу не разглядел? Давно ли мы с Мусой на повозке везли с верховий раненого Мисроко!...»

– Как отец?

– Откуда ты его знаешь?

– Я многих в том селе знаю, – продолжал хитрить Мурадин.

– Отец воевал, как и все, – ответил наконец парнишка, – без руки с войны вернулся.

– Вот как... Но ведь живой, и это главное!

– Да он и с одной рукой хоть куда – и по дрова в лес, и на сенокос... А это вот тоже наш родственник, Шухиба Шогенова сын, знаешь такого?

– Не припомню.

– Ладно, нам пора, еще лошадь в телегу запрячь надо.

– Так вы на телеге! – обрадовался Мурадин. – Значит, и меня до дому подбросите?

– Ты из нашего села? – воскликнули хором парнишки.

– Ну конечно, Карданов я, знаете таких?

– Да у нас полсела Кардановы!..

По дороге попутчики рассказывали Мурадину сельские новости. Трое недавно подорвались в поле на mine, один из них – председатель колхоза Мурид. Двоих жалко было, а про Мурида никто слова доброго не сказал... Мурадин промолчал.

Вдали показалась машина и стала быстро приближаться.

– Едет в сторону Тырныауза, – деловито сообщил парнишка, – может, остановим, быстрее доедешь.

– А вы не обидитесь?

– Еще чего, ты с войны едешь, к своим торопишься! Правда, машины редко останавливаются, не велено им, говорят. Но перед твоими погонами ни один шофер не устоит!

Они остановили телегу, и Мурадин спрыгнул на землю и проголосовал. Водитель притормозил.

– В Тырныауз, товарищ майор?

– До Мишхиджа подвезешь?

– Отчего не подвезти! Садитесь! Нам, правда, запрещают пассажиров брать, но вы-то с войны идете, я ж вижу!

– Ну, ребята, спасибо за все, дома свидимся! – Мурадин махнул рукой на прощание. Машина тронулась, оставив за собой облако пыли.

– А ведь я узнал его, Мусарбий, – сказал один из парней, глядя вслед удалявшейся машине. – Он Заурбека Карданова старший брат.

– А что ж ты промолчал?

– Их дом бомбой разнесло, мать погибла. Человек с войны идет, а я ему на полпути такую новость... Нет уж.

– Ты прав. Я бы не подумал...

Распровавшись с шофером, Мурадин торопился к родному дому. Никогда бы не подумал, что знакомый переулочек тянется так долго. Тревожно на сердце. Как встретит его мать? Небось, соседи тут же сбегутся, он даже пару слов не успеет сказать. А ему надо долго говорить с матерью, многое рассказать, попросить прощения за все долгие годы, что его не было рядом...

Он стоял у ворот в оцепенении... Где дом?. Может, улицей ошибся? Нет, вот дом Дуко, вот орешник древний... а его дома нет. Сарай стоит, явно подлатанный недавно... Сердце майора сжалось в комок и упало куда-то в пустоту...

Выглянувшая из дома Дуко молодая женщина всплеснула руками и поспешила навстречу.

– Добро пожаловать домой, заходи же скорей... – Она запнулась, не зная, как теперь обращаться к нему – не называть же по имени старшего деверя. – Заходи, я сейчас...

Она сбегала куда-то черед дорогу, через минуту вернулась, а за ней, поправляя на бегу платок, спешила Зулижан.

– Ах, Мурадин, душа моя, счастье-то, счастье! – заголосила она, обнимая его. – Бедная Гошана, только и слов было, что о сыне. Не дождалась, бедная...

Свет померк в глазах Мурадина. На войне он каждый день видел смерть, но когда речь идет о родном человеке...

– Так ты... не знал? – ужаснулась Зулижан. – А я-то тебе в лоб, дура несчастная! Бедный мой мальчик, прости меня...

Мурадин без сил опустился на лавочку у плетня.

А известие о возвращении еще одного солдата уже облетело все село, сбежались соседи, а окрестные мальчишки ватагой понеслись на полевой стан – обрадовать Заурбека.

8

Вот уже неделю Мурадин скучал дома. Не привык он отдыхать, особенно когда у других дел по горло.

– Знаешь, Заурбек, – сказал он вечером, – съезжу-ка я в райком, может, работу какую подыщу.

– Ты бы хоть месяц отдохнул, – расстроился брат. – И потом... может, в селе дело найдется? Уедешь опять...

– Ну какая тут работа? – пожал плечами Мурадин. – Не бойся, дальше района не уеду...

Первый секретарь райкома радушно встретил бравого майора с боевыми орденами на гимнастерке. Мурадин положил на стол партийные документы. Первый глянул – и радостно засуетился:

– Очень рад, товарищ Карданов! Наслышан о вас. Вы к нам на учет становитесь, так я понял?

– Так точно. Может, еще и работа для меня найдется?

– Я как раз собирался вас искать. Вчера из обкома звонили, велели найти вас и доставить. Съездим, выслушаем, а потом и о работе подумаем. Идет?

– Идет, – без особого энтузиазма ответил Мурадин. Отчего-то забеспокоился. – Простите, не знаю вашего имени.

– Да, забыл представиться. Темболат я, из Гетежевых.

– Очень приятно, Темболат. Только... нет ли тут ошибки? Откуда в обкоме знают обо мне? Я никогда здесь не работал, и приехал недавно.

– Вы ведь Мурадин Карданов из Мишхиджа? Никакой ошибки нет. Точно не знаю, но насчет вас, кажется, был звонок из ЦК.

У Мурадина словно камень с души свалился. Крепко же в нем засел былой страх. Не иначе как Любовь Ивановна побеспокоилась о его трудоустройстве. Неудобно даже. Его словно навязывают «сверху»...

– У нас тут ваш односельчанин работает, Каншобий, сказался вашим другом. Говорил, что вы вместе в Ленинском учебном городке учились. Сейчас, правда, приболел немного, даже в больницу собирался лечь. Ничего, отыщется. Когда в обком едем?

– Я бы хоть сейчас, но в форме...

– А что, так даже лучше, героя войны и примут по заслугам.

– То-то и оно, получается, я выпячиваю свои заслуги!

– Это не причина, – махнул рукой Темболат, – тут гордиться надо!

Мурадин не стал спорить. Если и предложат заехать домой и переодеться – у него и одежды-то другой нет...

– Давно Каншобий в райкоме?

– С тех пор, как немцев прогнали. До этого учителем работал в Экипцоко. А что?

– Да так. Давно не виделись, думал, он еще с войны не вернулся.

– Он на войне и не был, комиссовали.

Мурадин промолчал. Так он и думал...

Всю дорогу Темболат жаловался на сложности в работе. Нет настоящих партийных кадров, опереться не на кого.

– Не имеющий вола запрягает телка, – вздохнул секретарь. Мурадин так и слышал между слов просьбу остаться в районе. Но все зависит от намерений обкома.

– Наверно, и в других районах не легче, – поддержал разговор Мурадин. – Ведь сколько образованных людей на войне полегло.

– Да, и не только на войне, – сказал первый секретарь. – Война-то только подобрала уцелевших.

Мурадин удивился подобной дерзости. Ведь они почти незнакомы, а сейчас каждое слово – риск. А может, обстановка в республике настолько смягчилась?

В приемной пришлось подождать. Наконец их пригласили в кабинет.

– Очень рад, – сказал первый, пробегая глазами документы Мурадина. – Рад, что к нам возвращаются такие заслуженные люди, да еще и готовые партийные работники. Туго сейчас с кадрами, туго.

Он умолк и задумался, барабанил пальцами по столу.

– Вот что, молодой человек. Направим мы тебя в один из крупных районов первым секретарем. Как смотришь, товарищ Гетежев? – повернулся он к Темболату.

– Прекрасно смотрю, Михаил Борисович.

– По правде, товарищ Карданов, мы готовили на это место другую кандидатуру, но ваш приезд изменил наши планы.

Мурадин встал:

– Можно сказать, Михаил Борисович? Боюсь, это чрезмерная ответственность для меня. Вдруг не справлюсь, подведу вас? Не меняйте своих планов из-за меня, прошу вас, а мне доверьте что-нибудь поскромнее...

– Это почему ты не справишься? – удивился первый. – В Ялте справлялся, а теперь что? У себя дома и собака сильнее, так, кажется, ваша пословица гласит? Если что, на помощь всегда можешь рассчитывать.

– И все же, Михаил Борисович, – попросил Мурадин, – дайте мне время проявить себя, а там посмотрите, двигать меня дальше или нет. Район – это сложный механизм, это и растениеводство, и животноводство, и школы, и много чего еще. Мне бы определенный участок и определенные обязанности, и больше пока не надо.

Михаил Борисович снова задумался.

– А что я в ЦК отвечаю? Что от должности отказался?

Снова пауза. Потом хлопнул ладонью по столу:

– Ладно. Пойдешь заведующим отделом пропаганды и агитации обкома. Когда приступишь?

– Когда прикажете.

– Через три дня чтоб был на пленуме.

– Есть!

У Темболата были еще дела в обкоме. Он предложил Мурадину дожидаться его и поехать вместе, но тот отказался.

Он тихо шел по Кабардинской улице, направляясь к дому Галины Николаевны. Последняя встреча с несчастной женщиной вспоминалась с содроганием. Как она теперь? Узнает ли его? Да и жива ли...

Дверь открыла незнакомая женщина.

– Такая здесь не живет, – бросила она в ответ и захлопнула дверь.

Постояв в растерянности, Мурадин снова постучал.

– Говорят вам, нет здесь такой! И нечего стучать!

– А не скажете, куда она...

Дверь захлопнулась. Удрученный, стоял он посреди двора. Вспомнил о старушке, с которой познакомился в прошлый раз, и без особой надежды постучал в ее дверь. Тишина. Постучал сильнее. За дверью послышался шорох шагов и старушечий голос:

– Иду, иду!

Она его не узнала.

– Вам кого?

– Не помните меня, бабушка? Я перед войной к Галине Николаевне приходил.

– А-а, это вы, молодой человек. Не признала. Проходите, мне трудно стоять.

Она прошла в комнату и опустилась на кровать.

– Как ваше здоровье?

– Какое здоровье в мои годы? Ковыляю кое-как. Вы Галину хотели навестить?

– Да, только ее нет, а новая хозяйка меня обругала.

– А, толку с ней разговаривать. Злая, как собака... А Галины вашей больше нет. Пропала, никто о ней ничего не знает. Жива ли, нет ли... Деньги, что вы оставили, я ей давала понемногу. А когда перевод по почте пришел, ее уже не было. Деньги ваши я не тронула, вот они. – Она сунула руку под матрац и вытащила бумажный сверток.

– Оставьте себе, бабушка, – сказал Мурадин. – Вам они нужнее.

– Что вы, что вы, – запротестовала было старушка.

– Я пойду. Спасибо за все.

– И вам спасибо...

Мурадин вышел на улицу. Видно, злой рок преследовал эту семью, такую счастливую когда-то. И ужас весь в том, что не изменить ничего, не помочь...

Дома его дожидался Мухтар. После гибели Тленкапсиншева бригадира избрали председателем колхоза. И не ошиблись в выборе. Об-

разования, конечно, у Мухтара не было, но житейской мудростью и трудолюбием бог наделил его сполна. Все силы свои, все время он посвящал восстановлению колхоза и налаживанию жизни людей. Говорили, что нравом и отношением к людям он все больше напоминает покойного дядю Эльбаздуко.

– Чего нос повесил, Пита? – сказал Мухтар, совсем как в детстве.

– Что, не дали работу в районе?

– Бери выше, я и в обкоме побывал, – безрадостно сообщил Мурадин.

– Да ну! – удивился Мухтар. – И что?

Мурадин неохотно пересказал ему события дня.

– Работа подходящая, ничего не скажешь, – одобрил Мухтар. – На счастье!

– Спасибо.

Заурбек слушал молча. Опять брат уедет из села. А хорошо бы жить да работать бок о бок.

– И когда приступаешь? – продолжал расспросы Мухтар.

– Через три дня приказано быть на пленуме. Но мне еще квартиру надо подыскать. Сразу жилье не дадут, наверно.

– Вместе и поищем квартиру. Еще что?

– Мне бы машину на денек, в Ауш-Герги съездить. Хочу Нафицу проведать.

– Давай вместе поедем, – предложил Мухтар.

– Не знаю, как благодарить тебя...

– А вот этого не надо, – оборвал его Мухтар. – Не дело нам друг перед дружкой расшаркиваться.

– Уж и поговорить нельзя, – усмехнулся Мурадин.

– Значит, решено. Мне завтра в район ехать, давай со мной, оттуда сразу в город. Идет? Вот и ладно... Кажется, все?

– Нет, не все, – подал голос Заурбек. – Можно и мне слово вставить?

– Валяй, братишка!

– Как у вас просто все выходит, – обиженно начал младший брат. – Только вернулся – и снова нас бросает... Ничего, это я так, дело есть дело. Да и Нальчик недалеко. Но почему не подумать о том, каково ему будет одному? Кто будет о нем заботиться, кормить, обстирывать? Не век же одному куковать. Что скажешь, Мухтар?

– Согласен, братишка, только Мурадин у нас не в том нежном возрасте, когда можно за уши притянуть и велеть: женись! Пусть осмотрится и сам выберет. Ты, брат, среди людей будешь все время, на виду у всей Кабарды. Выглядеть должен соответственно. Так что без ухода никак!

– Как будто я никогда не жил один! – развеселился Мурадин. – Ладно, ребята, время хоть дадите мне присмотреться?

Мухтар и Заурбек не ожидали такой податливости и обрадовано переглянулись.

– На заре заеду, будь готов, – сказал, уходя, Мухтар.

Когда подъехала колхозная полуторка, Мурадин уже дожидался у ворот, выглаженный, в начищенных до блеска сапогах.

– Куда это ты расстарался? – удивился Мухтар.

– Вдруг на смотрины меня завезешь, кто тебя знает, – пошутил Мурадин.

Мухтар быстро управился с делами в райкоме и велел шоферу рулить к зданию райпо.

Их провели к складам. Как старых знакомых, встретил их завскладом, правда, и попенять не упустил случая:

– Мог бы ко мне сразу подойти, зачем через председателя? Или ты теперь только с начальством знаешься?

– Будет тебе брюзжать, Мухамед, – махнул рукой Мухтар. – Начальство, поди, не все тебе позволяет.

– Плох тот завскладом, который своей заначки не имеет, – лукаво рассмеялся Мухамед. – Ладно, ждите здесь.

Он окинул Мурадина обмеривающим взглядом и скрылся за тяжелой обшарпанной дверью. Скоро вернулся с двумя отличными костюмами, принес несколько рубашек и галстуков к ним.

– Это что, все запасы твоего начальника? – сказал Мухтар – Неси больше.

– Гляди-ка, у него зубы выросли! У вас в Мишхидже все такие умные?

– Все, и притом от рождения... Давай-ка, Мурадин, примеряй.

Один костюм пришелся впору. Второй был тесноват, но Мухамед подобрал нужный размер. Решили брать оба – на выход и на работу, а также пару рубашек и галстуков, туфли. Уже собирались уходить, когда заведующий извлек из своего закутка совершенно роскошный костюм:

– А вот это – из моих запасов.

– Что же ты, старый жук, сразу не показал? – воскликнул Мухтар.

– Ты же просил из председательских запасов. Ну что, можно держать меня завскладом?

– Только не у меня в хозяйстве, – ответил Мухтар.

– Чего так?

– Ты же и меня обхитришь, как своего начальника... Мурадин, пожалуй, вместо того костюма возьмем вот этот.

– Вот и делай людям добро, – обиделся Мухамед, – дурак я, дурак.

– Ладно тебе, – Мухтар добродушно хлопнул его по плечу, – я ведь и сам тебе столько добра сделал – вовек не расплатишься.

– Уж лучше бы ты выдал меня сразу. Лучше мгновенная смерть, чем пожизненная мука.

– Ну, прости, это была глупая шутка, – тут же пожалел Мухтар.

– А, пошел ты...

– Чем ты его так пугаешь? – поинтересовался Мурадин на улице. Мухтар расхохотался.

– Да ничем особенным. Дело давнее, застучал его как-то с одной бабенкой, с тех пор грозусь донести жене. А так он славный малый.

– Было бы за что мучить человека... Послушай, зачем мы взяли два костюма, хватило бы и одного.

– Ни слова больше! Ты не беспризорник, чтобы на работу в шинели выходить.

Мурадин умолк. Ему и вправду нужна смена, а то собирался одолжить костюм у Заурбека.

Дома молодая невестка развернула покупки и обрадовалась:

– Какая красота! Носи на здоровье!

– Спасибо, Заират.

Она тут же выгладила и повесила вещи в шкаф. После полудня подъехал Мухтар. Мурадин снова ждал у ворот, наряженный, как жених. Заурбек хотел ехать с ними, но его отговорили: лучше по очереди навещать Нафицу, больше будет поводов для радости.

Она издали увидела машину. «Может, сыночки возвращаются?» – екнуло материнское сердце. Медленно побрела к калитке. С каждым днем ей было все труднее ходить. Нафица жадно вглядывалась в лица гостей. Потом вдруг вскрикнула, расплакалась, обняла Мурадина.

– Неужели я вижу тебя, Пита! Слава Аллаху, слава Аллаху!

– Я думал, ты меня не узнаешь.

– Как же тебя не узнать! Я просто хуже видеть стала... – она вздохнула и вытерла слезы краешком передника.

– Так я пойду, Нафица, – подал голос Мухтар, – раз ты меня видеть не хочешь.

– Куда это? – засуетилась женщина. – Сам раз в год забежит на минутку, еще и обижается!

– Да я месяц назад у тебя был!

– Гляди на него, Пита, он понять не может, что для меня месяц равен году.

Мурадин наблюдал за ней с грустью. От прежней Нафицы и следа не осталось. Как же она постарела! Только глаза прежние, и коса длинная, только седая.

– Ты насовсем, Пита? – расспрашивала Нафица. – Как же тяжело было ждать тебя! Ни писем, ни весточки!

– Не плачь, Нафица, не надо, я ведь приехал, думал, обрадуешься.

– Так от радости и плачу. Ну все, не буду больше, – обещала она – и зарыдала в голос.

Увидев у ворот машину Мухтара, прибежали Хамид и Ляца. Мурадина увидеть они вовсе не ожидали и поначалу опешили, а потом Ляца кинулась его обнимать.

– Глазам не верю! Вернулся! Насовсем или снова в путь?

– Насовсем. Надоело мотаться по свету, – смеясь, отвечал Мурадин.

– Слушай, женщина, – не выдержал Хамид, – может, и нас подпустишь к гостю?

Он отодвинул супругу и сердечно обнял Мурадина.

– Все испытания позади, брат, Бог тебе за них воздаст. Живой, здоровый вернулся, это ли не счастье. Жаль, мать не дожила... – Мурадин

помрачнел, и Хамид быстро сменил тему: – Что это ты, Нафица, гостей в дом не приглашаешь?

– И правда, – спохватилась хозяйка, – скорее в дом, нет, лучше сюда, под навес, а то в доме душно.

Хамид нашел в сарае доску поглаже и быстро соорудил лавку.

– Скорее, Ляца, – суежилась Нафица, – ты проворнее, поймай пару курочек, гости-то с дороги.

– Хорошо бы, на ночь остались, – сказал Хамид.

– Так и собираемся, – ответили гости.

– Вот это дело. Ну, обрадовали! Посидим, наговоримся вволю. Ну-ка, хозяйюшки, побольше готовьте угощения. Не часто у нас такая радость.

Женщины захлопотали на кухне, мужчины коротали время за неторопливым разговором. Мурадин больше молчал, лишь изредка отвечая на обращенные к нему фразы. Боже, думал он, как несправедлива судьба. Какая счастливая, красивая семья была. Молодой и здоровый Мисроко, трое баловней-пацанов, совет да любовь в доме. А теперь все прахом рассыпалось, пеплом покрылось. Несчастливая Нафица...

Он не смог сдержать слез, порывисто встал и направился в сад, другие пошли следом.

– На все воля Аллаха, – шумно вздохнул за его спиной Хамид. – Человек над жизнью и смертью не властен.

– Постыдитесь нюни распускать, – рассердился Мухтар. – Вы бы еще при Нафице расплакались. Думаете, у меня душа не болит?

– Ты прав, – согласился Мурадин, – просто... столько всего произошло за эти годы... прорвалось. Что стало бы с Нафицей, если бы не Хамид с Ляцей.

– Нафица как сестра мне, иначе и быть не может, – отозвался Хамид, – а с Ляцей они, сами знаете, выросли вместе.

Они походили по саду, заглянули на огород. Картошка выкопана наполовину, лук сохнет на грядке, кукуруза еще не тронута.

– Помогают, кто как может, – пояснил Хамид, – то Ляца забежит, то девчушки соседские. Да и сама она не разгибает спины от зари до зари. Таких беспокойных еще поискать.

– И Мисроко был такой же. Недаром же говорят: несхожие не сходятся.

– Это точно... Знать бы его судьбу. Человек гибнет на войне – это понятно. Но чтобы вот так... Будто сквозь землю провалился!

– Я вот думаю, – задумчиво сказал Мурадин, – сейчас времена чуть полегче, можно и справки потихоньку наводить.

– Конечно, – обрадовался Мухтар, – где-то ведь проходило его дело, может, в суде, в прокуратуре. И не он один, все, кто в одно время с ним арестованы, сгинули без вести.

– Дайте мне срок, вот определюсь с работой и сразу займусь, – твердо обещал Мурадин.

– Парни, за стол! – позвала Ляца.

Они вошли в дом и тесным кругом, как в былые времена, казавшиеся теперь счастливым сном, уселись за стол.

– Нам бы еще Лалину сюда, – с сожалением сказала Нафица, – ехали с ночевкой, мог бы и догадаться, Мухтар.

– Она просилась, но с утра у нас с Мурадином дела в городе... Ты не обидишься, Нафица, я тут бутылочку прихватил.

– Какие уж тут обиды, – махнула рукой хозяйка, – радость ведь у нас. Хамид разлил водку.

– Ну, братья мои и сестры, – сказал Мухтар, – дай Аллах, чтобы с возвращением Мурадина вернулись в наши дома счастье и радость. Давненько в этом доме заздравную не поднимали, кто знает, может, на счастье придется.

Мужчины выпили. Мурадин, правда, только пригубил. После операции он не пил совсем, и лишь раз нарушил правило – выпил целый стакан в День Победы...

Допоздна засиделись друзья, вспоминая общих знакомых. Мурадин узнал, что родителей его друга Башира больше нет, а сестренка замужем в соседнем селе.

– А теща его несчастная так и пропала без вести, – сообщила Ляца, – никто ничего не знает.

– Вот что, Нафица, – сказал Мухтар, – с огородом ты почти управилась, собирайся-ка на зиму к нам, в родное село. Поживешь у меня, а хочешь – у Заурбека поживи, мы ведь женили его, ты еще его молодую жену не видела! Знаешь, какая у нас замечательная сноха!..

– Не приведи Аллах! – перебила его Нафица. – Вдруг мальчики мои вернуться, а в доме пусто.

– Мы тебя мигом обратно доставим, только бы вернулись, – грустно улыбнулся Мурадин.

– Нет-нет, и слушать не хочу!

– Пустое это, Мухтар, – согласился с ней Хамид. – Куда ей ехать? Не в первый раз ведь затеваешь разговор.

– Да он забыл просто, – засмеялась Нафица, – забыл, что и о женьитьбе Заурбека уже говорил мне.

Все засмеялись.

– О тебе же беспокоюсь, Нафица, – стал оправдываться Мухтар, – оттого и повторяюсь.

– А ты не беспокойся, – успокоил его Хамид, – мы тут рядом, да и соседи у нас, слава Аллаху, все равно что родня!..

Наутро Мухтар с Мурадином уехали в Нальчик.

Как ни труден был год, жителям Мишхиджа голодная зима не грозила. Уродилась царица полей кукуруза. Выйдя ранней весной на пашню, колхозники так и оставались днествовать и ночевать в поле. Погода держалась, словно сочувствуя людям в их многотрудной жизни. Хорошо бы успеть, пока сухо, а то наступит ненастье в разгар сбора кукурузы – вот будет наказание господне.

После повышения Мухтара его бригада какое-то время оставалась бесхозной. Но в пору уборки кукурузы без бригадира никак. Решили поставить Заурбека. Среди прочих бригадиров этот был самый молодой и оттого, наверно, самый стеснительный. Нет, чтобы прикрикнуть иной раз, кулаком стукнуть! Впрочем, этой бригаде везло: от Мухтара тоже слова худого не слышали. Но только до поры. Выведи его из себя – мало не покажется.

Кроткий нрав Заурбека большинству был по нраву. Его уважали и старались не подвести. Но ведь не всякий понимает доброе отношение. Добрый – значит, глупый, мягкий – значит, размазня.

Бывало, доставалось молодому бригадиру от острого языка кухарки Хакулины. Веселая толстушка всю жизнь, считай, провела на стане среди мужчин, так что за словом в карман не лезла. То так Заурбека кольнет, то этак, и всякий раз ее насмешки ввергали его в неопишное смущение. Но как-то вечером в задушевной беседе Бек с Худом разъяснили парню: не со зла цепляется к нему Хакулина, просто характер его закаляет, а он все отмалчивается и краснеет, как девица. Отнесись к ее шуткам спокойно, даже весело, и все будет путем.

Заурбек послушался старших – все и вправду изменилось. Сначала насмешница не поняла, что происходит, потом посмеялась и успокоилась.

Хакулина рано овдовела и вряд ли успела познать вкус мужской ласки. Так и жила одна в пустом доме вплоть до основания колхоза. А как построили этот бригадный стан – она словно обрела второй дом. Ни на что не променяла бы она и бригаду свою, и работу. Молодая, разбитная с виду Хакулина притягивала мужские взгляды. И кое-кто делал попытки покорить сердце аппетитной вдовушки, даже не сомневаясь в успехе. Но всякий раз кончалось позором: она всем рассказывала о домогательствах, и непременно в присутствии незадачливого ухажера. Кончилось тем, что мужчины стали обходить ее стороной.

И все-таки управиться до ненастья с кукурузой не удалось. Перебросили к ним на подмогу третью бригаду, и дело пошло веселее. За пару дней до конца уборки в бригаде случилось несчастье: поймали трех женщин, пытавшихся унести домой немного кукурузы. Всей бригадой просили за них, всем селом – напрасно. Дали бедным женщинам по пять лет...

Завершился год, и сельчане впервые за годы войны получили по килограмму зерна на трудодень.

*Перевод с кабардинского
Ларисы Маремкуловой*

*Додуев Аскер Тауканович,
член Союза писателей РФ,
и.о. главного редактора журнала «Минги-Тау»,
депутат парламента КБР,
народный поэт КЧР*



СВЕТЛОЙ ДОРОГОЙ

Для творчества каждого большого художника характерен образ или система образов, которая становится ключевой, помогая определить имя и фамилию автора. В частности, в поэзии А. Твардовского, балкарца К. Огарова таким ключевым был образ дороги, Гренада у М. Светлова, «цветок на каменной скале» у Т. Зумакуловой и т.д. Подобные образы присущи и более молодому представителю балкарских поэтов Аскеру Додуеву, но наиболее значительным и сквозным является опять-таки образ дороги, преломленный и осмысленный по-новому.

Образ дороги в поэзии Аскера многогранен, философичен. В понимании дороги как жизненного пути сосредоточены многие его качества как художника, миропонимание, отношение к человеческим судьбам и к человечеству. Дорога относительно поэзии Аскера Додуева равносильна понятиям «жизнь», «время». Потому поэт пишет «луна освещает дорогу», «вновь я выхожу на дорогу». Такие понятия дают нам возможность утверждать, что Аскер Додуев «певец» дороги, и что всякое дело – малое или большое – находит свое воплощение в движении. Скрытое и явное, радостное и печальное познается «в дороге».

*Идя по дороге,
Я научился отличать
Хорошее от плохого.*

(подстрочный перевод здесь и далее мой)

Дорога связывает лирическое «Я» поэта с народом, друзьями, миром, небом и землей. Больше всего он верит тем, кто идет с ним по одной дороге. «Дорога» в творчестве Аскера Додуева символична жизни. Полноценен тот, кто в движении, только он способен творить добро, достигать цели в интересах своего народа. Человек, свернувший с пути поиска или остановившийся в пути, теряет связь с миром. Герой, оторванный от него, не сумевший познать его, остается самонадеянным, самодовольным. Раскрывая подобную мысль и единство лирического героя с миром, Аскер Додуев использует средства выражения, равноценные по художественному достоинству пословицам, типа:

*«Застоявшейся воде кажется,
Что она уже море».* *(подстрочник)*

Остановившаяся в своем движении вода – это остановившийся в своем движении человек. Против успокоенности, довольства собой и миром, против всяческого застоя всегда активно боролись А. Твардовский, К. Кулиев, А. Вознесенский, Е. Евтушенко и многие другие представители российских литератур. Одним из лучших продолжателей подобной традиции выступает Аскер Додуев. У человека, удовлетворенного сущим, жизнь гаснет прежде времени. Жизнь полноценна у того героя, кто одержимо ищет истину. Утверждая такую мысль, идею о том, что человек должен быть творцом, что творцы – это люди, стремящиеся деятельно освоить, усовершенствовать связи с окружающим миром, поэт пишет: «Пока люди научатся отличать добро от зла, жизнь их проходит» (*подстрочный перевод*).

Время, жизнь, путник – все они связаны и находятся в едином ряду. Специфика понимания всеобщей связи явлений – философская основа поэзии Аскера Додуева. В оценке творчества поэта с этой позиции особого внимания заслуживают стихи, типа «Арба» («Телега»). Начинается оно с поэтизации медленного движения телеги с тихим скрипом колес и с шумом сбежавшихся детишек:

«За двухконной телегой

Бежали мы.

Мы, детишки.

Погонщик арбы,

Повернувшись

В нашу сторону,

Пытался ударить

Нас кнутом».

(подстрочник)

Начало стихотворения относит нас в далекое прошлое – в детство. Здесь сказывается тенденция Аскера Додуева, обращаясь к разным временам, к незначительным фактам и бытовым реалиям, создавать поэтическое произведение. Так, начав с поэтизации детства, Аскер готовит читателя войти в иной мир – мир борьбы противоположных явлений, схватки положительного и отрицательного. Открывают мир схватки противоположных сил, впряженные в телегу два коня, один из которых белый, другой – черный. Оба скачут рядом и везут телегу. Постепенно подтекст образов раскрывается, и читатель понимает, что телега – это время, белый конь – добро, черный – зло. Оба они впряжены в историю, в ее прошлое и настоящее. Раскрывается и другой подтекст стихотворения: детишки, которые бегут за телегой и цепляются за нее – люди, растущие и мужающие в колыбели истории. Так образы стихотворения взаимопереходят друг в друга, воспринимаются как равноценные с точки зрения движения истории. Куда же несет людей время, понимаемое как история, удовлетворены ли они процессом развития? Но ведь людям не свойственно удовлетворяться, ими движет неудовлетворенность сущим, стремление улучшить жизнь, мир. История развития человеческой личности связана с историей борьбы противоположностей, светлого и темного. Но в этом отношении человек не становится победителем. Оттого

Аскер Додуев и пишет, что людям неведомо, куда забросит их история. Сам автор, конкретизируя свою мысль, вновь задается вопросом: каков же конец дороги, чем она кончается?

*Кто знает, куда
Несет нас время,
Каковы его помыслы?
Но его след остается
В делах и обелисках,
(подстрочный перевод)*

Выразив свое отношение ко времени системой символов, Аскер Додуев конкретизирует мысль о том, что неудовлетворенность объемлет все стороны человеческого бытия – трудовые, технические и идейные. Но у каждого человека есть возможности направить свою «личную телегу» по верной дороге, что он имеет возможность полного свободного самовыявления, осуществить себя, отдаваясь служению отечеству и миру.

Додуев Аскер – человек высокопорядочный, преданный национальной литературе своего народа. Бережно относясь к родной словесности и родному языку, он заметно обогащает их, рассматривая историю развития нацменьшинства связанной с историей развития потребностей в культуре, искусстве. С ростом самосознания и самоуважения возрастает и любовь к себе, убеждение в своей неповторимости. Истинное же уважение к своему национальному становится основой уважения к другим. Уважение к себе и соседям – это неперенное свойство коллективизма, гордого и идейно чистого, целеустремленного человека. Таковы основные свойства и лирического героя Аскера Додуева:

*«Даже тогда, когда бедствовала страна,
Не решался что-либо просить себе за счет других.
Если бы даже несметные богатства оказались передо мной,
Я бы не посмел к ним прикоснуться из-за уважения к другим», –
(подстрочный перевод)*

– признается поэт в одном из своих произведений.

Аскер Додуев мастер иносказания, «эзоповского языка». Соединяя воедино природные, бытовые явления и предметы, преломляя их в художественном сознании, он выражает мысли о нравственном, полезном и приятном себе без ущемления интересов других: «не лучше ли, если не будешь рваться вперед: ведь чем выше ветка, тем сильнее она гнется на ветру» (подстрочник).

Краткость, обращение к словосочетаниям, напоминающим пословицы и поговорки, – это особая мера стиха Аскера Додуева («обезвоженная буханка дольше сохраняется, мораль прогнанного прочь эгоиста утрачивается»).

В этом аспекте стихотворения «Осень», «Обугленный камень», «Сам виновен» и другие им подобные широко известны читателям и отличаются высоким мастерством. Природные реалии – камень, дерево, трава, реки, горы,

тропы и другие, доступные зрительному восприятию предметы, определяют тональность стихотворений Аскера Додуева и способствуют воссозданию трудной судьбы своего народа. Обратившись к такому стихотворению, например, как «Обугленный камень», читатель еще раз убеждается в том, что поэтический талант Аскера масштабный и убедительный.

Додуев – поэт большого оптимизма, умеющий трезво оценивать окружающую действительность. Художник веселого нрава, доброжелательный и живущий с большой верой в доброту людей. Но, тем не менее, он поэт современной эпохи, которой свойственны противоположности, и трудно отличить, что есть добро и что есть зло. Порой они не только разделены, но и едины. Такая противоречивость времени не могла не определить своеобразие значительной части поэзии Аскера Додуева:

*«Вырвавшись на свободу,
Не можем контролировать свою речь.
Словно беглец, бегущий по бездорожью,
Забываем, что значит осторожность».*

(подстрочник)

В связи с изменениями 1990-х годов изменилось и поведение людей. Трансформировалась оценка ими истории и недалекого исторического прошлого. Число нарушителей правопорядка, переоценивших значение слова свобода, растет с каждым днем. Таких людей Аскер Додуев сравнивает с «беглецами, идущими по бездорожью». Открытый и скрытый смысл подобного образа понятен каждому из нас. Более того, можно сказать, что он символ, печать нашего времени. Потому поэт пишет: «Не пою песни по будущему, не плачу по ушедшему». Но он, вновь обращаясь к эзоповскому языку, в конкретизации негативных явлений социально-общественной действительности, демонстрирует мудрость и мастерство:

*«Нет печали, ушли былые традиции,
Что ни говори – мы получили свободу!
Ругай, кого угодно, стремись к сытости,
Разбуди и тревожь все то, что может принести богатство».*

(подстрочник)

Противоречивость духовных и социально-бытовых ценностей определила своеобразие поэтики произведений «Самонадеянный», «Дерево, которому суждено сломаться», «Если бы он был прав» и многих других. Углубившись в историческое прошлое и своеобразие современности, Аскер Додуев в таких своих стихотворениях создает колоритные образы взяточников, живодедов, сторонников клеветнических разговоров. В них автор показывает людей, оторванных от общих корней исторического движения, в них иная интонация и иной отбор слов,

система символов, чем в предыдущих стихотворениях. Поэт с большим художественным достоинством сочетает субъективную речь с подтекстом, мифологизм с системой сравнений. Все эти изобразительно-выразительные средства, слившись воедино, передают колорит времени, процесс его стадийных изменений, такие его особенности, как безнравственность и приспособленчество:

*«В каждом из многих людей
Сидит волк.
Кто оценит доброту другого», –
(подстрочник)*

– пишет Аскер, видя свою цель в борьбе за нравственную чистоту общества. Ведь Додуев, как отмечено выше, поэт светлой души и веры в жизнь. Поэтому жизнь народа, мир он сравнивает с бескрайним морем. Море, как бы ни бушевало со своими отливами и приливами, всегда остается морем, не теряя основных своих достоинств. Такую философскую мысль, концепционную нить поэт выражает средствами, сравнимыми с пословицами и поговорками:

*«Если река даже высохнет,
Море остается морем».
(подстрочник)*

Или:

*«Мечта, словно море,
Волнуется в душе».
(подстрочник)*

Аскер Додуев, принимая и понимая многогранность жизни, показывает ее, не принижая ее светлые стороны и не преувеличивая темные качества. Этим обуславливается многогранность его мысли и философской концепции. Убедительным примером в этом отношении является его поэма «Лицом к лицу» («Бетден бетге»). Лиро-эпическое произведение, с главными повествовательными компонентами, которые в единстве с лирическими выходами определяют его сюжетную канву. Стройная поэма развивается, создавая модель нашей действительности, заостряя и типизируя те или иные социально-общественные ситуации. Один из ее главных сюжетобразующих моментов обнаруживает себя во взаимосвязи лирического героя и общества, народа. Лирический герой поэмы воплощает в своем характере народные традиции, человека, понимающего свой долг перед временем, нацией и миром. Он пережил и испытал все то, что выпало на долю народа, на его историю в прошлом и настоящем. Понимание Аскером того, что действенная сила подлинного гуманизма состоит не в забвении или подчинении интересов отдельной личности, а в сложном

совмещении ее интересов и потребности народа. Отсюда значимость таких проблем поэмы, как личность и народ, ответственность человека перед нацией и миром, стремление бороться за единство народов мира. Над ними думает и размышляет Аскер Додуев вместе со своим героем.

Додуева, как художника, особо волнует судьба нацменьшинств, таких, как балкарский народ, у которого много проблем относительно самосохранения, будущего национального языка и других духовных ценностей. К тому же балкарскому народу много неприятностей принесли и несут НТР и глобализация. Но Аскера Додуева не меньше волнуют те негативные явления, носителями которых выступают представители своего народа, особенно в XXI веке. Речь идет о безответственном отношении к родному языку, погоня за рыночной стоимостью, неумение по достоинству оценивать свое национальное, уродливо развитое чувство собственности, напряженное желание покоя внутри и вне себя. «Дрова разжигают от них же взятыми щепками» (*подстрочник*), – тонко подмечает и обобщает свое опасение Аскер Додуев.

Корни печали и бедственных последствий вырастают и крепнут в силу действий безответственных представителей народа – такая идея и мысль, став одной из сквозных линий Аскера Додуева, определяет и внутреннюю тревогу и беспокойство его поэмы. Безответственность умерщвляет совесть человека, пишет поэт, основой достойной жизни является единство с народом и народами, стремление понимать и любить людей, окружающих тебя. Безответственность фатальна над личностью, которая сохраняет человеческое достоинство в единстве с родной землей, с национальными обычаями и традициями.

*Дерево, растущее вдали от других,
Не плодоносит, стремится быть ветвистым.
В этом у меня не осталось сомнения,
Износив не одну шапку.*

(подстрочник)

Многие образы Аскера Додуева по сюжету и по развитию выходят за рамки привычных представлений. Камень, реки, горы, трава, дерево, представители животного мира – традиционные для балкарской поэзии, проходя через ряд состояний, ассоциативных сближений, дают Аскеру Додуеву возможность обращаться к сфере современной духовной и бытовой жизни, обращаться к волнующим проблемам общечеловеческих идей. Развивая свой образ в этом направлении, поэт мастерски выявляет контрасты современной жизни, ее противоречия, трагические контрасты, несоответствие красоты с поступками и духовным максимализмом людей, их жестокости по отношению друг к другу, к природе.

*Течет река,
Круша свои берега.
Течет она,*

*Расчесывая корни
Ивушки, одиноко
Растущей на ее берегу.*

(подстрочник)

Зримая мягкость и подтекстность рисунка, весьма характерная для поэзии Аскера Додуева, чередуется с драматической безжалостностью, оттеняя противоречивости нашей эпохи. Конкретизируя ее, далее поэт осмысливает разлад человека не только с природой, с окружающей средой, но и разлад с самим собой. Материализуя подобную мысль, автор выдвигает исходную посылку о единстве в человеке его духовности и «волчьего», о родстве во внутреннем мире личности культурного начала и нечто от «ворона».

Аскер Додуев, задавая вопросом, насколько этот разлад мешает человеку осознавать себя таковым, дает неоднозначный ответ. Опасность заключается в том, что человек способен прикрывать свое «волчье нутро» показной «интеллигентностью», его заглушать «волчий вой», хотя кулаки остаются сжатыми. В этом Аскер Додуев винит не только самого человека, а и противоречивость времени. Вековечная коллизия в наши дни становится острейшей глобальной драмой. Тем не менее, поэта настораживают те люди, которые выпускают на волю «волчий вой», «карканье ворона». Таковых становится все больше и больше. Потому человек общества робеет, теряет активность, жметесь к земле, его тянет вниз «житейский груз». В этом плане особо характерны такие произведения, как «Река», «Одинокая ивушка» и другие. В лирике Аскера Додуева читатель слышит отголоски мировых страстей, они волнуют его по поводу охраны окружающей среды, национальных духовных ценностей и связи людей с обществом.

Итак, балкарские поэты, пришедшие в литературу в 1970-80-х годах, здесь Аскер Додуев не исключение, руководствуются идеями более тесного проникновения в меняющийся мир. Возвращаясь к уже подчеркнутому, следует сказать, что ими осознана его широта и глубина. Каждая его деталь, начиная с отдельно прорастающей травинки, ветки дерева, камня, реки и ручья, которые становятся материей их стихотворений, выдают нескрываемое желание поэтов быть в единстве с окружающей средой, слиться с нею, стать ее частью. Такая формула познания, которая поможет создать поэзию, с особой динамичностью и обнаженностью реагировать на испытания, которым время подвергает человеческие ценности, преодолеть осторожность перед многогранно проявляющейся жестокостью эпохи и особенно перед ее красотой. А символом красоты в поэзии Аскера Додуева выступает любовь. Она преломляется в поэзии как одна из самых древних тем, как сложная и в то же время как животворящая святыня, как свет народного разума и поэта. Без святого чувства в душе, без божественной мысли и мудрости не должно быть повода обращаться к ней. Аскер Додуев поэт, достойный писать об этом великом символе красоты, жизнь дарящей силе – он знает ее язык. Ведь чтобы сказать достойное слово о любви, поэту мало быть талантливым, мастером, необходимы особая тонкость чувств, веры, нечто от бога. Аскер Додуев любви посвятил много стихотворений, лирический герой которых счастлив тем, что умеет любить и хранить в душе тепло и свет этого чувства.

Зейтун ТОЛГУРОВ,

*профессор, доктор филологии, писатель,
лауреат Государственной премии КБР*

Хайшат КУНИЖЕВА

МОЙ КВАРТАЛ



Как это так! В квартале нет, или почти нет людей с высшим образованием, кроме этих близких друг другу людей.

«А чем мы хуже? – думала упитанная короткошея красавица, доившая корову. – Эти двое не умеют откармливать бычков, а может, не хотят. И жалеют тех, кто покупает отруби по четыре пятьдесят за кило, а продает им по шесть рублей. А жалость унижает! Как и смех. Помнишь, у Салтыкова-Щедрина – рас-

сказ «Как один генерал двух мужиков накормил», или «Как два мужика одного генерала прокормили»? Сколько времени прошло. Смеялись ведь все.

...Она еще и бельгийский костюм купила своему племяннику, – продолжала толстушка свою неспешную мысль, имея в виду одну из имеющих высшее образование. – А тут, блин, китайский или турецкий себе не купишь!»

А стоит ей возмущаться или не стоит? Кто-то бывает в столицах не менее двух раз в год, и в тот же Китай ездят, или в Турцию. И гуляют по Пекину или Стамбулу, и детишкам своим их показывают. Да, чуть не забыла: не ездят – летают. Из этой республики автобусы в Турцию не ходят. Хотя совсем близко. В обе столицы едут, а в Турцию нет.

Вроде бы все официально разрешено: кто хочет, может ехать куда хочет. Любители, по необходимости откармливая двух бычков, об этом не думают. И многим об этом думать не надо. Но что это решает? Им нужны белые кофточки и черные юбочки для своих школьниц, и еще бы красные галстуки! Философствующие Чаадаевы? Кому они здесь нужны, в этом «квартале Бальтасара». Эти две с высшим образованием только смеются, называя квартал свой «кварталом Бальтасара». А кто не умеет смеяться, и не только смеяться.

«Ищут врагов среди близких,
Ибо с близкими совладать легче».
Мозги набекрень повернуты?

Эти две, наверное, уверены и видели («верь глазам своим»), что только в родном городе есть большие дома. И машины видели, много иномарок. Но один, переехавший из нашего квартала в город, сказал: «А ты, сестра моя, старушка уже, неинтересная», посмотрев, во что она одета. Он смотрел не на таких. Не любил смотреть. А тот, кто смотрит, многое узнает. Верь глазам своим, молодой, и ушам, и вкусу, и рукам, и иногда тому, что слышишь. Лучше при личной встрече, чем по сотовому.

Ее же брату были интересны женщины с красивыми ногами, в тонких чулках, с английским или итальянским ридикулем в руках.

Интересно, думал он, «Ягуар» или «Пежо»? – машина, из которой она вышла, зная марки некоторых машин только по картинкам. Какая лучше – серая, белая, черная, синяя даже, а может, коричневая?

Перед тем как сестра уехала в другой город, – та, которая купила мальчику своему бельгийский костюм и на которую ворчала короткошея, – оставшейся в «квартале Бальтасара» приснился такой сон. Спустились с неба инопланетяне с желтыми глазами, пришельцы недобрые в полусапогах, топчущие небольшие горки-насыпи. Как будто гуманоид вошел в дом и пригласил навечно на родовое кладбище, сказав негромко:

– Ваше родовое недалеко, идемте...

– Можно, я возьму две белых плотных простыни и зажгу огни – не погашу...

Один раз она прошлась по городу после десяти, во многих окнах не видели ее глаза огней, во многих окнах многих домов со многими подъездами. «И гуляющих мало, и огней нет», – подумала она.

– Простыни плотные нельзя, – сказал пришелец-гуманоид. – Возьми хлопчатобумажный, а хочешь – две хлопчатобумажный. – Так и сказал – «хлопчатобумажный», язык он знал, но с грамматикой было плохо.

– А почему нельзя плотные?

– Они нам самим нужны, нам нужно дойти до западного побережья Франции.

– А простыней здесь много, – сказала одна из обступивших их женщин, – плотных. Дай мне одну. Мы пойдем с тобой до Франции!

– И мне! И мне! – завопили женщины, как вампирши.

– Ты сколько мне простыней льняных дашь? – спросила одна смелая.

– Тебе дам одну – ты красивая.

– А мне?

– А тебе ни одной, ты старая, ужасная.

– И эта состарится, – показывая на молодую, засмеялась «старая и ужасная», оголяя свою беззубость, – а потом такие, как ты, но с другими глазами, отнимут у нее много-много простыней...

– А мне! А мне! – раздавались голоса вокруг, перекрывая слова беззубой.

– А мне ничего не надо, – выступила вперед одна, ее перебила беззубая:

– Никогда не говори «мне ничего не надо» – всем живущим что-то нужно!

– А что надо тебе? – спросил гуманоид, обращаясь уже к ней.

– Мне надо пройти с вами до реки. До этой маленькой речушки, как до Ганга, или Волги, или Дуная.

– Мне река не нужна, – сказал он.

– Мы все у времени в плену. Мы стоим, а время течет сквозь нас, как река, течет и не сразу гасит в нас огонь. Огонь жизни. Как речка сквозь камушки, течет время.

– Камушки мне не нужны, мне бы картошечки, – сказала одна из обступивших. – А если всем дать в месяц по сто тысяч, сколько будет картошки, какая славная кормушка!

– Если будет сто тысяч в месяц, зачем возделывать сады, сажать помидоры, можно покупать на рынке, – сказала другая.

– И я осталась среди них? – спросила себя «чаадаевка» и... И, уже проснувшись, думала: «А смеявшаяся так заразительно и очень любившая квартал сельский свой уехала с кем-то. Я теперь одна только буду называть его «кварталом Бальтасара». Она об этом не думала. Не думала и обо мне. Я не каркаю! Ворона каркает и живет триста лет, говорят. В юности я говорила иногда окружающим, обращаясь к вороне каркающей: «Почему каркаешь, старая ворона, так сухо, как во времена Нерона?»

Она любила все цвета и жизни и Земли. Она смеялась и смеялась, а потом что-то вспомнила, а потом снова смеялась, когда я говорила о нашем квартале в селе – «квартал Бальтасара». И смеялась!..

Светаёт. На окне фикусы Бенжамина, то ли Бальженима. Интересно мне, читал ли Сталин, или Берия, великого Галактиона Табидзе и не менее талантливого Тициана Табидзе? Или разбивали плановость Табидзе и кто был жук, хотя всех после смерти могут поедать жуки... А на земле жуки ведут куда? Блин! Не об этом хотела думать, а о том, что «скворец» по-кабардински – «бжэндэхъу» – «растущий с козами», – а сейчас весна... До осени еще, должно быть, и не так близко, и не так далеко.



ВСТРЕЧА

Когда одного моего знакомого спрашивают: «Из чего состоит жизнь?», он, не задумываясь, отвечает, что жизнь состоит из встреч и воспоминаний о них. В подтверждение своих слов обязательно рассказывает какую-нибудь поучительную историю. Однажды он рассказал случай, который произошел с его другом.

Другу в то время было лет тридцать. Звали его Мартин, и он успел даже развестись. Причиной развода стало отсутствие детей в семье на протяжении нескольких лет. Видимо, этим объяснялись молчаливость и грустный взгляд, сменившие его весёлый нрав.

Работал он водителем в автоколонне. Крутил баранку небольшого автобуса – «пазика», как в то время называли это чудо советского машиностроения.

Стоял август, и в этот, самый горячий месяц лета он возил рабочих на стройку в горы. Там, в одном из самых живописных мест Кавказа – Долине нарзанов – шла реконструкция одноимённой туристической базы, куда приезжали отдыхать люди со всего Советского Союза. Строители работали вахтовым методом, а потому каждые пятнадцать дней из Нальчика за ними выезжали автобусы. Двух автобусов хватало, чтобы забрать всех, но водителей было трое. Третьего брали, видимо, на всякий случай. В этот раз третьим оказался Мартин. В конце лета в городе стояла невыносимая жара, и уехать в горы было просто подарком судьбы, тем более – в Долину нарзанов, где свежий ветер обдувает лицо, где пенятся ледяные источники, где не нужно даже еды, потому что насыщаешься густым запахом альпийского луга...

«Какое счастье хотя бы на день убраться из пыльного, пропитанного гарью города, не видеть вокруг наскучившие лица. Поброжу в одиночестве по зелёным холмам, поищу землянику», – мечтал он, трясясь в «пазике», катящемся по разбитой извилистой горной дороге. Его не пугали отвесные скалы с одной и глубокие пропасти с другой стороны. За рулём сидел бывалый водитель, его старый испытанный друг. Им и прежде часто доводилось возить людей в горы, им всегда сопутствовала удача, столь желанная для каждого путника. Мартин сидел в кабине первого автобуса. Если бы он ехал во втором, то добрался бы до места, наглотавшись горячей пыли, поднятой передней машиной. А так ему ничего кроме тряски не мешало наслаждаться видом белоснежных вершин, упирающихся в синее небо, бурным речным потоком и холодным ветром, врывавшимся в открытое окно автобуса.

Добрались они до места на полтора часа раньше обычного, а потому решили не ехать сразу на стройку, а побродить в окрестностях, размять кости, собрать уже отходящей земляники. Сказано – сделано. Остановились в километре от турбазы, которая расположилась внизу,

на лесной поляне, у реки. Вышли из автобуса. Мартин, потягиваясь, с удовольствием вдохнул аромат горных трав. Здесь было гораздо прохладней, чем в городе. Чувствовалась какая-то необычная лёгкость и радостная тревога. Она была во всём. Хотя он бывал здесь в последнее время довольно часто, всякий раз, как впервые, испытывал это чувство лёгкости, радости и непонятной тревоги. С радостью всё было понятно, а вот тревога... Откуда она? Почему? Может быть, из-за непривычной тишины зелёных холмов, а может, ее вызывали величие и строгость горных вершин, выстроившихся вдали непреодолимой грядой?..

Мартин очнулся от своих мыслей, когда его окликнули друзья. Они уже разбрелись в поисках земляники, и один из них, будто найдя что-то, громко звал к себе остальных. Он стоял на небольшом пригорке, размахивая руками. Мартин двинулся было туда, но потом, словно что-то вспомнив, вернулся к автобусу. Вышел он из машины уже в кожаной куртке и с железным прутком в руке. В водительской среде эта штука известна как монтировка. Довольно увесистая вещь. Таким образом Мартин решил подстраховаться от возможных неприятностей во время прогулки, а если быть точнее – он решил, что друг нарвался на большую змею и зовёт на помощь. Но его предположения не подтвердились. Друг обнаружил на вершине пригорка широкую нору и начал бросать туда камни, после чего услышал тихое урчание, похожее на лисье. Оказалось, что под пригорком есть ещё один выход из норы. И, чтобы предполагаемая лиса не улизнула, Мартина поставили караулить её там. Что-то мальчишеское вдруг проснулось в нем. Он как будто стряхнул с себя дремоту и с весёлой ребячьей бесшабашностью присоединился к охоте, с криками орудуя монтировкой в норе, представляя, с каким диким испугом оттуда вылетит ошалевшая лисица. Наверное, в каждом мужчине до самой смерти живёт тот дерзкий мальчишка, бесстрашно носившийся в детстве по чердакам и подвалам, качавшийся на верхушках деревьев, представляя себя капитаном пиратского корабля. И даже не знаешь, когда в тебе проснётся тот мальчишка. В Мартине он проснулся сейчас, готовый к новым безрассудствам...

Готовый ли? Ведь в один из моментов, когда он с особой силой ткнул в нору, оттуда раздалось уже не тихое рычание, а дикий рёв. В следующую секунду из небольшой норы вылез и встал на задние лапы огромный медведь, неизвестно каким способом втиснувшийся в это маленькое отверстие в пригорке. Окаменевший Мартин не доходил и до половины медвежьего роста. Буквально на одно мгновение застыли друг перед другом человек и зверь, в следующее – человек развернулся и бросился прочь. Видимо, не скоро лучшие спринтеры мира повторят рекорд Мартина. За несколько секунд он смог оторваться от медведя метров на пятьдесят. Но и тот был не лыком шит. То, что человек пробежал за пять секунд, зверь преодолел в два прыжка. На бегу обернувшись назад, Мартин увидел перед глазами огромную открытую пасть, готовую перекусить его шею. Вот когда пришёл великий час монтировки! Водитель её не бросил, и она ему пригодилась. Отчаянно продолжая убежать, Мартин с разворота ударил медведя по

зубам. Раздался какой-то лязг, зверь от боли закрыл пасть, но тут же, нагнав жертву, повалил её. Всё происходило на склоне холма, а потому оба, сцепившись, по инерции немного скатились вниз. Говорят, медведь обычно сдирает со своей жертвы шкуру, а потом рвёт её на части. Здесь тоже всё происходило по законам жанра. Зверь подмял под себя человека, прижал его ногу своей лапой к земле, вонзил ему в спину, у поясницы, свои когти и рванул вверх, к голове. Рванул с такой силой, что небольшой камень, на который он опирался другой лапой, скатился вниз. Вслед за камнем резко качнулся и растянулся на склоне и сам медведь. И тут – о чудо! – из-под растянувшегося зверя вылез человек и начал неистово бить его монтировкой по голове. Друзья, беспомощно наблюдавшие за этой безумной битвой, клянутся, что частота ударов, которые наносил Мартин, была так велика, что нельзя было разглядеть саму монтировку. Продолжалось это секунд двадцать-тридцать, после чего силы покинули человека, руки разом опустились.

Говорят, медвежий череп настолько крепок, что его неспособна пробить обычная пуля. Череп, наверное, действительно крепок, но содержимое его гораздо нежнее. Неизвестно, что с ним будет после того, как обезумевший от страха и боли человек нанесет ему столько – и таких! – ударов монтировкой. А известно вот что. Медведь после такой серьёзной процедуры всё-таки смог подняться на лапы и некоторое время стоял перед обессиленным человеком, тряся одуревшей головой. Продолжалось это недолго – через несколько мгновений он с рёвом, больше похожим на плач, бросился прочь по склону, падая, перекатываясь, вновь вставая, вновь падая и перекатываясь, пока не исчез совсем среди зелёных холмов.

Что же касается Мартина, то его спасла не только хорошая физическая подготовка. Ведь медведь, думая, что срыгает с жертвы её шкуру, на самом деле сорвал куртку из очень грубой кожи, которую не смогли пронзить до конца его когти. Конечно, на спине остались следы когтей; всё тело было синим, как будто его, как тесто, пытался замесить великан; были повреждены несколько рёбер и нога. Но ведь не это, в конечном счёте, главное. Главное, задайтесь вопросом, зачем Мартину понадобилось среди лета надевать теплую куртку?



ОТЕЦ И СЫН

Рассказ

В каждом человеке есть ростки добра и зла. В жизни есть выбор – идти по пути добра или же свернуть на кривую дорожку зла. Неспособные разумно решить проблемы, приходят в отчаяние. И они идут по пути наименьшего сопротивления, чтобы меньше думать, меньше работать. А это и есть прямая дорога к злу.

В молодости Мулид тоже незаметно, шаг за шагом, шел, особо не думая, стараясь поменьше работать, и вот теперь он одинокий старик, и никому он не нужен, даже своему единственному сыну.

Подобно тому как иногда, от малейшем дуновении ветерка, со всей грозной силой обрушивается снежная лавина с высоких гор на единственную пешеходную дорогу, на него неожиданно обрушилось что-то ужасное, раздирающее его сердце на части...

Да, Мулид почти незаметно, с течением времени, пересел с крылатого коня молодости на измученного коня старости. Теперь, стараясь найти какие-то оправдания перед сыном, покинутым им в трёхлетнем возрасте, Мулид соорудил в душе своей некие спасательные доводы. Чем больше вдумывался Мулид в свой жизненный путь, тем больше осознавал свою бесчеловечность по отношению к сыну: «Отец и сын! Эти два слова слиты воедино, а я, в погоне за призрачным счастьем, посеял вражду между ними. К чему я стремился, расставшись с ним ещё в молодости? Что теперь меня вынуждает с огорчением оглянуться на пройденный путь жизни? Грозное предначертание судьбы – одинокая старость? К моему огорчению, да. Теперь я похож на умирающего медведя перед своим медвежонком, выросшим на лоне природы без моего вмешательства. С детства он не знает моей заботы и ласки, не помнит моего облика. Мольбы старика-отца, может быть, привлекут его внимание. А если это и случится, то он посмотрит на меня без сожаления – какое ему дело до меня, незнакомого старика. Сын, прислушайся к голосу моего сердца. Не будь жесток ко мне – бывают ошибки, которые прощаются. Посмотри вокруг себя и прости: жизнь – сплошной рай. Это и сияние солнца над головой, и вечное журчание горной реки, и звёздное небо с луной и – самое главное – беззвучные струны влюблённых сердец.

Знаю, безотцовщина – эта боль преследовала тебя, и она росла в тебе, как росток на плодородной почве. Поток сердечных развлечений подхватил меня в молодости и повлёк меня, безвольного, меж призрачных берегов мимолётных встреч, дешёвых удовольствий, ненужных дел, растаявших теперь бесследно, как снег под лучами весеннего солнца. Своими чувствами я похож теперь на всадника, вырвавшегося из подземелья на могучем коне: ни дождь, ни снег, ни холод, ни обжигающая

жара не могут стать преградой к тебе. А ты, возможно, закричишь: «У меня не было отца. Я – сын орла, живущего в горах. Уходи!»

Вдумываясь в бессмысленный путь, пройденный им незаметно, Мулид понимал, что сын имеет моральное право оттолкнуть отца, но безудержное желание встретиться с ним неумолимо толкало его вперёд.

Под непосредственным воздействием внутренних переживаний, как будто наяву, устремил свой взор Мулид на Мурата, стоявшего на высокой горе с пятилетним ребёнком. Заур, пятилетний сын Мурата, как бы боясь приближения Мулида, прижимался к своему отцу...

Мулид хотел написать сыну, вызвать в нём сочувствие к себе, но потоки переживаний вырисовывали перед ним грозного, разъярённого молодого мужчину, схватившегося за дубину с целью отомстить ему – одряхлевшему орлу, бессильно опустившемуся на грудь каменистой горы. Что-то давящее на душу и сердце, вырвало из его дрожащей руки перо и какой-то голос, чужой и холодный, спросил: «Где была твоя отцовская забота, старик? В моём представлении ты просто слепой орёл с безнадёжно разбитым крылом».

В какой-то степени Мулид был готов понести заслуженную кару за то злодеяние, которое причинил сыну с детства, однако несмотря на всё это, смутно надеялся, что у Мурата не может быть такое чёрствое сердце, какое он носит в себе. Он сравнивал в эту минуту себя со злодеем, оставленным в полусгнившей лодочке в открытом море, над которым свирепствовал ураган, качающий её, как щепку, по волнам. Его мысли вращались, как белка в колесе, и возвращались постоянно к сыну, не желающему знаться с ним. В глубине души Мулид осознавал, что Мурат тысячекратно прав, что в нём давно пересох возможный родничок теплого чувства к отцу, как иногда пересыхает небольшая река в знойные дни. Последним усилием воли он отбросил от себя сомнения и, вооружившись надеждой, тронулся по дороге, ведущей к его дому. Его тягостная тоска по сыну была подобна той муке, которой подвергается преступник, стоящий над бездонной пропастью в ожидании выстрела. Сын! В одном слове всё перемешалось – боль, ожидание. И – самое страшное – если Мурат безразличным голосом скажет: «Долой с моих глаз, призрачный отец, я тебя знать не знаю!»

Под тяжестью этой тяжелой ноши он согнулся в три погибели и, как зверь, упавший при падении в болото, задергался, стараясь вырваться из трясины. Он упал прямо у дороги, его тело лежало головой к тому селению, в котором рос и воспитывался сын.



ПАМЯТНИК НА ПАСТБИЩЕ

Сын Ибрагима Жанхотова Азнауур был одним из самых быстрых и храбрых юношей нашего аула. Богатырь – каждый завидовал его силе и мужеству. Несмотря на свое княжеское происхождение Азнауур хорошо ладил с простыми людьми и тайком от отца часто помогал бедным.

В те давние времена, по старинным обычаям, мужчины совершали набеги на чужие табуны. Уверенные в себе джигиты, собравшиеся из разных сёл, бывало, преодолевали очень большие расстояния в поисках достойной добычи. Иногда такие походы продолжались около года, и не каждый мог отважиться на подобное. Однажды случилось так, что князь Азнауур Жанхотов не вернулся из похода к назначенному сроку. Между людьми пошли разговоры, что его, наверное, убили где-то по пути.

Этим решили воспользоваться князя Абаевы. В праздничный день пригласили к себе в гости Ийбака – отца Азнауура. Они замыслили зло – хотели убить старшего Жанхотова и овладеть его богатством. Мужчин в роду у Жанхотовых было меньше, чем у Абаевых, а богатства больше, и князя Абаевы давно положили глаз на владения Жанхотовых.

В котле, висевшем над костром во дворе Абаевых, варилось мясо. Гостеприимные хозяева посадили Ийбака на самое почетное место, угощали, наливали, сладкими речами уговаривая выпить. Мало-помалу он начал хмелеть... Говорят: «Если человеку не суждено умереть от судьбы, то она тебя не постигнет. Ибо только Аллах решает, кому и когда уходить на тот свет».

Вот и случилось чудо. Азнауур вернулся из долгого похода. Войдя в дом и не увидев отца, он встревожился, стал спрашивать людей. Когда молодой князь узнал, куда ушел его отец, он сразу понял, что здесь что-то неладное. Вскочил на коня и помчался к дому Абаевых. Подъехав, он увидел, что там идет большой праздник. Над костром висит котел, в нем варится мясо, молодежь разносит угощение. Старейшины сидят за столом, поднимая бокалы с наилучшими пожеланиями друг другу.

Азнауур, недолго думая, выхватил из ножен свой меч и разрубил цепь, на которой висел котел. Горячий бульон – вместе с кусками мяса – залил пламя костра. Клубы пара и дыма заволокли двор, поднялась суматоха, крики, беготня, все скрылось из виду. Азнауур тем временем нашел своего отца, посадил на коня, и они в скором времени вернулись домой.

У Алиймырзы Абаева была дочь по имени Каракюмюш. Поговаривали, что в балкарских сёлах не было на то время красивее девушки. Всем хороша была красавица, ко всему она знала еще и древний язык колдунов. Князь Алиймырза, в надежде на искупление своей вины, решил выдать свою дочь замуж за Азнауура.

Между тем в Кабарде удалые всадники из знатных родов тоже решили пойти в такой поход на дальние пастбища. Но им нужен был человек, хорошо знающий дорогу. Они долго думали, кто бы мог им пригодиться в

набеге, чтобы хорошо знал места, куда им предстояло идти. Один молодой князь, который и раньше бывал в таких делах, встал и сказал:

– Я знаю одного балкарца, Азнауура, пригласите его.

Тогда встал другой и возразил:

– Мы что, без балкарца какого-то не можем пойти в поход? Не можем среди своих найти человека, который знает дорогу?

После этих слов начался спор, мнения собравшихся разделились.

Когда спорщики поутихли, снова поднялся первый юноша и продолжил:

– Это не просто балкарец. Странно, что вы о нем ничего не знаете. Он из княжеского рода, в его краях нет равных ему ни в быстроте, ни в храбрости. Азнауур участвовал во многих походах, и ближних и дальних, и всегда благополучно возвращался домой.

Кабардинские князья посовещались и решили послать гонца к Азнаууру, чтобы заручиться его согласием идти вместе с ними в дальний и опасный поход. Посланник прибыл в аул Жанхотовых и первым делом узнал, что молодой князь недавно женился – еще и месяца не прошло со дня свадьбы. Понятно, почему Азнауур вежливо отклонил предложение. Но не зря у балкарцев есть такая пословица: «Если сваха хорошая, то и хромая девушка не останется не засватанной», а наш гонец был человеком хитрым и знал, как вести дела. «Ну, что ж, – сказал он, выслушав отказ Азнауура, и ухмыльнулся. – Как тут не понять: ты теперь счастливый молодожен и не сможешь оставить красавицу-жену, чтобы отправиться с джигитами в поход». Гонец попал в самую точку, самолюбие отважного всадника было задето. Князь Азнауур был не только очень вспыльчивым, но также знал и цену обещаниям. Если он давал слово, то выполнял его любой ценой. Вот так случилось и на этот раз. «Я приеду к указанному месту раньше всех вас!» – крикнул он вслед удалявшемуся гонцу.

Долго просила его юная супруга, плакала и умоляла не бросать одну, не оставлять отцовский дом, не рисковать головой. Но все мольбы были напрасны. Азнауур сделал, как обещал. Сел на своего верного коня и помчался прочь, не слыша проклятий жены: «Чтобы ты без препятствий добрался туда, куда ведет тебя твоя отважная душа! – кричала разгневанная Каракюмюш. – Но когда будешь возвращаться, чтобы подвел тебя твой синегривый конь, чтобы ты заблудился в лесах и завяз в болотах! Чтобы преследователи оказались быстрее тебя, и пуля, выпущенная тебе вслед, попала в самое сердце! Да не увидать тебе никогда родного дома!».

Каким бы смелым ни был человек, занимаясь таким делом, он может уйти от судьбы и один раз, и другой, но когда-то удача его подведет. Князь Азнауур сдержал своё слово. Как и обещал, он первым прискакал на условленное место. Он всегда и везде успевал к сроку, сам всегда проверял оружие, готовил в путь своего любимого коня. Сколько раз синегривый спасал от беды своего хозяина – и в лютую зиму, и дождь, и в слякоть, и в жаркие дни. Князь никогда не бил своего коня, ему достаточно было склониться в седле и сказать ему нужное на ухо. И конь, и хозяин всегда хорошо понимали друг друга.

Всадники днем отдыхали в укромных местах, ночью, стараясь не шу-

меть, продвигались по окольным дорогам, по едва заметным тропам. Азнауур уверенно вел своих новых друзей. Долго длился путь, но однажды, к рассвету, перед ними показалась ногайская степь.

Здесь надо сказать, что старшая сестра Азнауура в свое время была выдана замуж за ногайского хана. У них родился сын. Он был немного похож на Азнауура, вырос сильным, ловким и бесстрашным, как и его дядя. Ханский сын знал об отчаянных проделках своего дяди, случалось, даже видел его издалека, узнавая по стремительному бегу коня, но никогда не делал такого, что могло причинить ему вред.

В этот раз, преодолев множество преград, обманув охрану, наши всадники угнали табун отборных лошадей. Ногайцы снарядили погоню, возглавил их молодой хан – племянник Азнауура. Лошади неслись по степи, сзади раздавались крики и выстрелы преследователей. Одна из пуль сразила скакуна под кабардинским князем, который мчался рядом с Азнаууром. Жанхотов спешился, помог товарищу встать и посадил его на своего коня. Себе взял другого, выбрав из угнанного табуна. Они поскакали дальше, догоняя своих, и когда Азнауур на скаку оглянулся, увидел, что ногайцы приближаются – в их предводителе он узнал племянника.

Молодой хан поднял ружье и прицелился. Он не узнал своего дядю, которого всегда отличал от остальных по синегривому скакуну под ним. Раздался выстрел, пуля настигла Азнауура. Обхватив коня за шею, он медленно сполз на землю. Рана оказалась смертельной. Князь Азнауур Жанхотов – один из самых быстрых и храбрых джигитов нашего аула – погиб от руки своего племянника. А тот, когда узнал, кого он убил, конечно же, очень сожалел об этом. Но что было теперь делать. Племянник Азнауура долго стоял над его телом, потом, отрезав себе левое ухо, положил его на грудь князю и тихо удалился.

В том месте, недалеко от Нарсаны и Кичибалыка, есть красивое пастбище. Там, где был убит князь Азнауур Жанхотов, стоит памятник с надписью на арабском языке: «Прошу молоком матери, не спрашивай у меня, что случилось, если это не твоё дело».

БАЖИГАН

Знаете ли вы историю Бажигана? Ни разу не слышали о нем? Тогда слушайте – я расскажу вам эту историю.

Много лет тому назад, будучи несовершеннолетним мальчиком, я был на ныгыше в родном селе Мухол. На высоком берегу быстрого балкарского Черека, слушая шум реки и камней, бьющихся друг о друга, согревая на солнышке свои старые кости, балкарские аксакалы говорили о том, что видели и слышали за прожитые годы. Этот рассказ я услышал там, и он остался у меня в памяти навсегда. Не преувеличивая и не преуменьшая, я расскажу вам то, что слышал от благородных старцев.

За городом Прохладным в сторону Дагестана начинаются широкие степи. Там есть место, которое называют Бажиган. Это сейчас так называют, а раньше у него было другое название. Но, к сожалению, его уже никто не

помнит. До войны балкарцы хозяйство там держали, своих овец. Чабаны иногда со своими отарами уходили так далеко, что видели Каспийское море. Может, так и было, а может, и не было, но так говорили старики. А ещё они говорили, что там было очень много змей. Может быть, они и людей кусали, но точно, что скот от них сильно страдал.

Давным-давно, когда в тех краях еще не ходили разговоры о революции, никто и не знал о советской власти, там жил помещик, которого звали Бажиган. Он был не просто помещиком, а очень зажиточным человеком. Очень много было у него скота. Балкарцы называют таких людей – «Добрачан-бай». А вы знаете, кого называют так у нас в горах? Нет? Тогда слушайте. Балкарцы называют Добрачан-баем того, у кого более ста тысяч голов скота! От ногайских степей до наших гор давно такого человека не было. А у того, о ком мы говорим, у Бажигана было более ста тысяч овец. Он держал только овец. Было еще небольшое стадо дойных коров – для чабанов и других работников.

Посередине своей земли он построил двухэтажный дом. Там больше стекла, чем других строительных материалов. В степи этот дом был виден издалека. А в солнечный день он так блестел, что чабаны смотрели на него, прищурив глаза. В округе его называли «Стекланный дом Бажигана». О семье хозяина дома рассказчик не говорил: то ли не знал, то ли у Бажигана семьи не было.

У Бажигана было много работников. Обращался он с ними хорошо, обеспечивал едой, одеждой, вовремя платил за работу, частенько поощрял. А скот у него прибавлялся каждый год, и не десятками, а сотнями и тысячами.

Для такого количества скота нужно было много корма. Поэтому Бажиган заготавливал его достаточно много. Было и сено и комбикорма. Но ещё он использовал и зимний выпас, то есть пас овец на сухой траве.

Как то корм для скота закончился ранней весной. Но в тот год быстро пошла в рост трава. Овец стали выпускать на луга. Бажиган обрадовался: вот, думает, ещё одна зима позади, трудное время прошло, теперь можно немного отдохнуть.

Но неожиданно погода изменилась. Поднялся буран, повалил снег. Так продолжалось около двух недель. Бажиган объездил на своем коне всю округу, чтобы найти хотя бы копну сена, но не нашел. Никто не смог ему помочь, все были в таком же положении.

Вернулся Бажиган домой ни с чем. А чабаны ждут во дворе. Кругом лежат овцы, десятки тысяч овец. От голода они ели шерсть друг у друга. Увидев это, Бажиган поднялся на второй этаж. Вытащил на балкон два больших чемодана. Открыл их, и начал доставать деньги, и швырять их овцам. «Вот они, все, что вы мне принесли, ешьте!» – говорил он горестно.

Овцы денег не ели. Им уже вообще не нужно было никакого корма. От голода они все околели. Поняв это, хозяин там же и застрелился. Рассказчик уверял, что он в молодости бывал там, видел обломки стекланный дома. А место это с тех самых пор и называют – «Бажиган».

Вот такую историю я слышал в детстве от аксакалов на ныгыше в селе Мухол.

Перевела с балкарского языка Асият Жабоева



Екатерина ЖАБОВЕВА-ТЕТУЕВА

О «КНИГЕ ОТЦА» СУЛЕЙМАНА БАБАЕВА

«Его не с кем сравнивать во всей мировой литературе. Эта маленькая книжка – одна из лучших, если не лучшая, которую я когда-либо читал...» – это предложение из вступительного слова Бориса Чипчикова к «Книге отца» Сулеймана Бабаева.

С этим именем я не знакома. Кто он? Ибрагим Бабаева знала, не раз приходилось с ним беседовать, и творчество его хорошо знакомо. Оказалось, Ибрагим и Сулейман – братья, родные братья. Но они разные.

Прочитав «Книгу отца», веришь в ценность божественных истин, связь духовной и материальной сфер, в полное отсутствие мыльных пузырей в подлинной прозе без недоступных читателю абстракций. Такой чистый взгляд на мир природы, где преобладает высокий уровень интеллектуального видения Мужчины – величайшего дара природы: Мужчина, Отец, Сын, Любимый... Ещё туда же самые необычные, самые тонкие, самые-самые изобразительно-выразительные средства языка, вместительные, всевбирающие, пульсирующие... не столько в переводе, сколько в оригинале.

Как тонкий ценитель искусства художественного слова Борис Чипчиков услышал биение сердца природы балкарских ущелий и горных высот в «Книге отца» Сулеймана. Хорошо бы увидеть вены жизни гор Балкарии!

Интересен этот художественный текст правдивостью, абсолютной непридуманностью, если хотите, документальностью: реальный человек соприкоснулся с реальной действительностью. Прочитавший обязательно захочет увидеть, «откуда, стала быть» Балкарская земля, вспомнит известную фразу летописца Нестора. Но это должно быть духовное прочтение, ибо текст с высоким качеством содержания.

Всего 68 новелл (считая означенные звездочкой (*), даже очень короткие), объединенных столь маленьким количеством персонажей. Но подспудно присутствует имплицитный (неявный) читатель, активно воздействующий на автора: автор себя представляет («Я из рода Бабаевых!...»), и камертон, чутко уловивший голос («Тише, успокойся, идущий впереди нас – наш отец», – тихим звоном отозвалась скала»), и сам текст, вся словесная фактура, и авторское «Я» призывают читателя, энергично воздействуя на него, внутренне скрытую природу активизировать ... и эта тонкая грань художественной субъективности непременно сыграет немалую роль в выявлении неожиданного, читательского ожидания.

«Огромность земли, даль дороги, белый обрыв, похожий на полумесяц, оползень, мосты над водами – все они, пройденные мною, остаются в моем сердце, как чьи-то чудесные рассказы, потому что, как

говорил мой отец, в каждой трудности – тысячи удовольствий. Если бы в моей жизни не было дорог, не так билось бы сердце, необедительными были бы мои слова».

Я всегда опасаясь «огромности» цитирования. Но обрывать цепочку нельзя. И вот здесь, в новелле «Доброта» – начало эмоционально-идейной оценки «Книги отца» – величественная симфония в честь, во славу Отца – царственно-универсального создания природы, лучшей режиссуры природы, глубочайшей природной образованности; каждое высказывание его – творческое от природы, созревшее именно в самой природе, не от чтения и познания постулатов великих мыслителей далёкого прошлого и настоящего. Тут и «странствующие пророки Хызыр и Мусса», а отец Сулеймана – Хызыр, проживший сто лет, сын Мусса, проживший только три месяца. А боль потери автор пытается утишить стилистической фигурой – градацией: «Надо терпеть, надо радоваться, надо шагать уверенно, ломать скалы, прокладывая дорогу, – другого не дано».

Об отце – не сразу и не вдруг: прошел дороги войны, не единожды раненный, но он путник. Сулейман – сын своего Отца: каждый раз он выбирает незнакомую дорогу, где новые родники, балки, луга, разные породы деревьев, зелени – со всем этим он «беседует», используя совершенные сравнения.

Сравнение – удивительно ёмкий троп, который в изобилии представлен в «Книге отца»: «отец становился мудрее, как земля и небо»; размышления автора о «великих мудрецах, провидцах, поэтах, словно присутствую при сотворении нового безмерного неба, словно стою перед необозримым, далеко тянущимся морем».

Читаешь и почти физически присутствуешь, видишь внутренним взором текстовый материал, максимально концентрируются и сосредотачиваются силы; текст написан во славу Отца, глубоко, интересно, мудро: «Отец всегда чтит разум, чтит детей, нивы, дожди – всё, что дарует народу мощь, доброту, надежду. Здороваясь с солнцем, кланяясь луне, начинал он и заканчивал свой день, творил добрую жизнь, которая соединялась с вечной жизнью; жизнь, в которой было всё, что он чтит, и были тихие горы, ветер и дождь, наша река, несущая белые волны, зеленые луга, словно это было предопределено ему от сотворения мира, который и я сейчас приветствую от всего сердца, как мой белобородый отец».

В этом тексте – нравственная составляющая Отца, человека чести и достоинства, данные ему природой, осмысленные жизненным опытом и переданные генным путем сыну – результат осмысления.

Вообще во всей «Книге отца» вы не найдете страницу без слова «Отец», и всё, что касается «Отца» и окружающей естественности, – как ноты в музыке: тоньше настраивай слух – будет живое слово и точная неожиданность.

В большинстве страниц слышишь симфоническую музыку, видишь музыкальные образы, что-то необычное, указывающее на коренное родство с горами Балкарии, её быстрыми реками, ущельями, зелеными

полосами – требуется композиторское обращение к широкому разнообразию текстов и их перенесение в музыку. Будет, надо полагать, процесс музыкального освоения сулеймановской прозы чрезвычайно интересен: мудрость Отца, звуки Балкарии, разнообразные переделки в балкарских дворах, обилие «прекрасных мгновений» внутренней музыкальности, звучание самих предметов. Кажется, стихия музыки питает новеллистическую прозу Сулеймана.

Когда Сулейман пишет о «вратах дня, о небесных вратах», без музыки никак нельзя, когда читаешь вот эти строки: «Отец верил, что есть небесные врата.. “Они раскрываются перед избранными, и, если он в этот момент загадывает желание, оно обязательно исполняется”, – говорил он. И я, его сын, верю во врата солнца и, как двери нового дома, сегодня распахиваю настежь двери нового дома, сегодня распахиваю настежь двери дня – новую книгу отца».

Вообще новелла «Рассвет» соткана исключительно из музыки. Как-то надо озвучить обращение к солнцу, которое заставляет вечные снега сиять на вершинах... греет морозные седины отца, веру в силу и мощь Солнца, без чего не было бы жизни на Земле. Слова Отца вросли в Сулеймана, он ими жив: «Будьте всегда со своим народом, берегите его речь, сердце, дух», «Берегите, храните честь и красоту наших женщин, наших матерей». Можно перевести на музыку, «как из труб... вьется дымок», тепло домов, песни детей, стук топора...», как луна «выплескивается» из ведер воды...»

Композиторов сейчас много, было бы хорошо, если кто-то их заставит поток звуков течь так, чтобы они легли на бабаевскую прозу без тени, а если она будет, то пусть будет необходимостью. Словесный текст (либретто) можно считать готовым, если ещё коснется рука либреттиста, а звуковые образы и ритмы будут благословенны.

Энергетика текста от страницы к странице усиливается, вырабатывается свой, сулеймановский творческий почерк, внутренне содержательный, не уходящий от реальной действительности, воспроизводящий мелодию жизни такой, какая она есть, проясненная почти до детской чистоты: «...в такт со стуком копыт коня билось моё сердце, когда за белой ланью гналась стая волков», – признается всадник Сулейман. Но израненную увиденным душу излечивают чистота и ясность гор, их величие, подножие горы Баштыкыр.

Случайного путника из Холамского ущелья Отец принимает как родного, который с любовью и признательностью рассказывает о своём отце, испытавшем трагедию своего народа: «Вернули бы нам всю землю – согласился бы под чинарой жить, ел бы глину, водой из речки запивал – вернуться бы только в Усхур, – говорил он. – Вода и камень тянули нас к себе». Эти слова мог произнести каждый балкарец, испытавший тринадцатилетний геноцид. Много судеб было изломано, истреблено. Моральные установления, на которых зиждется нравственный кодекс каждого испытавшего переселенческую боль, унижения, оскорбления, потери, голод, – в этих словах старого балкарца.

Люди, живущие на лоне природы, крепки здоровьем, сильны физи-

чески. Хызыр, отец Сулеймана, живущий в мире природы, знает, какая трава и в какие дни недели наполняется свежестью, когда «сок в ней загустеет». А эти приметы природы он узнал от своего покойного отца Копая, знавшего много секретов природы, завидный талант которого, его «разумные речи», «святыя, как травы родной земли, как ветер над ними, как дождь», сейчас отец передает сыну. Как важно это сейчас, в пору крушения основополагающих ценностей! Там, в мире естественности, легко и свободно дышится, человек открывается весь в этой реальности, чувствуется сила художественного образа, пропитанная правдой жизни. Отец вводит сына в мир своей души, в таинства происходящего вокруг – познай и передай своим детям. Лицо отца светится добротой, искренностью, остерегающей сына от злой жестокости реальности. В ткани жизни Сына, органически, тонко, бережно вплетается нравственная высота гуманистического идеала Отца, его высокое достоинство, сила и могущество естества. По прошествии многих лет Сулейману слышится мерность, размеренность голоса Отца.

Приходит мысль, что Сулейман записи делал не для печати, а для себя, как дневниковые записи, чтобы каждое мгновение, связанное с Отцом, осталось на бумаге... вдруг память не удержит. Нет в записях осторожности, они как бы спонтанно, между прочим, безоглядно составлены о своей текущей жизни, в естестве. Может быть, что-то мистическое, связанное с небесными светилами, «подсказывало» ему, что надо быть сыном Отца, мудрого, достойного человека чести, что взывало к необходимости самовыражения с чувством собственного достоинства. Жизнь в Божьем мире, понимание вечных божественных ценностей – это высокий уровень интеллектуального развития, необычный интерес к жизни.

Уникальна, редкостна топонимика ущелий горной Балкарии. Это будет интересно любому читателю, не только топографу; а Сулейман их знает, «читает», как мы интересную книгу: леса над Къуршоучу, подножье горы Баштыкыр, Усхур, сенокосный луг Таракъла, ложбина Козу-Ойнаган, северный склон Газа-тюбю, верховья Булунгу, ложбина Буу-мюйюзле, Верхние Озера, северные склоны Таракъла, Нижние Озера, хребет Слепой кобылы, Берёзовый склон, Верхняя Долина, Тешикле – Дыры (чернеющие пещеры, ямы, отверстия), старая тропинка отца Шайхун, село Ак-Суу и река Ак-Суу, Кая-Арты, Тай-Тутуучу, Сары-Тюз, роща Жылкычы Жюрек (Сердце Табунщика) – но всё это территория Белореченская – совсем малая доля территориально-рекреационного комплекса Кабардино-Балкарии, исподволь объясняющая, оценивающая современный рекреационный потенциал высокогорных районов республики.

Каждый уголок источает свет, воспитывает душу своим естеством. Отец сыну говорит: «Вот на том склоне можно лечь на спину и горстями есть бруснику, как виноград». О самом лучшем, целебном напитке – балкарском айране, приготовленном именно мужчинами на горных пастбищах, пахнущем ароматом яблок (их «коровы съедят»), «разбавленном»

самой чистой на свете водой – утренней водой, которой освежаются коровы; а какое здесь мясо, а сыр, а масло, айран с привкусом орехов!

Портрет – это описание наружности. Но портрет может фиксировать какие-то характерные особенности внутреннего мира персонажа; жесты, мимика, глаза, пронзительность взгляда, «игра» мускулов на лице – тоже говорят о многом. Психологический анализ «вычитывает» душу героя. Весь читающий мир знаком с Печориным («глаза не смеялись, когда он смеялся»); Обломовский Илья Ильич почти всегда казался безразличным; у Татьяны Лариной («Евгений Онегин») мужчины «ловили взор её очей»; представим лицо молодого Андрея Болконского во время разговора с Пьером об отъезде на войну: его лицо дрожало нервическим оживлением каждого мускула.

Таких портретных характеристик множество. Вот портрет Сахая из «Книги Отца» как бы между прочим: «Сахай часто раздражался из-за пустяков, тогда лицо его белело от злости. Казалось, ткни ножом – крови не будет. В такие минуты голос его звучал как разошедшаяся, треснувшая свирель. Он долговяз, щеки у него впалые, бледные, шея тонкая, как шнур... узкий лоб, он часто дергал головой... Нижняя губа его, прикушенная желтыми кривыми зубами, пробелела, и без того маленькие, как у суслика, серенькие глазки его под редкими бесцветными ресницами сузились... дрожь не проходила... распаяясь злобой... невзрачное лицо его то синело, то краснело...»

Что называется, портрет без комментариев. Есть, вероятно, такая порода людей, у которых внешняя отвратительность вполне соответствует внутреннему уродству. Интертекстуальные связи позволяют увидеть генезис текста, его структуру, основные составляющие смысла.

Отцу Сулеймана природа дала богатую внутреннюю жизнь, оснащенную силой духа, мудро указывающую путь к нравственному очищению. В новелле «В лесу» даётся возможность увидеть подлинные слезы природы – плач старого дуба, когда «всадили лезвие топора в ствол. Из раны на могучем стволе дуба потек сок... красный-красный!». Отец объяснил сыну, что у дерева тоже есть душа, ему тоже больно: «Прошу прощения у природы», – прошептал Отец, внимательно смотря на сына.

Столько лиризма в прозе Сулеймана, такая высокая гражданская позиция, что читатель буквально повторяет слова этого всечеловеческого гимна, мысленно сливаясь с «Я» автора, с его размышлениями. Природу надо изучать, знать её душу, а чиновникам, стоящим на стогнах городов, населенных пунктов, отвечать за их клиническое беспамятство, за такой пробел в памяти.

А когда читаю (много раз перечитываю) новеллу «Слепая лошадь», вспоминаю древнюю китайскую мудрость «инь» и «ян» – два уравновешивающих друг друга противоположных начала, символизирующих противоборство и союз света и тьмы.

Вздохи израненной земли («Сколько снарядов рвали её могучее тело, сколько огней обжигало её, и сама она иногда дышала огнём, взлетали в небо камни...») и детская жестокость в отношении слепой лошади, её внутренний монолог, что без слёз не прочитаешь. И всё без

искусственности, сделанности, нарочитости, без фальши, позерства, без лжи – гимн лошади, тысячелетия служащей человеку.

«Книга Отца», состоящая из 26 подновелл – звездочек – своеобразный «Шёлковый путь», в коих заложены различные нравственные, философские, эстетические, педагогические идеи, которые оказывают несомненное воздействие на читателя. Не впадая в преувеличение, а глубинно рассматривая охват явлений жизни в пределах видимого, можно об авторе «Книги Отца» смело сказать, что он вполне достоин встать рядом с великими творцами литературы. Он своеобразный «жизнестроитель», пророчески смотрящий на жизнь, он – сын своего мудрого Отца; горы, горные массивы, весь растительный мир, реки и речушки, Верхние и Нижние Озера, северные и южные склоны гор, быки, коровы, табуны, ложбины, леса и лесные тропы – весь этот мир – дороги познания ценности жизни, органически вошедшие в мир Отца и Сына, монополю владения этим безмерным богатством. Для Сына Отец – огромный мир, резервуар, питающий не только своего Сына. «Отец... Рассказать бы о нём. Хотя бы сотую долю того, что можно о нём рассказать. Тысячи дорог за ним, тысячи гор и долин, тысячи взглядов на эти скалы, семь тысяч мудрых слов. Вот кто-то в давние времена выбил на камне рисунок сыбызгы. Отец и на сыбызгы умел играть, и она дарила и мне, и этим скалам, травам, деревьям то, что лежало в глубине его души, то, что невозможно выразить словами, что может передать другому человеку только музыка».

Не случайно вплетена в канву новелл легенда о козопасе, исполняющем на сыбызгы печальные мелодии. «Наверное, была у него какая-то боль, иначе не смог бы он так играть и не исполнилось бы его заветное желание». Но в одно мгновение он исчез, когда перед ним вдруг явился некто белобородый. Козопас явился через три года искусным лекарем, знающим все травы».

В народе говорят, что есть травы и другой растительный покров, которые лечат от любых болезней. Козопас вернулся уже знающим, «где и какие растут лекарственные травы и когда их нужно собирать – вечером, ночью, перед рассветом; знал, когда набираются они сил от небес и земли».

Вот монолог души Сына, монолог поэтический: «Мой добрый белобородый отец, ни один шаг, который я сделал, следуя за тобой в горах и долинах, не был напрасным, ни одно слово, сошедшее с твоих губ, не пропало. Как семечки яблоч, занесенные ветром в горы и долины и нашедшие там благодатную почву, твои слова пробиваются ростками в моей душе. Такой мощью веет от них, что кажется, всё это – и скалы, и луга, и валуны в реке, озёра, луна над озёрами – умещается на твоей ладони. И все они тянутся друг к другу, образуя лицо мира, который вокруг нас».

Мудрые высказывания Отца могут составить отдельное исследование. «То, что помнишь, – не стареет», – говорит он Сыну, вспоминая, в какой впадине какая вода («... во впадине есть маленький родничок», там вкусная вода).

В творческом сознании может появиться вопрос о возможном влиянии, заимствовании. Если даже будут какие-то совпадения, особенно в пейзажных зарисовках, или сближения, с абсолютной уверенностью отвечаю: такового нет. В мировой литературе есть общие приёмы художественного метода, чем пользуются все пишущие.

Диалог Отца и Сына, их риторическое построение, стилистика, ритмика, приёмы психологической разработки покоятся на фактологической основе. Сын похож на Отца мировоззрением, художественным мышлением, идейно-эстетическими взглядами, любовью ко всему существу, – всё это подтверждается текстовой природой книги. Сюда же можно отнести тонкость и редко улавливаемую иронию, умение это сделать совершенно безобидно.

Отец жил по канонам нравственной чистоты: учил своих детей искусству жизни – сам всему образец: «совершает омовение, молится на берегу, как много дней и лет назад, призывает на этот мир милости Божьи. Иногда он вместо арабских слов шепчет балкарские. Доброта и разум были в тех молитвах, которые я не записал. Не записал, а были они книгами отца».

Учится Сын у мудрого Отца, ёмкость отцовских мыслей, дел, так или иначе перетекают в сыновьи «сосуды жизни». У каждого есть, несомненно, индивидуально неповторимое, но в то же время общее, что сближает идейные, эстетические принципы. «Если моим пером водит великая любовь к родной земле, память об отце, если кто-то, неведомый мне, читая слова мои, может хоть на миг ощутить то, что ощущаю я, увидеть – хоть на миг – прорастание травы, струйку родника, полёт звезды, первый снег, падающий в горах, – значит, душа моя – от камня родной земли, кровь моя – от родных рек. Значит, ладится мой труд», – исповедуется Сын великого мудреца.

Отправляя сына в село, Отец строго наказывает, что «работа на плечи давит», что пасти государственный скот – дело нештучное... болтаться по селу нельзя... сделай свои дела и быстрее обратно. Помни: «Казённая иголка тяжелее арбы соли. В компанию пьющих не ходи».

Просто, понятно. Здесь реальный герой в духовной сущности, несущий в себе реальные явления жизни, особые черты авторского мировоззрения, его неповторимость. Ведь здесь нет вымышленных героев, все конкретные – со своими именами – лица, потому что они излучают уверенность, а ты погружаешься в образ, в его тончайшие нюансы, и образ не нарушается, с определенным внутренним смыслом, и каждая природная картина – это образ с присущей ему энергией, с биением живой жизни. Никакого пафоса, никакой зашифрованности. Здесь природа сама режиссирует, а Сулейман просто воспроизводит, что является признаком мастерства.

Автор напоминает как бы между прочим, что в год начала войны ему было пять лет, отец носил угольно-черную бороду (как у него сейчас) – «траур по нашей матери, умершей в том году». Не наслаждался Сулейман материнской лаской. Отец, вероятно, был всем – и отцом, и матерью. Взрослый Сулейман вспоминает, как в детстве старый Жашук

сказал ему: «Ну и глаз у тебя, – как у зайца вечером». А отец почему-то «волчеглазым» называл, а когда узнал, что что-то пишет, сказал: «Чтобы писать книги, надо иметь волчьи глаза. Иначе это все равно, что блуждать в тёмном лесу». Странно: «глаза зайца вечером», волчьи глаза... Может в этом есть что-то? Любовь.

Каждый человек, появившийся в этот мир, испытывает это чувство. Если же кто-то утверждает, что никогда никого не любил (встречаются и такие, во что трудно поверить), то невольно закрадывается мысль, а может, у него и души-то нет.

Автор живет в удивительном мире – мире природы – в такой дивной чистоте, где много эмоций, требующих удовлетворения. Безответная любовь, сила этого чувства по-разному, надо полагать, отзывается: кто-то, страдая, замыкается в себе, страдает в ожидании, а кто-то совершает морально и психологически неоправданные поступки. Герой Сулеймана пишет письма, в которых его любимая – «... утренняя звезда над вершиной горы», для нее он готов «превратиться в дождь над лугами... стать облаком в жаркий день...». «Если бы не было любви, иссякли бы родники, погасли бы звезды, ... если надежда меня не обманет, и я узнаю, что и ты меня любишь, я подарю тебе солнце, сделав его колечком...» Вот так! Не много и не мало – солнце подарит. Это, вероятно, свое виденье этого чувства – превалирует изящная словесность, прошитая гуманностью любви, невозможностью нарушить её каноны.

Не впадая в серьёзные теоретические рассуждения, не философствуя, вспоминая комедии, трагедии, рассказы, повести, романы мировой классики, отметим, что у Бабаева это чувство проникнуто внутренним благородством, искренностью, уравновешенностью и сдержанностью, глубоко личным переживанием. Это его планета любви с множеством удивительных метафор.

О чём бы ни писал, куда бы мысли Сулеймана ни уходили, центральное, главное – Отец, своеобразный стоицизм, знание мира природы, твердость, мужество абсолютно во всём.

Мир Отца богат. С интересом читаешь его сказы, сам придумал или далёкие предки оставили фантазии о трёх белогрудых птицах, превращающихся в прекрасных девушек – гурий. Молодость иногда хочет верить в чудесные сказки: спрятавшись за камни, втайне от отца, ждал небесных дев; слова отца («Кто увидит этих крылатых девушек, у того будет хорошая жена. А на самих гуриях жениться нельзя, они об этом не думают») запали в душу. Кому не хочется иметь хорошую жену. Видимо, первобытность природы располагает человека к свободе мыслей, к желанию исполнения желаний, и образ становится прозрачным, раскрывается миропонимание автора, выливаясь в приём типизации.

Радуется жизни Сулейман – у него есть Отец, слово которого лечит, указывает правильную дорогу жизни, дочери: Фатимат, Мадина, Мариам, в которых отец и дед души не чают; они видят отца и деда в постоянном труде. А когда дети с отцом в лесу, окружающий мир очаровывает детей, и сыплются вопросы, на которые надо отвечать: «А это что? А это какое дерево? А что за той горой? А где родник?».

Отец не только отвечает на вопросы, а играет с ними как любящий отец, передавая им своё миропонимание, органически с ними сливаясь – он больше воспитывает своих дочурок не словами, а своим «образом». И мир для детей делается красивой сказкой, окрашенной сентиментальной романтикой.

В горах не только красиво, великое множество тайн, загадок, которые надо разгадывать. Но и немало опасностей. Из рассказа Хажи, как он вместе с напарником поехали за сеном на Баштыкыр и чуть не погибли – «на совершенно ровном месте провалился трактор. Как успели выскочить – до сих пор не понимаю». Вспомнил, как среди бела дня на ровном месте лошадь косарей из Черекского ущелья «провалилась, только хвост торчит».

Жизнь в горах тяжелая, но балкарцам не привыкать – трудно, но родные камни дороже золота. Отец рассказал такой случай: «Прадед твой Баба недосыпал несколько дней, когда откочевал на новое пастбище. Управлялся он сам, а как трудно бывает здесь, в горах, ты сам знаешь. Пока разбил кош, пока загон сделал, да и погода, наверное, была ненастная – словом, когда управился, заснул он и не просыпался девять дней и ночей. А проснувшись от ржания коня, удивился, что началась сильная буря, и всё стадо его свалилось в пропасть. Лошадь тревожно ржёт во время лунного затмения. И когда сверкают молнии или зарницы и начинается ливень, вздрагивая, ржёт конь».

Но опасности в горах только укрепляли дух, и ни на какую благодать истинный балкарец горы не променяет. Это «люди, которые вместо «земля, на которой я родился», говорили «камень, на котором я родился». Ныгыш, куда собираются только мужчины, их беседы о труде, о быте, о молодёжи, о делах даже государственных, о примирении конфликтующих сторон, о многом; скачки, где отмечают самых-самых, джигиты и роскошные горянки, исполняющие огненные балкарские танцы; и все они живут по закону гор – с честью и достоинством. Величие природы Балкарии передает не одическим стилем, а в стиховой прозе, возводя новеллу в высокий стиль.

Часто Сулейману помогает романтическая интуиция – балкарские названия определенных мест: тропинка на могучей груди Шаухуна, искрящийся в ясном небе Чолпан (Венера), пасти овец в ложбине Буумююзле, наслаждаться утренней прелестью Березового Склона... И это своеобразная завязка одной новеллы, подготавливающая к восприятию следующей... и эта цепочка не обрывается, продолжается реальная перекличка с мудрыми наставлениями Отца.

Отец, названный Хызыром в честь пророка, легенды о котором часто рассказывает, ведет такой совершенный, очищенный образ жизни, творит молитвы, даже может переночевать на кладбище. Сын не гиперболизирует отцовские качества, и использованные им образительные средства не противоречат нашим эстетическим взглядам – это действительно необыкновенная личность, созидательная сила которого, его ум пытаются «образовать» сына. И «образовывает» – Сын создаёт «Книгу Отца»

Вот ночное родное село: «Спит моё село, спят усталые люди, видят волшебные сны, возвращаясь в детство, когда всё кажется возможным и исполнимым... Ничто в мире не равноценно уму и сердцу человека, никто не узнает его до конца. Поди, узнай, что в нём меняется, что его тревожит и ведёт, будоражит, толкает на деяния, которым он и сам потом удивляется: «Неужели это я сделал?» «Велик человек, ни с кем его не сравнить. Как замечателен, удивителен он в своей печали и радости, как идёт он по земле, и сердце его колотится от тревоги и восторга, путник, идущий в туманном небе среди звезд, поднимающийся к ним из гор и долин; и то, что будоражит его и движет им – это и есть то, что мы называем человеком, зерно, которое есть во всех нас...» – вот таков ракурс видения Сулеймана, духовно-нравственное, ценностное. Конечно, система координат изменчива, время стремительно идёт вперед, может родиться нечто, что поразит нас (мы не говорим о цинизме подданных, где господствует доллар) – мы же говорим об экологии души человека – гордом самосознании человека, его возможностях. Главное, что волнует героев книги – это отношение человека к человеку, их духовные связи, значительность вообще человека как исключительного явления природы. Если человек ничего не значит для окружающего мира, находится в противоречиях с ним, забывает об уважительном отношении к людям, а требует поклонения своей персоне, то эти крайние чувства только накапливают зло. Такие, как Хажи, – «без влаги в сердце» – всегда останутся чужими. К таким с просьбой обращаться нельзя – только унижаешь себя. Сулейман особо это и не подчеркивает, а лишь замечает. Вообще отступление от законов человечности часто наказуемо временем. И это справедливо.

Потеря детей – самая сильная боль. Похоронил он четырех детей, ещё младенцев, а боль не утихает. «Если бы все они были живы, две девочки и два мальчика, – полнее была бы моя семья... Как безмятежны тишина и покой в мире, если даже мать, похоронившая четверых детей, четыре части своей души и тела, спит сном невинного ребёнка...». (Я верю! – редактор.)

А маленькая новелла – звездочка, посвященная балкарским женщинам, – маленькая симфония в честь мастериц-тружениц. «Их руками создано то, что нужно всем людям, – тепло и красота».

Случайному спутнику, отец которого, пройдя всю войну, «умер от старых ран», Сулейман выдает семейную боль: «А сколько людей не вернулось. Два брата матери, два брата отца. Трое погибли, один в самом начале войны без вести пропал. Все молодые, неженатые. Война была...»

Боль проникает глубже, когда автор вспоминает раннюю смерть своей матери, смерть якобы от сглаза. Но цельность духа «Книги отца» набирает силу, не ослабевает. Постоянный возврат к главной нервной ткани – к Отцу, к его мудрым изречениям, сплетён с философией жизни, пожалуй, даже с днём сегодняшним, особенно когда он говорит об алчности: «Такие люди подобны волкам, они ни перед чем не останавливаются – ни перед убийством, ни перед грабежом». Как-то возможно,

вероятно, диагностировать таких, если перевести это размышление на уровень отдельного человека. Ведь каждый человек социализуется в конкретном обществе, что-то наследует, нити от «матрицы» (части) несёт на себе – в результате определяется так или иначе.

Слова Отца – жизнеутверждающие, утешающие, действенные, необходимые как дыхание, силу имеют, пронизательны, индивидуальны, при необходимости анестезируют, текст оживляют.

Здесь две вселенных – Отца и Сына. Одна как бы исходит от другой, а иногда органически вплетаются, осознаваемые как духовные составляющие, по здравому смыслу – осмысление традиций. Отец – командор, прошедший путь служения благородству, достоинству, ответственности, мудрости, личность.

Есть раны, которые не заживают. Балкарец, бывший в изгнании, испытавший голод, холод, унижения, смерть близких, не может забыть «о стадах и табунах, оставшихся без присмотра, о заброшенных полях», о землях, оставшихся без хозяев». Сулейман – один из таких. Читаешь новеллу «Звезда мира» и видишь великих страдальцев, изгнанных из родных гор. Слезы, неудержимые слёзы. Не поймут. Много, очень много скорбных отметок. Под каток «массовых сталинских репрессий» попали и балкарцы. Многие стертые, умерщвлены, расстреляны (просто так захотелось коменданту). Партийная номенклатура пиршествовала, а переселенцы тихо «уходили».

Автор вспоминает из среднеазиатской жизни разные события. Отцы, братья защищали Родину, а над их женами, сестрами, детьми издевались, кому как хотелось – защиты-то не было. Все ценное, памятное продавали за горсточку зерна – надо было выживать.

Выжили, не растратили моральную чистоту, хотя надломы были. Часто приходилось слышать «не выдержал», «навсегда закрыли глаза», «так мечтал хоть одним глазом посмотреть на родные камни», «сегодня ночью нашли у проруби бездыханным» и т.д. и т.д.

Сама логика жизни подсказывала Бабаеву Сулейману сюжетную канву, о чём мы выше писали. Указанное количество новелл составляет единое целое – художественное произведение. Да, это не эпическое произведение с широким охватом жизненных явлений. Здесь мысли ёмкие сконцентрировались на самом главном и его деталях – Отце с большой буквы, настоящем Мужчине – нити всех новелл неразрушимой цепью стянуты в одно – в эталон чести и достоинства, человеческого такта, без гротескных деталей; это созидатель, жизнедеятель, это источник знаний жизни природы. Отец вобрал в себя все ценное в человеческой личности и это передает сыну по законам природы, а благодарный Сын воздал величественную симфонию в честь Отца.

Борис КАЗАКОВ

Борис Мустафаевич Казаков родился в 1939 году. Окончил педучилище в Нальчике в 1961 году, КБГУ – в 1967-м. С 1961 года по настоящее время живет и работает в селении Верхняя Балкария, преподает в начальной школе, учит истории, в течение восемнадцати лет работал директором школы.



Для мужчин измена друга –
Как летом снежная вьюга,
Как неверная подруга,
Ненадежная подруга.

Измена – трусости слуга,
Страшней, чем ненависть врага:
Она недругам услуга,
Верная врагу прислуга.

Измена друга – боль, жало,
Она – как удар кинжала,
Прямо в сердце поражала.
Случись – покажется немало.

Чтобы обидеть друга,
Не нужна натуга.
Это не заслуга
Для мужского круга.

Чтобы друга занять,
Надо очень захотеть
И немало попотеть –
Друга нового иметь.

А чтобы друга потерять,
Не надо сеять и пахать,
Силы много прилагать,
Просто надо изменять.

Запомни, подруга,
И помни ты, друг,
Известно: старый друг
Лучше новых двух!

ПОСВЯЩАЕТСЯ ИСХАКУ МАШБАШУ

Умеренно

Как рад я но - вой встре - че на - шей,
мне дух е - е не об - хо - дим.
Да - вай о - пять, со - брат мой стар - ший,
за раз - го - во - ром по си - дим.
Я, мо - жет, спра - ши - ва - ю мно - го?
Ты от - ве - чай, не о - бес - судь.
Хо - чу, чтоб вновь тво - я до - ро - га
вмес - ти ла мой не - длин - ный путь.
Хо - чу, чтоб вновь тво - я до - ро - га
вмес - ти ла мой не - длин - ный путь.
Как рад я но - вой встре - че на - шей,
мне дух е - е не об - хо - дим.

The musical score is written in G major (one sharp) and 4/4 time. It features a vocal line with lyrics and a piano accompaniment. The tempo is marked 'Умеренно' (Moderato). The score consists of 14 staves. The lyrics are in Russian and are repeated at the beginning and end of the piece. The piano part includes triplets and various rhythmic patterns.

*Анатолий БИЦУЕВ, поэт
Данил СОГОВ, композитор*

Как рад я новой встрече нашей,
Мне дух ее необходим.
Давай опять, собрат мой старший,
За разговором посидим.
Я может, спрашиваю много?
Ты отвечай, не обессудь.
Хочу, чтоб вновь твоя дорога
Вместила мой недлинный путь.

Пусть полночь бьет в ночи наставшей,
Мы бесконечно говорим
Все о земле адыгской нашей,
Чей путь непрост, неповторим.
И ты истории страницы
Мне, как свои стихи, прочтешь.
И все минувшие зарницы
В луче сегодняшнем зажжешь.

Твоим глазам горячим внемлю,
Пью родниковый твой рассказ:
Ты помогаешь видеть землю
Со склонов гор, со звездных трасс.
Ты нужен, старший мой товарищ,
Хотя бы лишь для одного:
Ты мое сердце прошлым ранишь,
Врачуя будущим его.

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

Для педагогической общественности Кабардино-Балкарии имя Николая Алиевича Багова, которому исполнилось бы в этом году 85 лет, ассоциируется с большой личностью, эрудитом, тонким психологом, философом, глубоко понимающим проблемы образования.

Кто хотя бы один раз в жизни имел возможность взаимодействовать с Николаем Алиевичем, считает или, по крайней мере, хочет считать себя его учеником. А такая возможность была у педагогов школ республики: Н. А. Багов стоял у истоков становления системы повышения квалификации учителей, работая с 1949 года и до конца своей жизни (1991 г.) в институте повышения квалификации учителей.

Мне и моим коллегам, в числе которых Жемухова Зоя Напитовна, Сохова Роза Умаровна, Хацукова Майя Мухамедовна, Бугова Майя Цоцовна, Матвиенко Валентина Васильевна и др., посчастливилось общаться с этим человеком не только в рамках профессиональной тематики, но и по различным вопросам многогранной жизни человека, и нас поражали, восхищали его неисчерпаемые знания по самым разным направлениям науки, искусства, литературы, истории, человекознания, педагогической теории и практики. Общение с Николаем Алиевичем не только обогащало интеллектуально, но и способствовало выработке более полного взгляда на различные явления природы, взаимоотношений и др.

Николай Алиевич Багов родился в небольшом селении Нижний Куркужин КБР. В 1958 году окончил физико-математический факультет Карачаево-Черкесского педагогического института. Работал в начальных классах в с. Заюково, а затем директором Лашкутинской неполной средней школы. С 1949 до 1991 года работал в Кабардино-Балкарском институте повышения квалификации. Н. А. Багов был участником Великой Отечественной войны. Он награжден многочисленными орденами и медалями. Автор ряда учебников, учебных и методических пособий, которые так необходимы не только учащимся и учителям школ КБР, но и далеко за пределами республики. Его учебники, учебные и методические пособия являются самыми востребованными для обучения языку и литературе кабардинцев, которые живут не на своей исторической территории (Сирия, Иордания, США и др.).

В 1964 году Багову было присвоено звание «Заслуженный учитель КБАССР». Скромность, которая характеризовала его как профессионала, как личность, явилась основанием его индифферентного отношения к наградам. О том, что он является автором большого числа книг, можно было узнать от кого угодно, но только не от него самого. Природная сдержанность, скромность, отзывчивость позволяли ему быть всегда там, где нужна его помощь, его совет, его органичное участие.

У Николая Алиевича много учеников и последователей. Он воспитал многочисленную плеяду единомышленников. Открыл для республики

множество талантливых, высокого уровня профессионалов-педагогов, в числе которых известный не только в республике учитель Л. Т. Куготов, создавший собственную методику обучения языкам в начальной школе.

Николай Алиевич Багов, бесед с которым автор этих строк удостоился в конце 80-х – начале 90-х годов, был очень ярким, жадным к знаниям и жизни, любознательным человеком. Ему был присущ конструктивный стиль мышления, а соответственно общения, в сочетании с огромным обаянием ума.

Биография Н. А. Багова, которая, к сожалению, не запечатлена ни одним автором (как это обычно и бывает), предстает передо мной, основанная на личных беседах, в которых затрагивались и эти вопросы, одновременно типичной и исключительной. Типична в плане – учился, работал, – а исключительна по направлениям векторов интересов.

Интересы Николая Алиевича настолько разносторонни, что, беседуя с ним, я, как профессионал в области психологии, чувствовала, что идет обмен мнениями с коллегой, но на более высоком уровне.

На мой вопрос о том, как он определяет методологическую базу в своих исследованиях, Николай Алиевич, внимательно посмотрев, сказал, что исследовательские методы, методики имеют непременно свои исторические истоки, которые следует искать, в первую очередь, в духовной истории того народа, на восприятие которого направлена научная работа. И продолжал рассуждать о том, что личность определена временем и, пребывая в историческом времени и пространстве, она обладает соответствующей ментальностью, разделяя не только конкретные представления, но и доминирующие в ее среде способы думать, чувствовать, воспринимать и оценивать не только конкретных людей, но и мир в целом. Ведь мы же сегодня говорим о ментальности средневекового рыцарства и т.д., то есть культурные инновации не возникают ниоткуда. Они являются неким ответом на духовный вызов эпохи, времени. Рефлексируя сказанное, приходишь к выводу, что, разделяя ментальность своей эпохи, Багов был убежден в необходимости максимально полно использовать достижения всех гуманитарных наук, а в особенности психологии, для осуществления не только методологических, но и социальных преобразований. Не случайно столько времени и сил Николай Алиевич отдал педагогике, которая вне связи с психологией мало что может.

Удалось Багову и спрогнозировать также сегодняшние реалии, связанные с современными информационно-коммуникационными технологиями. Технологии, которые все активнее будут вторгаться в жизнь людей, меняют не только формат культуры общения, но и его контент. О сегодняшнем, SMS-очном стиле общения (да; нет; привет; пока; буду через минуту), охватившем почти все возрастные категории населения, но в особенности молодежную и детскую аудитории, вне зависимости от гендерной и этнической принадлежности, говорилось Николаем Алиевичем еще тогда. Мы же являемся не только свидетелями, но и активными пользователями компьютеров, интернет-связи, мобильных телефонов, которые, буквально вторгнувшись в жизнь всех и каждого, во многом изменили ее. С этими изменениями посчитались, сочли их неотвратимой

реальностью, определившей другой вектор жизни: другой ритм, смысл, другое видение, другое мышление, другое понимание, другие ценности, ощущения, приоритеты.

Еще один момент, обусловленный взаимодействием с Баговым. Как-то в один из солнечных весенних дней я иду, припевая модную тогда песню Барыкина: «...нарву цветов и подарю букет той девушке, которую люблю...» На что Николай Алиевич отреагировал вопросом: «А что за слова в этой песне?»

– Нарву цветов...

– Подожди, подожди, как можно рвать эту красивую растительность? Это же жестоко? Они же хотят жить?

– Да это в песне так поется, – отпаривала я.

– А песня на чьи слова? Ведь с помощью таких слов мы и формируем у подрастающего поколения варварское отношение к живой природе, книжки читать они не будут, а вот строчку из песни и запомнят сразу, и в сопровождении хорошей музыки она их зацепит, и будут реализовывать в жизни с удовольствием.

Разворачивание подобной философии никак не ожидалось, но уроком эта беседа послужила не только для меня. В последующем этот урок был своеобразно транслирован.

Содержания многочисленных бесед с Николаем Алиевичем можно было бы еще долго продолжать, но с некоторыми мыслями, взглядами, идеями сродняешься в такой мере, что они начинают казаться своими. И если бы в те годы можно было хотя бы гипотетически предполагать, что такой большой в прямом и переносном смысле человек может так нелепо уйти из жизни (попал под машину), пройдя все ужасы войны и оставшись живым, то можно было бы записывать каждое произносимое им слово, и оно было бы смыслонесущим. Ведь им была выстроена одновременно и самая уникальная, в то же время самая общечеловеческая концепция жизни.

Ключевые концепты лирики Х. Кажарова

У каждого поэта свой образ мира, запечатлённый в слове. Зрительное ощущение всякого человека избирательно и отлично от восприятия других. Художнику же предстоит не просто увидеть мир, но и представить его вновь, уже преобразённым, пропущенным через призму творческого воображения. Поэтическая картина мира, таким образом, является собственностью самого автора, и происходящее в ней существует по его законам.



Для Хамида Кажарова основной определяющей категорией творчества является национальное, он раскрывает свою поэтическую картину мира при помощи ментальных образов. Ключевыми концептами в поэзии Х. Кажарова являются прежде всего «дом», «семья», «поэт», «природа», «горы», «честь».

Концепт *родина* является универсальным для всех народов, это концепт бинарный в оппозиции Родина-Чужбина, многоуровневый, включающий такие микроконцепты, как «дом», «семья», «природа». Следует отметить, что эти концепты («дом», «семья») очень часто переплетаются в лирике Х. Кажарова. Поэт призывает никогда не забывать свой отчий дом, и семью:

*«Пускай ты воздвиг дворец;
Нельзя ломать дом,
Не смей ломать дом –
Что построил отец».*

Очевидно, что дом – это не просто стены, ломая дом отца, человек, разрушает духовную связь с семьёй, забывает всё то, что было в этом доме, а никакой дворец не сравнится с родными сердцу стенами:

*«Ведь тепло и уют
С этим домом уйдут
Напрочь.
И от непогоды
Спаستись будет негде
На ночь».*

Автор показывает, насколько «тёмным» и ненастным будет существование того, кто разрушил отцовский дом, у него будет, где укрыться ночью, но не будет покоя, такого, как раньше, в отчем доме. Дом – ничто без семьи, семья является опорой человека.

*«Корни неказистые
В тёмной глубине
Держат тебя, красивую,
На своих плечах».*

Х. Кажаров в этом стихотворении сравнивает человека и его семью с деревом, только семья может дать силу, повреждённая крона легко оправится благодаря корням, но корни никогда – благодаря кроне. «Корни неказистые» – нельзя стыдиться своих родителей, родственников, «крона» стала красивой благодаря корням.

Неотъемлемой частью поэтического пространства Х. Кажарова является природа родного края. В каждой детали закодирована ценностная сущность, ценностное видение мира и отражено мироощущение, миропонимание поэта. Наиболее ярким символом родного края для поэта являются *горы*.

Горы символизируют духовное воскрешение, возвеличивание души над бренным миром. Многие народы считают горы лестницей в небо, местом жительства богов (индийская Кайласа, обитель Шивы; греческий Олимп).

Гора считается входом в верхний и нижний миры, верхняя часть отводится светлым духам, нижняя тёмным, это также место обитания мёртвых. Горы выступают в качестве структуры, соединяющей небо, землю и подземный мир.

Горы – символ превосходства, чистоты, постоянства, подъёма, устремлённости, вызова трудностям, символ порядка и гармонии.

В поэзии Хамида Кажарова горы рассматриваются как центр вселенной, они мерило всего, они именно то, к чему нужно стремиться, быть таким же выносливым, сильным и непоколебимым, но совесть должна оставаться чистой, как снег, лежащий на вершине. Горы – это оборона, спасение, и не только от врагов фактических, но и от глобального влияния на культуру, они сохраняют самобытность народа, его неповторимость.

По образу горы близки к человеку, стоят вертикально, несокрушимы, они одновременно и индивидуальны, и в совокупности с другими вершинами образуют хребет, стоят плечом к плечу, как народ. Самое главное для поэта быть достойным сыном своего края, его помыслы должны быть высоки и чисты.

*«С этой истиной в мир мы приходим,
Это чувство в крови у нас есть:
Выше гор может быть только небо,
Выше гор может быть только честь».*

Чувство чести есть у каждого с рождения, главное – не забыть об этом потом. Каждый из нас знает, что такое честь, но явление это неосязаемое, честь нельзя увидеть, потрогать, сравнить. Один кичится своей честью, но совесть его не чиста, однако этого никто не видит, другой молчалив,

ему не нужно говорить о своей чести и совести, об этом говорят его дела, поэтому он спокоен. Сравнивая состояния человеческой души с природными явлениями, автор в полной мере раскрывает все тревоги человека. Небо может быть и беззаботно-голубым, и свинцовым, в горах также может быть беспокойно, лишь человек должен оставаться человеком, душа и честь могут быть только у него. Горам же в данном контексте автор даёт роль ориентира, который должен указывать путь, единственно правильный.

Пейзаж, увиденный в детстве, остаётся навсегда, накладывает отпечаток на видение окружающего мира. Невольно человек будет сравнивать видимое в дальнейшем с привычным и родным. Это касается не только зримых образов, но отражено также и на энергетическом уровне, не хватает и защиты, и некой подпитки, человек становится более уязвим. Не редки случаи, когда человек, выросший в горах и привыкший видеть горные пики каждый день, оказавшись в другой местности, ощущает тревогу, и старается поскорее вернуться на родину. Поэт показывает свою принадлежность и неотрывность от родины стихотворением «Края родного приметы»:

*«Вырос я здесь, у подножия.
Отчаянной крутизны,
Чтобы высота питала
И явь мою и сны».*

Даже пребывая в состоянии сна, поэт продолжает стремиться к вершине, его связь с высотой неразрывна. Почему же именно приметы? Везде автор ищет именно эти приметы родного края, примечая и сходное, и различное, завершая стихотворение, он делает вывод:

*«Бывал я часто в разлуке
С родиной, но ни раз
Не было и не будет –
Чтобы я забывал о вас!»*

Автор сливается с природой родного края, ощущает свой долг перед ней, он живёт в гармонии с миром людей и природы, это и есть его счастье. Концепт «горы» стал для поэта именно тем образом, через который он не только передаёт свои чувства, но и выражает своё мировидение, свои нравственно-этические идеалы. Пейзажная лирика у Кажарова незаметно переходит в лирику философскую. Иногда горы символизируют последовательные ступени духовного просвещения. Горы есть горы, но они побуждают человека совершенствоваться, двигаться наверх, вперёд. Лирический герой Хамида Кажарова идёт к своей цели, и всё вокруг него движется, неустанно стремится к совершенству.



РЕАЛЬНОСТЬ НЕВИДИМОГО

Разговор о самобытном, сильном, художественном даровании всегда непросто. В случае с художником Асланом Уянаевым он усложняется рядом факторов. Это, прежде всего, его индивидуальный, новый, сложный художественный язык, зачастую устремленный за пределы вербального языка.

«Говоря о живописи, всегда приходится оправдываться», – заметил Поль Валери, огорчаясь, что о цвете, красках словами не сказать, и опровергал себя, утверждал искусство – всякое слово живет словом. Не уверена, что это так. Зачастую оно живет над и вне слов, и живопись Уянаева принадлежит такому искусству.

Еще – специфика современного абстрактного искусства как бы исключает устойчивые и безусловные критерии анализа и оценки. Ударение на очень зашифрованную духовную информацию, субъективные догадки, вольные предположения. Под прикрытием, объяснением, что удел этого искусства – породить либо немое молчание, либо отчаянный крик, следуют тексты. При этом внятно обозначить грань, где эти крайности возникают от избытка эмоции и мыслей, где – от их отсутствия, сложно. Если установить рядом картины Уянаева с их переполненностью с теми, где затушена только пустота, ясность была бы, но это самый элементарный и нереальный способ. Есть другие – известные видимо только посвященным. Но то, что под лозунгом – только свободная воля творца – находят приют тысячи самозванцев и единицы призванных и сам масштаб этого явления – надо признать – одна из особенностей современной живописи. При этом в зависимости от пристрастий, вкуса, честности интерпретатора – терминология, эпитеты и т.д., обращенные к картинам, где только беструдная имитация даже немоты и картины, где удары кисти – кардиограмма сердца с неизвестным рисунком нарушения и восстановления его ритма, – неразличимы. В каждой картине Уянаева проступает этот рисунок, и его верное прочтение из-за первичности, непредусмотренностей не только сложно, но, наверное, и невозможно.

Впервые я увидела его картины в отчете доме Аслана, в Вольном Ауле. Удивление, радость и нетерпение от необходимости понять, о чем с такой любовью, болью и счастьем, так уверенно и растерянно говорят эти линии, лики, краски, отодвинули день. Сила и свет, бессилье и мрак, печаль и ликование в переплетении и противостоянии создавали загадочную, непроницаемую ясность, которую понять было невозможно и очень важно было понять. Властное притяжение, магнетизм, исходившие от картин, захватили, не отпускали.

Мать Аслана, Марьям, с тихой, светлой улыбкой, угадав мое со-

стояние, сказала: «Я тоже не понимала и сейчас мало понимаю в них. Успокаиваю себя тем, что он сам не все в них пережил и понял. Какое сердце такое переживет и выдержит. Откуда в одном человеку такие силы? Нет. Я просто знаю, что как-то он сделал так, что они живые. Эту он подарил на день рождения. Сказал – в ней твоя жизнь, все, что ты испытала, – счастье и горе. Ты увидишь и узнаешь себя. И действительно – каждый раз, когда смотрю на них, вижу другое. Они меняются. И он рядом. Когда плохо мне – сяду напротив его картины, долго смотрю, и легче мне».

После, в Петербурге, в мастерской Уянаева, увидев его многие работы, прочитав статьи искусствоведов о нем, я вспоминала слова Марьям. Все, что было сказано в умных пронизательных текстах профессионалов, она вместила в несколько фраз. Чтобы понять картины Аслана, надо быть его сообщником. Надо посмотреть на его линии сердцем и сердце должно быть зрячим.

Аслан приехал в Ленинград в 1985 году, после окончания инженерно-строительного факультета КБГУ. Город сразу подчинил, взволновал. Эрмитаж был не зовом, потребностью – деталью обязательной программы, а стал судьбой, местом встречи с собой и местом выбора. Он блуждал по его залам со сразу возникшим чувством тревоги, уходя из одного зала и возвращаясь, как будто что-то потерял и должен найти непременно.

И почему-то перед «Портретом старика в красном» Рембрандта, под его взглядом – ясная, внезапная мысль: буду рисовать. Дерзкое, уверенное – смогу. Смотрел Старик в красном снисходительно и с печалью, без желания его узнавать. Это было не так важно – он вскрыл желание, скрытое в нем самом. Он разбудил чувство, вытеснившее все остальные, и все его существо, наполненное этим желанием, ликовало...

Приблизительно так, но точно – именно перед Стариком, было принято решение. Твердое, определенное. Был выбор. Точка и место отсчета – зал Рембрандта в Эрмитаже.

Уянаев идет в Академию художеств. Выполняет задание по рисунку, и экзаменатор, удивившись уверенности, свободе, точности линий, спросил: «Где вы учились живописи?» – «Нигде и никогда». Его сразу зачислят вольнослушателем. Большого он не хотел.

О первых и самых трудных годах в Ленинграде Аслан не сказал ни слова. Но представить несложно. Один в огромном городе, без работы, жилья, денег. Моральные терзания: отец требует возвращения домой и категорически против решения и выбора сына. Известный в республике человек, Мажмудин Уянаев трудился и жил прежде всего для семьи, и его культ был безоговорочным. Создав своим детям все условия, создав достаток, позволяющий выполнять все желания и капризы детей, он при этом жестко соблюдал традиционное балкарское воспитание, в котором послушание отцу, матери, старшим было ненарушаемой нормой. А здесь бунт. И мучительной была не только воль-

ность сына и непонимание его решения. Был страх – большой город проглотит, растопчет сына, чужой, иной мир затянет, растворит сына, который был гордостью, который был утешением – успехи и только успехи в спорте, учебе. И вера, что неизведанные в доме трудности, нужда заставят сына вернуться, подтолкнула к жестокости – никакой поддержки, связи.

Спасался Аслан рисованием – бессонным, вдохновенным, неустанным. Результат – через пять лет в 1991 году, без всякой поддержки, состоялась первая персональная выставка в музее Достоевского.

Одна из глубоких аналитиков современного искусства Москвина, побывав на ней, написала рецензию с ключевым предположением: «Возможно, мы присутствуем при рождении уникального явления в искусстве». Последующие выставки – в Берлине, Кельне, Лондоне, Милане и т.д. – утвердили, усилили оценку «новое явление». Художник Хамид Савкуев, выражая собственное мнение и мнение других коллег, констатировал: «Аслан создал свой стиль, придумал собственную форму».

Один из подарков судьбы, заслуженное вознаграждение от нее – Уянаева принимают на работу в Культурный центр Пушкина, 10, где ему выделена просторная мастерская. Сам центр – явление в культурной жизни Петербурга с момента своего создания по сегодняшний день, явление исключительное. Находясь в географическом центре северной столицы, он стал духовным ее центром, символом интеллектуальной, творческой свободы, островком Серебряного века и островком из века будущего.

Его президент Юрий Андреевич Рыбаков говорил при нашей встрече: «Я знаю Аслана без малого 20 лет. Это сегодня один из самых популярных, оригинальных и талантливых абстракционистов в Санкт-Петербурге. То, что его не знают на родине в качестве выдающегося художника, весьма странно. Он начал сотрудничать с нашим центром еще в 1988 году. Мы отстояли этот дом перед городскими властями, чтобы сделать здесь своеобразную коммуны художников и музыкантов. Он – уникальное явление, и каждый художник, который здесь работает, действительно уникальное явление. Аслан, в свою очередь, удивляет, восхищает меня неизменно. Каждый раз он находит новые художественные возможности, создавая удивительно тонкие, удивительно гармоничные работы с очень индивидуальным стилем.

Его работы пользуются огромной популярностью у подлинных знатоков живописи и подлинных художников. Я убежден, что его творчество займет весьма достойное место в истории культуры не только Санкт-Петербурга, но и в истории всего современного искусства.

Удивительная гармония, причем противоречивая подчас, спорящая внутри себя друг с другом, в тех элементах, которые он ищет, с элементами коллажа, с элементами внедрения математического расчета, интуиции.

Абстракционизм – это такая штука, которая на самом деле чув-

ствуется интуитивно. Искусствоведы скажут много красивых и умных слов, но его надо видеть. Увидев работы Уянаева, понимаешь, как это мужественно, как это богато, как это ново».

В старой школе живописи было понятие «люминарист», означающее качество художника, который ставит свет вне обычных законов, придает ему необыкновенный смысл и многим жертвует ради него. Это свойство в работах Уянаева одно из ценных.

На фоне этого света, на фоне смывающего, размывающего, сносящего и воссоздающего света, осязаемое движение неподвижно (вода и огонь, их красота и утешение, движение и обновление во многих его работах). Его идеи действительно носят характер «вещей, спасенных при кораблекрушении, носят меты катастрофы и знаки для спасения. От них, думается, его любовь к древним цивилизациям, и это чувство угадывается в его картинах. Вызвано оно, конечно, не тем, что в абстрактной живописи возврат к древним и общим основам человеческого бытия выступает уже как технический прием. Оно как бы одно из средств придания какой-то универсальности и проясненности крайне условному косноязычному художественному языку и обращение к этим основам просто как бы один из элементов этого языка».

У Аслана, по его признанию, искусство древних интересно ему тем, что его создатели открывали дверь в бесконечность, вселенную, и оно помогает понять настоящее, разглядеть будущее.

Печати не забытого, повторяемого, отклоняющего теорию об эволюции мира, знаки первотворения, предвосхищающего конец, и конец обольщающий возможным началом – одна из личных и важных тем художника, которая присутствует во многих его работах. И она пересекается с тайной бытия, заложенного в искусстве древних.

Думается, что творчество Уянаева очень условно, его можно соотнести только с одним направлением и конкретно с «художественной абстракцией». Да, он широко использует обобщение, ориентированное на особенное, акцентирует на сущностные моменты бытия, избегает предметности. Но ни в одной его картине нет «ксерокса культуры», чисто технологических приемов, заполняющих пустоту. Нет трансформаций базовых ценностей, размывания граней между безобразным и прекрасным, демонстративного минимализма средств, обнажающих минимальность дара, и т.д., что дискредитирует, доводит зачастую до шаржа, пародии эту сферу культуры, вдохновенно воспеваает поражение человека и искусство. У Уянаева – противоположность и противостояние этим свойствам. Он также, пожалуй, один из немногих, будучи причисленным к элите современного абстрактного искусства, рассматривает свое творчество как «письмо к человеку». Известно, что само это искусство, наоборот, декларирует невозможность какого-либо диалога и, надо заметить, успешно достигает этой цели. У Уянаева же отважный и неиссякаемый интерес к человеку, его загадке и обращенность к иному собеседнику, доверия к нему.

В «Разговор с Гойей» Иво Андрич безответно вопрошает: «Каково

это призвание? Что это за неодолимое стремление вырывать из мрака небытия, чем является эта связанность всего со всем, чтобы из этой пустоты вырывать частицу за частицей жизнь и мечты человеческие, воссоздавать и утверждать их... Художник – отступник в высшем смысле слова, осужденный на то, чтобы нечеловеческим напряжением сил обогащать какой-то высший, невидимый порядок, нарушая низший». Эти слова могли бы быть комментарием ко многим работам Аслана. В частности к его «Композиции. 2512». Эта картина может служить иллюстрацией к великим книгам всех мировых религий, иллюстрацией к антологии мировой поэзии и всемирной истории. Или к очень личной, самостоятельно вылепленной молитве в дневнике. В ней пульсирует стихия неба, океана, гор. И на краю, у островка Земли – стихия жизни. Вывернутое с корнем дерево прячет человеческий зародыш и его обнимает огромная птица, которая знает, как спастись, что спасти. Свобода, спокойствие, любовь в этих красках, в их превращениях, перетеканиях, создают властную энергетику духа, красоту мастерства, выстраданное и честное признание о редком, отважном, трудном опыте души.

Хамид Савкуев при встрече с ним говорил: «Уянаев на сегодня один из ярчайших представителей абстрактного искусства. Его композиции интересны тем, что он затрагивает вечные вопросы, которые всегда существовали в культуре, в ретроспекции. Он очень мужественный и сильный художник. Тот стиль и то направление, в котором он работает, наделены признаками большого стиля. Общеизвестно, какая редкость сегодня личность, пассионарий, какими были Аккизов, Кипов. Мне кажется Аслан Уянаев такая же крупная личность. Убежден, со временем он может стать ориентиром нравственным и профессиональным».

Бергсон подчеркивал, что иррациональная интуиция, как дар, дается немногим. Уянаев щедро ею наделен и так же щедро использует все возможности своего уникального дара.

Если он подошел к холсту, взял кисть – без определенного замысла, образа, мысли, подошел к мольберту и провел первую линию – возникают образы, сюжет, идея. Полное доверие к руке, подчинение ей и тому, что ее ведет... Раздельные, дробные, безостановочные, повторяемые, ускользающие штрихи, линии на глазах вырастают в картины.

Отталкиваясь от всплеск воспоминаний, напоминаний, он следует за глубинной своей интуицией, выступающей в изначальном смысле – «пристально смотрю». Управляемый только внутренним зрением, внутренней необходимостью, он сосредоточенно, вдохновенно, одержимо трудится. Импульсивно, произвольно возникший образ захватывает, увлекает и диктует цвета, ритмику, знаки.

Интеллект, отстраненный взгляд у художника подключаются позже, когда на холсте выступили очертания, направление замысла, который неосознанно, молчаливо вынашивался им. Каждый раз его проявление неожиданно, и художник вглядывается в него, как в неизвестное и преображенное отражение себя в новом странном зеркале.

Соглашаясь и теряясь перед новым образом, он уже сознательно управляет им, дополняет, меняет, укрупняет и ступшевывает – здесь работают его абсолютное чувство меры, художественного такта, мастерство.

И вспоминаются слова средневекового китайского мастера Ван Вэйя: «...играет рука в забытьи, и годы, луны вдаль идут и в вечность – и кисть пойдет искать неуловимые тайны, и сердце следует за вращением кисти», которые могли бы быть эпиграфом ко всему его творчеству. И не удивительно, что с этими поэтическими, торжественными образами прямо пересекаются слова Аслана, прозаические, краткие, немного приоткрывающие его мастерскую:

– Во время работы хороший художник – это в каком-то смысле мертвый художник. Ни эмоций, ни мыслей. Он в это время – только инструмент, ни о чем не думает. После смотрю – попал или не попал. Как выстрел. Если не попал – вижу. Иногда, так нечасто – радость. После взгляд со стороны, после – попытка понять: откуда, куда. Задача одна – чтобы в моих картинах не было пустоты. Пустоты для меня. Стыдно и бессмысленно имитировать, фокусничать. Есть в душе что-то или нет – это элементарная честность. То, что по цвету не так, по пластике, – чувствую. Очень редко бывают удовлетворения. Но совершенных и завершенных картин очень мало вообще. Иногда интересны незавершенность, утаенность и то, что за ними стоит. Огорчает ли меня, что мои картины могут быть понятны не многими? Это, конечно не радует, но и не огорчает. Когда вижу картину, которая принадлежит руке человека талантливого и близкого мне по духу – счастье, значит – я не одинок». Если в живописи – абстракция, в речи Аслана только конкретика, констатация. И его правда. Ничего больше. Живопись, действительно, самое несуетливое из искусств по природе своей. При этом несуетливые художники – радостная редкость. Аслан принадлежит к ним.

Петербургский художник Евгений Вячеславович Тыковский, говоря об Уянаеве, не скрывал радости:

– Он сохранил детство. Аслан – один из немногих, кто ни в своей жизни, ни в своей живописи не считает нужным идти на компромиссы. Когда я смотрю на его картины, возникает ощущение, что они безинвариативны, ощущения как от работ прошлых выдающихся художников. Магнетизм и неповторимость их невероятны и прекрасны.

Сегодня десятки тысяч стали художниками. Но, как раньше, и сегодня тех, кто действительно художник, на пальцах можно пересчитать. Аслана я назвал бы одним из первых. Он один из лучших колористов в современном искусстве.

Уянаев картинам названия не дает. Считает, что это сужает, направляет взгляд зрителя, и прав. Но есть и другое – им практически невозможно подобрать определенное название. В каждой – такая многослойная, контекстуальная глубина и такое пространство для интерпретаций восприимчивому созерцателю, что каждый улавливает и угадывает свое.

Художник обозначает все свои работы композициями, и это, пожалуй, наиболее верно подобранное к ним имя. И здесь менее всего выступает тень опыта Кандинского. На мой взгляд, несколько ошибочно искусствоведы предполагают, что в работах Уянаева ощутимо влияние В. Кандинского и К. Малевича. Если оно и прочитывается – только, возможно, в период раннего и предположительного ученичества. В «Композициях» Уянаева сохраняется первоначальный смысл понятия – композиция, то есть примирение. Не только всех нюансов и элементов, участвующих в создании картин, их взаимосвязи, а примирение разных стихий, очень тесно соседствующих в его работах. Если и не примирение, то усилия смягчить неизбежность их взаимопродолжения. Рядом – неотвратимость смерти, отчаяние от непостижимости тайн Земли и космоса, от повторяемости и бессилия человеческого опыта, и вечное новорождение жизни. Так же преобладание в его картинах формы квадрата абсолютно свободно от внешнего влияния и даже выбора. Госпожа случайность – у отца, крупного фермера, скопилось много мешков, от кукурузы, пшеницы. А распоротый мешок – идеальный квадрат, мешковина – идеальный холст. И квадрат Уянаева не только эмблема внутренней гармонии чисел, церемониальной магии и т.д. Тем более не тень «Черного квадрата». Просто совпали случай и сущность. И эта форма у Аслана – символ равновесия, уверенности, вкуса к определенности и такого же неутоляемого интереса к непостижимому, неопределяемому. Например «Композиция. 0234». В ней непредвиденное, не учтенное столкновение ряда сюжетов, событий и преобладающего предельного состояния, всегда по сути противоречивого неожиданное подводят к примирению. В ней можно увидеть щенка выплывшего из моря, на дне которого утонувший город. На огромном небе новорожденная луна или остывающее солнце. Эта переключка миров, богатство цвета, внезапность образов, смысловая и эмоциональная неисчерпаемость несут в себе элемент гипноза.

«Отражение элемента стиля во внутреннем значении, состоящем из языка эпохи и эпохи своей национальности, – одно из обязательств художника», – утверждал Кандинский в своем странном трактате «О духовном в искусстве». Избытками обобщений, акцентами на универсальные категории вообще искусства и схематичными признаками конкретно абстрактного, родоначальником которого он считается, в своем теоретическом труде он указывает на признаки, просто неизбежные у каждого подлинного художника. Вне всяких обязательств.

Как отражается национальное в картинах Уянаева? Вопрос сложный. Открыто, знаками, орнаментом ни в одной работе он не указывает на национальную принадлежность, что естественно для его стилистики, сути. «В каждый приезд, каждый год он едет в Верхнюю Балкарию. Я знаю – часть его души там. Возвращается успокоенным, как будто что-то очень важное для себя он там нашел. Любит он это место и все, что связано с народом. Особенно селение Шаурдат, после депортации не восстановленное. Его развалины он фотографирует бесконечно.

Признался: мечта у него – там, где была старая школа, там, что от нее осталось, построить себе мастерскую. И я так успокоилась: если он чего-то сильно захочет, то добьется. Так всегда было».

Духовный национальный ландшафт в творчестве Уянаева и шире – в абстрактном искусстве, одним из особенностей которого является абстрагирование от временного и внешнего, – тема сложная. Прямые указательные знаки, орнаментальная однозначность или плакатное провозглашение у него вообще исключаются. Как все сокровенное, эта составляющая его мира затаенно присутствует в нюансах.

Оттиски памяти в его живописи отражают, конечно, Верхнюю Балкарию и то, что он вкладывает в понятие дом, и тропинку к дому. Философ Ильин писал про горы: «Это восстание земли, которой Бог не позволил распасться в ничтожество, а сохранил в форме вознесенной к небу молитвы, а человеку повелел созерцать эту таинственную запись прошлого и постичь ее сокровенный смысл. И называем мы великий подъем глубин, бунтующую против приглаженности, беспомощности равнины мольбу – горами». В работах Уянаева прочитывается постижение гор, их присутствие, значительно углубляющее это наблюдение мыслителя. Они у него – стихия, они – свидетели сотворения мира и свидетели его исчезновения. Замечено, что все художественные стили прошлого, настоящего и будущего живут в природе. Подчеркну – они вычеканены в горах наиболее рельефно, и преобладает в них искусство абстракции. И, возможно, определенный и уверенный выбор Асланом этого языка, где-то может быть объяснен и тем, что он горец, балкарец по своей сути, происхождению. Инаковость его образа мира, характера, генетической памяти, опыта органично, сознательно и бессознательно заложены в его картинах.

Эти наброски хочу закончить словами петербургского художника Сергея Ковальского: «В Аслане Уянаеве сразу чувствовалась какая-то притягивающая сила, сила, которая бывает у настоящих художников. И меня радует, удивляет его упорство. Он прекрасно понимает свою натуру и следует именно прирожденному зову. У него очень хорошая связь с природой, с той природой, которая является сутью нашей планеты Земля. Может быть, это можно назвать «ноосфера». Я думаю, что уникальный вклад Аслана в формирование нашей ноосферы будет углубляться. Его еще ждут новые открытия. Глядя на его последние холсты, я понимаю, что он подошел к новому, сложному рубежу, – она будет, возможно, иной, но такой же значимой, непредсказуемой и прекрасной. Время покажет. Без времени мы обойтись не можем. Я думаю, Аслан Уянаев из тех, кто вечен, потому что его волнуют, он пытается решить и отразить вопросы вечные».



СЛАВНЫЙ КОННИК



Случается, что человек всей душой прикипает к чему-то еще с детства. Увлеченность остается на всю жизнь, становится главной. С Мухарби произошло именно так.

В роду Кунижевых из поколения в поколение очень любят и ценят лошадей. Особенно это проявилось в 50-е годы прошлого века. Тогда Хамидби Кунижева все знали как выдающегося жокея. Как гордился его младший брат, если ему доверяют проводить, почистить красавца-скакуна. А как безмерно радовался подросток, если разрешат проскакать на коне круг по ипподрому! Ветер в лицо, горячий круп коня, клочок пены, сорвавшийся с губ скакуна, будят в юноше гены настоящего адыга, заполняют все его существо! Недаром еще с древности название одного из племен адыгов – шапсуги – означает в переводе – коневоды.

Мухарби взрослеет, становится настоящим жокеем. Когда старшего брата призывают в армию, заменяет его в конном спорте. Он участвует в скачках, в соревнованиях по классическим видам конного спорта.

Первая серьезная удача – 1 мая 1959 года: в Пятигорске на коне Бутон Мухарби берет приз «Вступительный». А ведь в борьбе за приз участвуют лучшие лошади и жокеи. Осенью того же года в Нальчике он становится Чемпионом СССР.

В конце 1959 года Мухарби призывают в армию. О способном юноше как-то узнает С. М. Буденный, маршал Советского Союза. По его приказу Кунижева зачисляют в конно-спортивный клуб ЦСКА (Центральный спортивный клуб армии). Там он пробыл три с половиной года. Наставниками в клубе были известные в стране специалисты В. П. Прахов, Н. Ф. Шеленков. Мухарби выполняет норматив мастера спорта СССР. В 1961 году выигрывает соревнование по стипль-чезу (скачки с преодолением препятствий) и вторично становится чемпионом СССР. Его включают в состав сборной.

В следующем году он участвует в знаменитом Большом Пардубицком стипль-чезе в Чехословакии – трасса, самая трудная в Европе. Молодому спортсмену неизменно сопутствует удача: одно за другим он выигрывает первенства РСФСР и СССР, становится чемпионом Спартакиады народов СССР.

Закончив службу в армии, возвращается в родную республику. Ему хочется поделиться опытом. С ноября 1962 года он начинает работать старшим тренером конно-спортивного клуба при спорткомитете Кабардино-Балкарии. Работает здесь двадцать семь лет. Последние тринадцать лет из них – директором.

Несмотря на опыт тренеров, до этого времени в клубе не был под-

готовлен ни один мастер спорта СССР, не было чемпионов и призеров чемпионатов СССР, а сборная республики не занимала призовых мест на чемпионатах и первенствах страны.

При Кунижеве клуб становится Республиканской конно-спортивной школой молодежи (1964 год). Еще через четыре года – это уже школа Олимпийского резерва по конному спорту и современному пятиборью.

Школа культивирует выездку (высшее мастерство верховой езды), конкур-иппик (преодоление препятствий), манежную езду и кросс (полевые испытания). Последняя область работы особенно важна: в ней определяется отбор племенных производителей и маток для воспроизводства.

Напряженная и очень трудоемкая работа не мешает ему поступить и успешно закончить Кабардино-Балкарский агрометеорологический институт по специальности «зооинженер».

В 1990 году распоряжением правительства республики Кунижева назначают директором Республиканского ипподрома имени Ленинского комсомола и государственной заводской конюшни «Нальчикская». В ГЗК всегда содержится более 350 лошадей, ведется серьезная, эффективная работа по воспроизводству и улучшению кабардинской породы. На ипподроме осуществляются испытания английских, арабских, ахалтекинских чистокровных коней.

За годы работы Кунижева Нальчикский ипподром становится одним из лучших в стране по подготовке лошадей, специализации жокеев и тренеров.

Мухарби Кунижев и Хажисмель Шинахов, оба заслуженные тренеры Российской Федерации, вместе со всем тренерским составом конноспортивной школы и Республиканского ипподрома приобщают к конному спорту сотни юношей и девушек. Они подготовили 53 мастера спорта



СССР, воспитали заслуженного мастера спорта, мастера спорта Международного класса, чемпиона СССР и России Арсена Карацуква, мастера спорта СССР и чемпиона Европы Владимира Бондаренко, Олимпийского чемпиона Сергея Рогожина.

Конников – воспитанников Кунижева, славящих нашу республику на Всесоюзных и международных соревнованиях, на чемпионатах Европы и Мира, на Олимпийских играх, называть можно еще долго. За подготовку спортсменов высокого класса, за личные достижения Мухарби Кунижев награжден орденом «Знак Почета», медалью «За трудовую доблесть», десятками грамот, удостоен высоких званий. Чего только стоит то, что он трехкратный чемпион СССР, 15-ти кратный чемпион РСФСР, судья международной категории по конному спорту, заслуженный тренер страны.

Если отметить на карте мира, где побывал Кунижев как участник чемпионатов или в составе делегации от нашей страны по конному спорту, то это чемпионаты Европы и Мира во Франции, Швейцарии, ФРГ, Голландии, Дании, ГДР, Чехословакии, Польше и еще более 10 стран.

В год 140-летия окончания Кавказской войны был совершен конный переход по маршруту Нальчик-Анкара-Дамаск-Амман. Одним из участников и руководителем перехода был Мухарби Кунижев. И как приятно было ему получить из рук члена Международного Олимпийского комитета Иорданской принцессы Хайи бин аль Хусейн медаль и грамоту. Здесь же ему вручили эксклюзивный настольный памятный знак – гранитную пирамиду венчает золотая звезда. На гранитной пирамиде – золотая надпись: «Человеку-легенде М. Ж. Кунижеву».

Во время перехода выяснилось интереснейшее: лошади кабардинской породы потребляют на треть, на половину меньшее количество корма, а к финишу пришли в лучшем физиологическом состоянии.

Кунижеву и делу, которое он возглавляет, везло: Тимбора Кубатиевич Мальбахов, Асланби Нахович Ахохов, Мусаби Ахметов, Валерий Мухамедович Коков, Арсен Баширович Каноков всегда и во всем поддерживали конный спорт и коннозаводство в Кабардино-Балкарии.

Кунижев Мухарби – яркая личность, действительно легенда мирового конного спорта. Сейчас он на пенсии, но продолжает творчески трудиться, воспитывать, и никогда не устает восхищаться красотой форм, совершенством движений скакового коня.



Детские стихи А. Алафаева – отражение внутреннего своеобразия его лирической системы

О вышедшем недавно сборнике стихов русскоязычного балкарского поэта Алима Алафаева «Айран. Лирический дневник» писалось в газетах не раз. Критика положительно отнеслась к изданию, и в связи с этим публиковалось много восторженных отзывов о нём. Но мне хотелось бы подробнее остановиться на одном разделе сборника – «Стихи для детей». На первый взгляд может показаться, что для детей писать гораздо проще, чем для взрослых. Но на самом деле это не так. Для детей трудно было писать всегда. Они не польстятся на сложные многоуровневые сюжеты, на актуальность заданной темы. У них больше требований, дети не будут читать то, что модно, если им это не нравится. Лирические стихотворения входят в круг чтения ребенка, начиная с самого раннего детства. Чтобы писать для детей, надо самому оставаться ребёнком, хранить в себе то, что, взрослея, теряют: искренность, наивность, непосредственность, ожидание и перманентную готовность к чуду.



Стихотворений в сборнике Алима Алафаева относительно немного – всего их одиннадцать. Но все они проникнуты бесконечной любовью и трепетным отношением автора к детям. Известно, что А. Алафаев был первым ребёнком из числа девяти в семье, и неоспоримо, что этот факт наложил свой отпечаток на его творчество. Поэт прекрасно понимает, что детей «не обманешь, они чувствуют правду и ложь» [1:141]. Детская литература – литература особенная, нежная. Не приемлет фальши, грубости, пошлости. Писать стихи для детей – великая ответственность.

В своё время классик Корней Чуковский написал целую книжку, в которой давал советы начинающим детским авторам. В своём труде он постарался изложить не столько технические и стилистические моменты стихосложения для юных читателей, сколько показал, насколько важно проживать рассказываемую историю искренне, всем сердцем. Ребёнка обмануть трудно. Его восприятие жизни во многом основано на интуиции.

Дети сами очень искренни, и потому на эмоциональном уровне требуют той же искренности и от других. Алафаев будто погрузился в мир детства, вспомнил, как он сам был ребёнком, чем жил и о чём мечтал тогда.

*У меня родился братик,
Очень радуюсь ему.*

*Только почему он плачет,
Ох, никак я не пойму!*

Чуковский всегда настаивал на том, что детские стихи должны легко перекладываться на визуальные образы. Абстрактные стихи, так модные среди взрослых, не подходят малышам, потому что в детском возрасте мыслят образами, а не сложными конструкциями. Стихи Алима Алафаева напоминают красочные яркие картинки с множеством забавных персонажей. Любое его стихотворение перекладывается на образы, и тем самым ребенку легче войти в мир поэзии, представить себе реальность действия, изложенную в стихах, заинтересоваться ими.

Детские стихи – это не мораль, не прописи. Они раскрывают красоту жизни, помогают ребенку сделать первые духовные открытия. Их невозможно сделать, если в стихотворении нет горестных переживаний и выхода из них. Самые первые, самые маленькие стихи для детей устроены так.

*Подарили в день рождения
Мне зубастую игрушку
И сказали: это – Гена,
Любит сладкие ватрушки!
Но он плачет на диване,
Крокодил мой желтоглазый.
Мы ватрушки подавали –
Не притронулся ни разу.
Я спросил: «Мой Гена милый,
Ты о ком грустишь, бедняжка?» –
Он сказал, что в «Детском мире»
Разлучили с Чебурашкой!
Папа съездил в воскресенье
За ушастую игрушкой –
Улыбается мой Гена
С Чебурашкой на подушке!*

Не о Гене стихотворение, а о том, что разрушен мир – игрушка, которую ребёнок воспринимал, как живое существо, подвергнута поруганию, но в то же время ребёнок вместе с лирическим героем стихотворения проникается верностью и любовью.

Детские стихи Алафаева включают в себя стихотворения на самые разные темы: это и весёлые стишки, и песенки-заклички, стихи о животных и о дружбе, стихи о войне и о школе. В тематическом охвате стихотворений для детей у Алафаева есть одно проникновенное произведение о войне.

Стихи о войне для детей – это тот незаменимый материал, который испокон века используется для того, чтобы рассказать подрастающему поколению о таком явлении, как война, ярко, красочно и ёмко

одновременно. Знакомить детей с понятием войны, повествуя при этом о её кровавом смысле и ужасающей политической подоплёке, о её жертвах и героях, причинах и последствиях – очень тяжело и сложно. Маленьким детям нередко бывает тяжело понять, что заставляет людей убивать друг друга, ведь их постоянно учат гуманности и добру, сочувствию и сопереживанию не только своим близким людям, но и вообще всем, кто живет на этой земле. И вдруг – война... Защита своего Отечества от оккупантов, борьба против противника не на жизнь, а на смерть, уничтожение сотен тысяч солдат – эти зловещие картины предстают перед ребёнком, который знакомится с войной по учебникам и фильмам. Иначе подходят к процессу изображения ужасов военного времени поэты и писатели, они акцентируют внимание лишь на некоторых эпизодах этого масштабного явления, создавая рассказы и стихи о войне для детей.

Алим Алафаев идёт по несколько отличному пути. Он не изображает в своём стихотворении ужасов войны, ярких картин о бедах и муках, приносимых ею. Он демонстрирует моментную ориентацию ребёнка на мир, гуманность.

*Забыв про клюшки с мячиком,
Взрывая тишину,
Играли летом мальчики
На улице в войну.
Сидели на скамеечке,
Болтая меж собой
Их сестренки – маленькие девочки,
Наблюдали бой.
Одна из них заплакала
И, бантик развязав,
Вдруг побежала к братику,
Как медсестра, стремглав.
Он, понарошку раненый.
Упав на грудь, стонал.
Заметив слёзы Танины,
Брат виновато встал.
И закричала Танечка,
К солдатикам шагнув:
«Вы не играйте, мальчики,
В проклятую войну!»*

Авторская позиция звучит, как заклинание, – «Не играйте, мальчики, в проклятую войну!». В этом небольшом и, казалось бы, незначительном случае Алафаев позволяет увидеть огромное зарево войны. Это прекрасный образец поэтического творчества, который не только демонстрирует войну, но и заставляет читателей искренне ценить мир, который у них есть.

В стихотворениях Алафаева о школе обыгрываются разные темы:

это и особенно сложная и многогранная тема первого класса, первого похода в школу или о мечте, о походе в первый класс.

Сами же ученики особенно любят такие стихи о школе для детей, в которых речь идет о школьных происшествиях и событиях. Дети стараются находить в таких произведениях аналогии со своей школьной бытностью и очень радуются, когда им это удается.

Стихи для детей – особенная область поэзии. Известно, что наиболее естественной для ребенка является такая конструкция, при которой слово, обозначающее лицо, стоит на первом месте, выражено существительным в именительном падеже, за ним идет глагол в личной форме, а действие разворачивается по схеме: кто что сделал – с чем сделал. Мы часто можем наблюдать подобные конструкции и у Алафаева.

*У бабуленьки в посёлке
Дождик зеркало разбил,
И чудесные осколки
Он на улице забыл.*

Или:

*Ёжик как-то раз в лесу,
Обманув, прогнал лису:
Ты меня не трогай лапой,
Я гуляю вместе с напой!*

При глубоком изучении детских стихов Алафаева, мы можем сделать однозначный вывод, что поэт предельно хорошо знает психологию детей. Им нравятся тянуть понравившийся звук, а последние слова они могут «проглатывать»:

*Приди, весна, скорей
И нас, детей, согрей!
Пусть в гомоне грачей
Бежит, журчит ручей!
Пусть солнце из-за туч
Покажет яркий луч,
Пусть будет каждый лист
Дождём умыт и чист!
У нашего двора
Играет детвора,
И, бегая, кричат
Сто солнечных зайчат.
Чудесная весна
Всем радость принесла.
Я песенку свою
Всегда весной пою!*

Все эти рифмы являются мужскими, то есть ударение в них падает на последний слог.

Стихотворение – это игра, А. Алафаев использует самые разные приёмы: повторы, форму диалога, вариативность линий сюжета. Такие «игровые» стихи создают ощущение праздника. Способность углядеть необычное в обыденном разукрашивает детскую жизнь в самые яркие краски – именно этому способствуют стихи балкарского поэта.

Если два-три столетия назад мало кто из поэтов писал стихи для младшей аудитории, то со временем ситуация изменилась. Русский поэт Е. А. Баратынский говорил А. С. Пушкину, что такой великий поэт, как он, не может отдавать свои силы этому «низкопробному жанру». К счастью, сегодня стихи детских поэтов никто уже не может отнести к такому жанру литературы. Ситуация изменилась в корне – благодаря детской поэзии ребенок познает мир, учит алфавит, цифры и впитывает в себя, как губка, полезные знания.

И стоит, наверное, нам сказать слова благодарности равнодушному нашему поэту Алиму Алафаеву за его внимание и любовь к детям. Его замечательные стихи являются верными наставниками на жизненном пути ребят. Они учат их самому главному – дружбе, порядочности, честности.

Библиография

- Бунькова Ю., Исакова М. «Стихи зарождаются в сердце» // Университетская жизнь (КБГУ). 2011 г. № 16-17.*
Алафаев А. Айран. Нальчик: Эльбрус. 2011.



Татьяна УЛЬЯНОВА,
*заслуженный работник
культуры КБР*

КЛЯТВА ГИППОКРАТА

*Штрихи к портрету Османа Гериевича Карданова –
врача, ученого, педагога*

... Крутой подъем тянулся бесконечно. Временами казалось, что не хватит сил добраться до того злосчастного перевала, где получил тяжелую травму один из сотрудников геологической партии, ведущей изыскания в Черекском ущелье. И все же Карданов успел вовремя оказать необходимую медицинскую помощь пострадавшему, а потом еще несколько часов участвовал в его транспортировке в больницу. Жизнь геолога была спасена.

А дома доктора с тревогой и надеждой ожидала молодая жена с новорожденной дочкой Леночкой. Сама медик по образованию, она как никто другой сознавала всю меру ответственности, что лежала на плечах супруга. В ту пору он был единственным дипломированным врачом на всю округу, где проживало почти 20 тысяч человек! Но свою непростую судьбу Осман Гериевич Карданов выбрал вполне осознанно и никогда не пожалел об этом.

Сельский врач

Младший сын колхозников из Шалушки Цацы Питуевны и Герия Мазановича Кардановых, чье детство пришлось на военное лихолетье, непременно решил выучиться на врача. Способствовал этому и глава семьи, воевавший еще на фронтах Первой Мировой в составе Дикой Дивизии и всю жизнь восхищавшийся необыкновенным мужеством военных медиков. Окончив с отличием фельдшерско-акушерскую школу в Нальчике, Осман в 1951 году поступил в Рязанский медицинский институт им. академика Павлова. Медицинскую науку юноша из кабардинского села постигал столь упорно и старательно, что его выделяли многие преподаватели. Не раз предлагали остаться для дальнейшей учебы в ординатуре. Но Осман предпочел вернуться в родные края, где в ту пору катастрофически не хватало квалифицированного медицинского персонала. Направление получил в Верхнюю Балкарию. Практически обслуживать пришлось все населенные пункты ущелья. Хотя позже в его распоряжение поступил старенький «ПАЗик», машина не всегда помогала добраться до отдаленных высокогорных участков. И зачастую новоиспеченный главный врач отправлялся пешком к очередному больному. Вызовы следовали один за другим: то у аксакала открылось внутреннее кровотечение, то выявлена вспышка дифтерита у детей... Ему приходилось быть и хирургом, и акушером, и педиатром, в любое время суток Карданов безотказно спешил на помощь страждущим, категорически отказываясь при этом от любых

подношений или вознаграждений. Довольно быстро освоившись на новом месте, он снискал доверие и уважение местных жителей, став для многих в Советском районе (так тогда назывался Черекский) тем человеком, к которому шли не только за врачебной помощью, но и за житейским советом, а то и просто для дружеской беседы. И если поначалу местное начальство скептически задавалось вопросом, что же может сделать этот молодой человек, хотя и с хорошей подготовкой, но один во всем районе, то очень скоро оценило как профессиональные, так и организаторские способности своего доктора. Особенно после того, как тому за весьма короткое время работы удалось открыть Мухольскую участковую больницу, грамотно наладить работу персонала. Примечательно, что простой сельский врач практически не ошибался в своих диагнозах, чем заслужил авторитет и у более опытных коллег в республике.

Между тем население Черекского ущелья увеличивалось. Возвращались к родным очагам балкарские семьи из Средней Азии, обустроившись, обзаводились хозяйством, находили применение своим профессиональным навыкам, тем более что рабочие руки были востребованы везде. Молоденькую выпускницу Чимкентской медицинской школы Жансурат Гузееву с радостью приняли на работу в немногочисленный коллектив больницы. С той поры и идут вместе по жизни Осман Гериевич и Жансурат Ахияевна Кардановы вот уже более полувека. Вместе работали в сельских больницах и поликлиниках республики, открытию которых в немалой степени содействовал доктор Карданов. Вместе преодолевали жизненные трудности, растили троих детей, вместе радовались достижениям в области здравоохранения Кабардино-Балкарии и не жалели сил, стремясь поднять его на достойный уровень. И то, что Осман Карданов смог полностью реализоваться в любимом деле, он считает заслугой супруги, верной спутницы и своего «надежного тыла», поддерживающей все его начинания.

Ученый

В 1961 году у Карданова наконец-то появилась возможность поехать на учебу в ординатуру в Москву. Однако он колебался, ведь к тому времени в семье уже подрастали дочка и сын. Но Жансурат Ахияевна была твердо убеждена, что это необходимый импульс совершенствованию незаурядных способностей супруга, и все житейские заботы решительно взяла на себя.

В клинической ординатуре хирургии Первого Медицинского института им. Сеченова учителем Османа Карданова стал маститый хирург, хорошо известный в широких медицинских кругах Борис Васильевич Петровский. Ученый с мировым именем, общественный деятель и кремлевский консультант был уроженцем Ставрополя, поэтому сразу же обратил внимание на врача из соседней Кабардино-Балкарии. И не напрасно. Ученик не просто оправдал его надежды, а проявил себя как вдумчивый исследователь и редкий клиницист. На блестящих лекциях, операциях и обходах знаменитого профессора Карданов постигал не

только тонкости профессии хирурга, но и врачебной этики. Именно тогда он навсегда усвоил заповедь: «Действия хирурга должны иметь только одну высшую цель – интересы и благо больного». После учебы Осман Гериевич стал работать хирургом в Республиканской клинической больнице в Нальчике, успешно применяя здесь методики наставника. Не забыл своего талантливой ученика и Петровский. А когда, уже в должности Союзного министра здравоохранения, приехал на открытие больницы в Нарткале, то не только преподнес по тем временам царский подарок – новейший аппарат для искусственного кровообращения, но и весьма озадачил руководство республики расспросами о докторе Карданове. Конечно же, их встречу немедленно организовали, к великой радости обоих. Но Борис Петровский, как истинный наставник, и на сей раз не преминул напомнить молодому коллеге, что не стоит лишь осваивать замечательные, но чужие методики. Пора и свои наработки являть миру. А таковых у хирурга Карданова имелось уже достаточно. И когда в КБГУ открылся медицинский факультет, принял предложение стать преподавателем. Но для начала поступил в целевую аспирантуру Государственного Университета им. О. В. Куусенена в Петрозаводске. Его кандидатская диссертация была высоко оценена медицинскими светилами. Собственно, это была новая страница в оперативном лечении язвы желудка и двенадцатиперстной кишки. Подлинный новатор хирургии, Осман Гериевич никогда не останавливался на достигнутом, внимательно следил за достижениями медицинской науки, старался участвовать в конференциях, симпозиумах и съездах по хирургии. Да и к нему нередко приезжали коллеги поучиться. Он и теперь считает, что хотя хирургия успешно развивается на основе использования достижений научно-технического прогресса и фундаментальных наук, она по-прежнему остается сродни искусству, мастерству, в высшем понимании слова. А тогда виртуозные органосохраняющие операции желудочно-кишечного тракта, которые хирург Карданов впервые начал применять в нашей республике, стали спасительными для многих людей. До сих пор эта методика, как классическая, изучается студентами на кафедре хирургии медфака КБГУ, где доцент Карданов преподавал долгие годы, одновременно оперируя в ГКБ столицы республики. Его многочисленные ученики и последователи, работающие не только в различных регионах России, но и за рубежом, сегодня достойно продолжают дело, которому он преданно служил всю жизнь. Как прозорливый наставник, человек щедрой души и редкого таланта, Карданов искренне радуется их успехам еще и потому, что ныне известные в Кабардино-Балкарии врачи смогли превзойти своего учителя, внесли новую струю в развитие отечественной хирургии. Они же, поздравляя Османа Гериевича с юбилеем, посвятили ему трогательные строчки: «Мудрый возраст – восемьдесят лет, наступил внезапно, неожиданно. Но не стоит огорчаться, нет. Жизни книга вовсе не прочитана!».

Послесловие

Мудреный термин «эмпатия» означает способность сопереживать, сочувствовать. У доктора Карданова это свойство развито настолько сильно, что определило в его жизни практически все. Будь он не столь чувствителен к чужой боли или горю, его профессиональный маршрут, скорее всего, сложился бы иначе.

Писать об Османе Гериевиче можно бесконечно, поскольку его жизнь – истинное служение клятве Гиппократа. Хотя жизненные параметры его гораздо обширнее. Как один из ярких представителей большого рода Кардановых, он свято хранит верность лучшим традициям своего народа, дорожит достоянием его уникальной культуры, в то же время уважительно воспринимая самобытность людей других национальностей. Специально интернациональным воспитанием в семье Кардановых никогда не занимались. Просто и дети, и все многочисленные внуки старшей четы Кардановых, органично ощущая себя уже частью мирового сообщества и свободно владея несколькими иностранными языками, прекрасно знают, где родовые корни, истоки наследственной доброты и душевности. Именно тех качеств, что сделали медицину главным делом жизни и младшей дочери – Ларисы Османовны Кардановой – кандидата медицинских наук, и двух внучек, только что начинающих свой профессиональный путь. Профессию врача избрали сноха и зять Османа Гериевича.

Всем этим он очень гордится и всегда старается напоминать молодым наследникам семейной традиции, что милосердие и гуманизм являются основополагающими в деятельности врача. А как самую дорогую награду за свой многолетний труд бережно хранит Благодарственное письмо за ту давнюю, невероятно тяжелую спасательную операцию в Черекском ущелье...



Влияние экологического фактора на мировое экономическое развитие

В первом десятилетии XXI века наблюдается дальнейшее обострение глобальных экологических проблем, в первую очередь таких, как глобальное потепление, утрата биоразнообразия, уничтожение тропических лесов и др., представляющие угрозу основе жизни и возможностям развития как нынешнему, так и будущим поколениям. К началу XXI века население Земли, по мнению ряда ученых, уже производило максимально допустимую нагрузку на окружающую среду. В настоящее же время масштабы мирового производства и потребления привели к катастрофическому нарушению равновесия природных и общественных систем и, по мнению многих ученых из разных сфер науки, подошли к пределу, даже превысили возможности окружающей среды справляться с результатами деятельности человека на 25-30%, а экологический долг человечества оценивается в 4 трлн. долл. Даже в случае незамедлительного принятия всех необходимых мер качество окружающей среды будет ухудшаться еще годы; это в первую очередь касается особенно острых и долговременных проблем: изменения климата и истощения озонового слоя Земли.

Финансово-экономический кризис 2008-2009 гг. и необходимость качественно нового повышения эффективности производства и обеспечения энергетической безопасности выдвинули задачу пересмотра государственной и международной природоохранной политики, принятия и применения новых программ и инструментов в этой сфере. В этой связи можно говорить о начале нового этапа развития мирового сообщества, наблюдаемого в самые последние годы, – «экологически ориентированного роста». Немногим более двух десятилетий осуществляется выработка реализация новой парадигмы развития. Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию сформулировала Концепцию устойчивого развития, идея которой состояла в том, что экономическое развитие не должно наносить ущерба окружающей среде. Впоследствии концепция была одобрена мировым сообществом (конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г.) и стала учитываться при разработке и реализации международной и национальной экономической политики в конце 1990 – начале 2000-х гг. Экология постепенно интегрируется в экономические стратегии всех уровней – от фирменного до глобального.

Направленность на качественно новый этап развития подкрепляется нестандартно оперативным принятием на международном, национальном и фирменном уровнях обязательств реализации экологически направленной политики и выделения средств на нее. По результатам ежегодной встречи министров стран – членов ОЭСР, в июне 2009 г. в Париже принята Декларация об экологически-ориентированном росте для достижения экономического подъема на принципах экологической и социальной устойчивости, аспекты развития которой (экономический, экологический, технологиче-

ский, финансовый и др.) будут учитываться комплексно. Страны взяли на себя обязательства стимулировать инвестиции и инновации в этой области.

Принятие в последние годы различных природоохранных обязательств, прежде всего в области изменения климата, во многом обусловлены попытками снизить зависимость от стран, являющихся поставщиками энергоресурсов, прагматическими мотивами получения выгод компаниями и «дивидендов» государствами от развития рынка новых экологически чистых технологий. Это признается, в частности, в Рекомендациях лидерам «восьмерки» руководителей крупнейших мировых компаний (CEO Climate Policy Recommendations to G8), опубликованных в июне 2008 г.

В этих рекомендациях отмечается, что «стремление бороться с глобальными климатическими изменениями также связано и с тем, что этот экологический вызов может стать мощным стимулом для массовых технологических инноваций и нового роста акционерной стоимости ведущих промышленных компаний. Количество и качество новых технологий, продуктов, услуг и организационных инноваций, которые востребованы благодаря данному вызову, представляется колоссальным. “Бизнес на экологии”, катализирующий быстрый переход к низкоуглеродоемкой экономике, несет в себе огромный потенциал, способный открыть следующую главу в мировом технологическом развитии и привести к третьей индустриальной революции – “зеленой”».

В США уже одобрен нижней палатой Конгресса и находится на рассмотрении в сенате один из самых кардинальных в истории страны законов в области энергетики и экологии – Закон о чистой энергии и безопасности (American Clean Energy and Security Act). Согласно этому документу вводится контроль за выбросами парниковых газов в атмосферу. К 2020 г. планируется снизить эмиссию на 20% по сравнению с 2005 г., а к 2050 г. – на 83%. Некоторые американские штаты недавно объявили о снижении выбросов парниковых газов к 2050 г. на 80% по сравнению с уровнем 1990 г., что предполагает внесение кардинальных изменений в экологическую и технологическую политику.

ЕС также приступил к реализации мероприятий по снижению негативного воздействия на окружающую среду использования природных ресурсов. В 2009 г. была пересмотрена Европейская стратегия устойчивого развития, действовавшая с 2001 г. (A Sustainable Europe for a Better World – A European Strategy for Sustainable Development). В 2009 г. в ЕС принят общеевропейский План восстановления экономики, в котором, в частности, предусматривается принятие ряда экологически-ориентированных мер: по борьбе с изменением климата, в области энергоэффективности и внедрения экологически чистых технологий, повышения профессиональных знаний в этой области и поддержки выпуска экологической продукции.

Многие страны ЕС активизировали реализацию экологической политики. Швеция заявила о намерениях стать первой страной, не использующей нефть в качестве источника энергии («oil-free nation») к 2020 г. Нидерланды разработали концепцию «системных инноваций», предполагающую комплексное решение экологических проблем, осуществление фундамен-

тальных изменений во всех областях: политической, технологической, социальной, управленческой, культурной и др.

На реализацию экологической политики в последние годы выделяются беспрецедентные средства, что свидетельствует о серьезности намерений стран, имея в виду их переход на новую модель. В США, согласно принятому Закону о восстановлении экономики и реинвестировании 2009 г. (American Recovery and Reinvestment Act), из общей суммы инвестиций для стимулирования экономики (787 млрд. долл.) около 80 млрд. (то есть почти 10%) непосредственно предназначены для реализации экологических проектов.

В Седьмой рамочной программе научно-технологических мероприятий на 2007-2013 гг. ЕС предусмотрено 10 млрд. евро для развития экологически чистых технологий.

Среди новых инструментов политики для борьбы с глобальным потеплением можно выделить квоты и специальные тарифы на возобновляемые источники энергии. Квоты определяют долю электричества, получаемого из возобновляемых источников энергии в его общем производстве. Выполнение обязательств осуществляется с помощью системы рыночных сертификатов. Специальные тарифы устанавливают повышенную цену на электричество из возобновляемых источников, по которой производители поставляют его в энергосистему. Например, одни из самых высоких тарифов на энергию, получаемую из малых ветровых установок, действуют в Великобритании (с апреля 2010 г. – 0,23 британских фунта за киловатт-час для малых ветровых турбин мощностью от 1,5 до 15 квт).

Крупные (и не только) компании принимают активное участие в реализации экологической политики. Несмотря на кризис, ТНК расширяют капиталовложения в разработку и внедрение технологий, направленных, в первую очередь, на повышение энергоэффективности и снижение выбросов парниковых газов. Частные инвестиции в экологически чистые технологии в мире выросли с 2006 г. на 60% до 148,4 млрд. долл. в 2008 г.

Например, ТНК автомобильной промышленности, которые являются крупнейшими частными инвесторами ЕС в НИОКР, выделяют больше средств на разработку и внедрение энергосберегающих технологий, позволяющих снизить потребление топлива и уменьшить выбросы углекислого газа. Активно участвуют в этом процессе даже «традиционные» нефтяные компании. Подразделение компании British Petroleum Alternative Energy планирует инвестировать 8 млрд. долл. в солнечную, ветро-гидроэнергетику, что составляет 5% всех ее капиталовложений.

Необходимость решения вопросов энергетической безопасности глобального изменения климата, повышения национальной конкурентоспособности за счет снижения энергоемкости производства привели к резкой активизации в начале XXI века развития рынков экологических энергоэффективных товаров и технологий. Они в настоящее время по темпам развития начинают опережать традиционные экологические отрасли (текущие оценки современного рынка экологических товаров и услуг колеблются в пределах 900 млрд. – 2 трлн. долл., противоречия в методах подсчета не позволяют оперировать на экологическом рынке точными статистическими

данными). По оценке экспертов консалтинговой компании Roland Berger, экологические технологии станут лидирующими в развитии мирового хозяйства в XXI веке. Прогнозируется, что объемы экологического рынка к 2020 г. удвоятся по сравнению с нынешним показателем и составляет 3,1 трлн. евро.

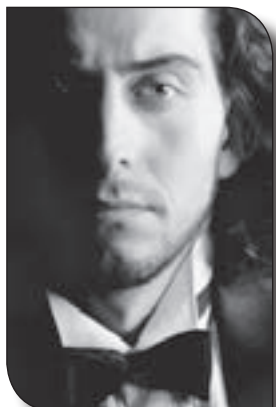
Решение наиболее сложных природоохранных проблем, в частности проблемы изменения климата, требует вовлечения развивающихся стран и значительного расширения помощи им со стороны развитых государств. Согласно оценке Мирового банка, только для решения проблемы глобального потепления в мире потребуется 1 трлн. долл., а развивающимся странам – 475 млрд. долл. в год.

ЮНЕП недавно выдвинула инициативу «Зеленая экономика» с целью оказания помощи странам в «экологизации» хозяйства путем его реструктуризации за счет внедрения экологически чистых технологий, включая возобновляемые источники энергии, в услуги водоснабжения, управление отходами, здания и сооружения, сельское и лесное хозяйство. Ее обновленный вариант (сентябрь 2009 г.) предусматривает инвестирование странами «двадцатки» 750 млрд долл. из 2,5 трлн средств, предназначенных для стимулирования выхода мирового хозяйства из финансово-экономического кризиса, в создание «зеленой» экономики (т.е. снижение зависимости от углеродного сырья, уменьшение бедности, создание «достойных» рабочих мест, поддержание и восстановление экосистем и «устойчивое» потребление).

Крупные компании также увеличивают размеры помощи развивающимся странам, осуществляют проекты по их обеспечению экологически чистыми источниками энергии. Так, в 2009 г. консорциум из 20 компаний начал сбор средств для реализации крупного афро-европейского проекта «ВезеПес» по созданию энергосистемы, использующей солнечную и ветровую энергию в Африке и на Ближнем Востоке на территории 17 тыс. кв. км. Электричество будет поставляться африканским и европейским странам. Предварительная стоимость проекта оценивается в 400 млрд. долл.

Помощь развивающимся странам и меры по инвестированию в развитие экологически чистых технологий с низкими выбросами углеродосодержащих веществ полностью соответствуют новой ориентации мирового развития. Они позволят повысить энергоэффективность экономики и энергетическую безопасность всех энергозависимых стран, ускорить выход из кризиса, одновременно способствуя решению проблемы глобального потепления и других природоохранных проблем. Таким образом, выгоду могут получить все страны: развитые – за счет ускоренного развития экологических отраслей, развивающиеся – в результате приобретения энергоэффективных технологий; на глобальном же уровне появится возможность улучшения экологической обстановки (ситуация «win-win-win»).

В указанном направлении ориентируется развитие мировой экономики, и альтернативы такой ориентации, очевидно, нет. В этой связи важнейшим вопросом для России является то, насколько она сможет «вписаться» в новую модель развития.



В АЛЬБЕРТ-ХОЛЛЕ ПАРНЮ ИЗ АРИКА ПОДПЕВАЛИ ШЕСТЬ ТЫСЯЧ ЗРИТЕЛЕЙ

До чего только не может довести мальчишеское озорство! Можно до бесконечности перечислять все возможные варианты. Но что результатом его станет посвящение шалуна искусству, никак невозможно было предположить. А ведь именно так и получилось с Рустамом Абаноквым, обладателем драматического баритона приятного тембра, солистом-вокалистом Музыкального театра и актером Русского драматического театра имени М. Горького в Нальчике.

Когда он еще учился в пятом классе средней школы с. Арик Терского района, то случайно узнал: его четыре одноклассницы после школьных занятий ходят в сельский Дом культуры и там под руководством Риты Альчагировой учатся петь квартетом различные песни. Рустам стал увязываться за ними, прятаться за кулисы и оттуда передразнивать девчонок, мешая им петь. Педагог его ругала, прогоняла, но все это было бесполезно. Потом она изменила тактику: подозвала мальчишку к себе и заставила петь. Как выяснилось, у Рустама с музыкальным слухом и голосом обстояло все благополучно. И тогда Рита, лукаво улыбаясь, сказала ему: «Теперь будешь петь и не вздумай отвертеться». После длительных уговоров педагога и сопротивления со стороны Абаноква (пришлось подключить его родителей) он начал петь. В том же году за исполнение кабардинской народной песни «Адиюх» на школьном конкурсе самостоятельности «Батыр» Рустам был удостоен первого места, а на районном – второго. В его жюри входил руководитель народного ансамбля «Терчанка», заслуженный работник культуры КБР Галим Дзумович Пшиншев. Он заметил способного мальчугана и посоветовал ему учиться в вокальной студии Центра детского творчества г. Терека, которую возглавлял и возглавляет по сей день. Там тоже занимались одни девочки, и первое время Рустам очень стеснялся. Когда Абанокв учился в восьмом классе, и голос после мутации окреп, Галим Дзумович перевел его в народный ансамбль «Терчанка». В данном творческом коллективе он пел уже до окончания школы. Именно тогда Рустам стал лауреатом 3-й степени районного конкурса вокалистов «Звездапад». Все эти годы Абанокв был активным участником концертов, организуемых по различным праздникам в Центре детского творчества и Доме культуры г. Терека. Разумеется, после окончания школы вопрос выбора профессии не стоял.

В 2000 году Рустам поступил на подготовительное отделение Северо-Кавказского государственного института искусств в класс заведующей кафедрой вокального искусства, профессора, народной артистки России и КБР Наталии Казбулатовны Гасташевой. После окончания подотделения

Абаноков поступил на первый курс и, доучившись до третьего, начал испытывать «культурный голод». Хотелось расширять свой кругозор. Недолго думая, Рустам после успешного прослушивания перевелся в Саратовскую консерваторию имени Леонида Собинова, из стен которой вышло большинство преподавателей СКГИИ. Интересная информация в тему: эта консерватория – с давними традициями, она была основана композитором Сергеем Рахманиновым еще за пять лет до революции 1917 года, третьей после Санкт-Петербурга и Москвы.

Учиться было нелегко, но будущему вокалисту придавало сил одно обстоятельство. На жизненном пути Абанокова оказались люди, сильно препятствовавшие осуществлению планов относительно перевода в консерваторию и буквально раззадорившие его. За это он им очень благодарен. Сработал «принцип маятника»: чем больше он отклоняется в одну сторону, тем с большей силой он отклоняется в другую. Пожалуй, это был самый трудный этап в жизни молодого человека. Фактически, перевода не получилось. Рустаму пришлось уйти из института и поступить на тот же курс консерватории. Дело происходило зимой, в общежитии свободных мест не было, и первые полгода Абаноков снимал угол. Если бы в этот период не оказал финансовую помощь глава администрации Терского района Максим Азматгериевич Панагов, давно следивший за его творчеством и отнесшийся к нему с пониманием, мечта Абанокова могла бы не осуществиться.

В консерватории Рустам учился вокалу у Лилии Владимировны Беловой. Как и хотел, в Саратове он расширял свой кругозор. Бывал на ежегодных музыкальных фестивалях имени Л. Собинова, где выступают певцы с интересными голосами, победители конкурсов вокалистов России, ближнего и дальнего зарубежья. Ходил Рустам и в различные музеи, в Художествен-



Р. Абаноков с И. Кобзоном после выступления в Альберт-холле

ном – имени А. Радищева – с интересом смотрел картины известных художников В. Борисова-Мусатова, П. Кузнецова, К. Петрова-Водкина... Также Абанокhov посещал культурные мероприятия, проводимые в филармонии. Там часто бывают концерты музыкантов Москвы, Санкт-Петербурга и других российских городов. А еще в филармонии есть свой духовой оркестр «Биг-бэнд» и ежегодно проводятся фестивали джазовой музыки. Ходил Рустам и в театры. Кстати, режиссером театра оперы и балета является певец, обладатель баритона, народный артист СССР Юрий Попов, которого наше старшее поколение, наверняка, помнит. Несмотря на восьмидесятилетний возраст, его голос находится в прекрасной форме. И, к слову сказать, когда наша известная певица Наталия Гасташева заканчивала консерваторию, он был иллюстратором на экзамене по оперному искусству.

В том же году Абанокhov участвовал в международном конкурсе вокалистов «Романсиада», проходившем в Москве. В нем состязались в исполнительском мастерстве певцы России, ближнего и дальнего зарубежья.

Жюри конкурса было представительным, в него входили народные артисты СССР певцы Тамара Синявская и Александр Ведерников, композитор Александра Пахмутова, народная артистка Грузии Нани Брегвадзе, народный артист России певец Сергей Захаров и другие.

Выступления вокалистов оценивались по трем номинациям: классический романс, старинный и салонный. После того как Абанокhov во втором туре занял второе место, он прошел в финал и стал дипломантом. Гала-концерт конкурса состоялся в Колонном зале Дома Союзов, в котором Рустам исполнил три романса.

После окончания консерватории в 2007 году перед Абанокhovым встал вопрос: куда ехать? Рано или поздно он собирался вернуться в Нальчик, но лишь в случае, если, кроме багажа полученных теоретических знаний, приобретет и некоторые практические навыки, работая где-нибудь в центре России.

Молодой выпускник решил искать работу в Москве, потому что там живут и трудятся его родные брат и две сестры. Но оказалось, что сезон прослушиваний в театрах уже прошел. Как-то Рустам гулял в парке подмосковного города Котельники и, выйдя из него, случайно обнаружил Дом культуры, а рядом с ним на информационном щите – объявление, в котором было написано, что требуется художественный руководитель. Несмотря на обуревавшие его сомнения, все-таки он молод и неопытен, Абанокhov встретился с директором. Без труда Рустам был принят на должность хударука, справлялся с работой хорошо и находил ее интересной. В его ведении находилось пятнадцать творческих коллективов разных направлений (народное пение, эстрада, танцы), возраст членов которых был от пяти лет и старше. Их он отправлял на различные конкурсы, по праздникам организовывал концерты и участвовал в них, как вокалист, сам. Но все же в основном работа была бумажная, нетворческая, и через год Абанокhov начал искать другую.

Последовавшие затем поиски в Интернете увенчались успехом. Он нашел объявление, в котором сообщалось, что Театру национального искусства под руководством Владимира Назарова требуется рабочий сцены.



Концерт в военном санатории. г. Архангельское.

Рустам был согласен и на это, лишь бы трудиться в театре. Но, когда худрук узнал, что он вокалист, выпускник Саратовской консерватории, после прослушивания решил принять его на работу артистом.

В этом театре, как выяснилось, ставят в основном мюзиклы, детские музыкальные и драматические спектакли, исполняют песни народов мира, и все постановки показывают только в Москве. В мюзикле «Лесная песня» А. Шишова, созданном по одноименному произведению Леси Украинки, Абанокву достался необычный персонаж – «Тот, кто в скале сидит», решавший, чьи души умерших ему забирать. Как это существо, одно из ярких воплощений нечистой силы, выглядит – читателю, даже обладающему богатой фантазией, трудно вообразить. Тем не менее образ, вселяющий ужас, был создан. Фотографию Рустама в роли «Того, кто в скале сидит» можно увидеть в Интернете в одной из популярных социальных сетей. Также Абанокв играл в спектаклях по пьесам, созданным и поставленным Э. Шумиловой на основе известных литературных произведений: «Двенадцать месяцев» С. Маршака – Января, «Ромео и Джульетта» У. Шекспира – герцога Веронского, «Единственная ревность Эмер» У. Ейца, сюжет которого взят из ирландской мифологии, в «Сказке о царе Салтане» А. Пушкина, поставленной в этническом стиле, ему и его коллеге пришлось исполнить сразу несколько ролей, Рустам играл Корабельщика, Стража Царя и Боярина. За кулисами стояли костюмеры и быстро их передевали. А в спектакле по пьесе «Аладдин», написанной В. Назаровым по мотивам известной восточной сказки, – Джинна.

В театре национального искусства наш земляк набирался опыта, как артист и певец, особенно это касается сотрудничества с режиссерами, но все же он решил найти более перспективное место, где было бы необходимо классическое пение. От случайно встреченного знакомого Абанокв узнал: в дважды Краснознаменном академическом ансамбле песни и пляски Российской Армии имени А. Александрова объявлен набор.

Рустам отправился туда и после прослушивания был зачислен в хор. Ему объяснили: солистом можно стать, поработав какое-то время в хоре, на что он согласился. Буквально через пару месяцев он уже иногда солировал.

«Хор считается президентским, – рассказывает Рустам, – и является визитной карточкой нашей страны, часто сопровождает президента России в его поездках. Благодарен судьбе, что попал в этот творческий коллектив, даже за один день – 10 мая 2010 года – благодарен. После выступления 9 мая в День Победы в Кремлевском Дворце наш ансамбль вместе с народным артистом СССР Иосифом Кобзоном, заслуженным артистом России Александром Маршалом и вокальным квинтетом «Quatro» отправился в Великобританию. Там, в Лондонском Королевском зале искусств и наук имени принца Альберта (обычно его коротко называют Альберт-холл), 10 мая ежегодно проходит концерт, посвященный странам-союзницам, противостоявшим фашистским захватчикам во Второй мировой войне».

У многих читателей, наверное, уже есть представление об Альберт-холле. В прошлом году в этом самом престижном и огромном концертном зале Великобритании проходило чествование экс-президента России Михаила Сергеевича Горбачева в связи с его 80-летием, которое транслировалось по Центральному телевидению. Здесь в свое время выступали многие знаменитости: группы «Deep Purple», «Beatles», «Abba», певцы Луи Армстронг, Фрэнк Синатра и другие.

Так получилось, что в концерте 10 мая в Альберт-холле из всех солистов ансамбля выступал только Абанокв. Песня «Tirregetti», которую он должен был исполнить на английском языке, оказывается, имеет для жителей Великобритании такое же значение, как для нас «День Победы», поэтому песня была поставлена на финал. Когда Рустам начал петь, он очень сильно волновался, но, когда «Tirregetti» подхватила шеститысячная аудитория, стал ощущать себя маленькой песчинкой огромного людского океана. Были волнительные минуты единения с людьми различных национальностей, профессий и возрастов. Все ощущали себя просто людьми, которые хотят мира и счастья. Этот момент жизни Абаноква не забудет никогда.

Благодаря работе в ансамбле, Рустам побывал почти во всех российских городах-героях: от Владивостока до Калининграда, и во многих странах – Италии, Чехии, Словакии, Англии, Турции...

Абанокв мог бы работать в ансамбле и дальше, но сильно тосковал по родине, поэтому в сентябре прошлого года вернулся в Нальчик. В Музтеатре Рустам уже введен в спектакль по пьесе «Бременские музыканты» Гладкова, созданной по одноименной сказке братьев Grimm, исполняет роль Трубадура, также начал учить партию короля Рене из оперы «Иоланта» П. И. Чайковского. В Русском драматическом театре имени М. Горького исполняет роль Принца в спектакле по пьесе «Сказка о мнимом принце», написанной С. Ильницким по произведению В. Гауфа с таким же названием. В недалеком будущем Рустам планирует организовать сольный концерт, в котором он будет исполнять отечественные и зарубежные песни. Молодой энергичный творческий человек предан избранной профессии и стремится внести посильный вклад в культуру родной Кабардино-Балкарии.

ХАСАНИ



Души наши, как легенды, как пустыня без ветров,
 Наши души понимают языки миров без слов.
 Что они такое ищут, что неявно на земле,
 Что живет в свободном долге, в безвременье,
 без оков.

Хорошо, что ты не втиснул ум на кончик языка,
 Чтоб никто не разбазарил этот дар на все века.
 Все же видно – в разной власти над умом повис язык,
 Будто в обществе смятенье и повержен ум пока.

Мой Восток я слышу песней, звоном утренних лучей.
 Запад мой – что образ знаков и восторженных речей.
 Как мне дороги те песни и надменные дары,
 Где пугливы страсть и жажда в спорах нежных палачей.

Мой караван в пустыне ждет меня не дождется,
 А я в плену затерян, где зло с добром дерется.
 О мать моя, пустыня, великий дух надежды,
 Я – караванщик, сын твой, что духом не уймется.

Иметь достойного врага – подарок от Аллаха.
 Но не для мести ты идешь, чтоб уничтожить с маха, –
 Враг нужен, чтоб преодолеть и победить смятенье,
 Чтоб одержимость жгла судьей при ликованье страха.

К воротам неба, шаг за шагом, идут народы не в ладах,
 И гнев людей заносит смуту в душой разбуженных рядах.
 А может быть, земля родная не хочет ввысь нас отпустить,
 Чтоб мы навечно оставались в ее бушующих садах.

Не гордись богатым другом, а стыдись, коль он скупой,
 Если он душой и сердцем и оглохший, и слепой.
 Мы не судим несудимых, но других откуда взять,
 Если мы толпой ревнивой все бежим одной тропой.

Столетье наше, как мираж, по кишлакам блуждает,
И, будто хлопка пух сухой, в надмирности летает.
И где его догнать и взять, и обласкать скитальца,
Пока мытарством и тоской всю душу изматает.

Ты, как будто птица счастья, машешь крыльями в ночи.
Ты – безмолвный образ звездный, да и Бог сказал: молчи!
Как же я пойму такую бессловесную красу,
У которой очи – свечи, и желанья горячи!

В Хамадане дивных фей я смущенно умолял,
И стыдливость их волненьем, страстью сердца покорял.
А потом всегда я думал: что же в них за тайный мир,
Чтобы я со страстью буйной их любовью опалял.

Теперь, друзья, дарю вам чистейший рубаи,
Они – Хайяма память, тропа к нему они.
Пусть взор ваш пронизает эпохи и века,
Где тьма и свет дерутся, как будто в наши дни.

О таких и говорят: он из грязи в князи,
И торопится бежать далеко из грязи.
Суть же грязи такова, что она – блудлива,
И находится в крови – в крепкой генной связи.

Родилась ты в бездне мира, видно это поутру.
Мы же вечных жалоб дети, не понять нас по нутру.
Ты пришла меня утешить или взять с собою в ад?
Ты не плачь, что я греховен, – дай слезу твою утру.

Дух безмолвья плыл по небу, как и дух возмездья плыл
И встречаясь в божьей службе, каждый грустно говорил:
Я молчу, на землю глядя, оттого что там темно,
Оттого что в душах многих остывает жизни пыл.

Не слезами покупаешь ты мужчин и их любовь.
Все они к тебе пристрастны, и поешь для них без слов.
Где находишь эти песни, песни, что тревожат нас?
Песни, что одним дыханьем растревоживают кровь.

Мы еще не понимаем, что у нас произошло.
Может, это очень плохо, может – очень хорошо.
Меньше знаешь, крепче спишься, говорится с давних пор.
Ну а если жизнь проспится из недавнего в давно?

Запомни, ты сегодня молод, а там, когда-то, будешь стар.
И там ты встретишь все бывшее ответным зовом высших кар.
Не забывай, что ты бессмертен, что ты – межзвездный дальний путь,
Что ты и сам, природной сутью, биологический квазар.

Свобода – это испытанья ума, и сердца, и души.
Она – вселенная как будто, в необозримости глуши.
И как же жить в таком пространстве, где нет и есть тот мнимый мир,
Где энтропийны все проблемы во вседозволенной тиши.

Раболепствуя холопством, ты вбираешь тот магнит,
Что отравленным желаньем круг людей к себе манит.
И корысть ли это, или ликованье низких чувств,
Если это многих граждан отвращеньем сторонит.

Душа и космос в целом, что и картина в сказке,
Где малый шар, незримо, в большом кружится, в маске.
А разве ученик не так ли в школе строгой,
Когда один другого поучивает в ласке.

Все плутаем в лабиринтах тайной памяти земли,
Где века, по шрамам войн, с кровью, памятью легли.
Что же это, – мать-планета, все грехи, что в нас берет?
А далекий голос неба благословит нам: внимли!

Свет как сын, а тьма как дочь во вселенской страже.
И все это – мы, и в нас, при большом тираже.
Так живет людской народ, все во тьме и свете,
Ночью в сонной муке дня, днем вся явь – в мираже.

Все хотят, чтобы хвалили все его дела и труд,
Но при этом не чинили той хвалой хвалебный суд.
Разве птица устыдится крыльев, что несут в полет.
И, гордясь, в полете смело подставляет ветру грудь.

Когда вино как наказание, а суть его уже не жлет.
Когда приходит пониманье, что грех, лукавя, сердце жжет.
Что дать заблудшему в дорогу, где страх, растерянность и мрак,
Где чувство гонит, страсть тревожит, а суета нас стережет?

Унижение недоверьем – как страдания слепца.
Может, это наказание, что исходит от творца.
Что обида, возмущенье, или ласка, или кнут...
Мы по жизни, как на скачках, – с тяжким рвением жеребца.

Те, кто грозной силой ночи обладает в чутком сне,
Те, кто тронной силой света овладел во всей красе, –
Жизнь казнит богатством муки и блаженством страстных чувств,
Чтоб душа училась долгу в светотенной полосе.

Если в капельках вина поселяется шайтан,
Вылить, что ли, чашу ту, ты скажи мне, мой султан.
Или, выпив, вновь налить с жертвенной молитвой,
Чтоб в твоём рабе признать страх и стыд, и весь обман.

В донкихотстве принимаю донжуанство на коне,
Чтоб красавицы молились и гадали на вине.
В это время далеко я от аила путь держу,
Где проснется скоро в замке та, что ждет меня во сне.

Нас Восток пленил стихами, да и гейш нам подарил,
Он и волнами нашествий путь на Запад проторил.
И возникли песни-плачи, и возникла жажда жить.
Но от этого не легче – что-то Бог в нас натворил.

Теперь наш храм – аптека, лекарства – царь и бог.
Прошли лихие годы, где хам воздвиг чертог.
Свобода стала модной, одетою в броню,
И каждый ищет схватку, дай только к ней предлог.

Если тьма идет грозою, а тепло уходит прочь,
И заря трубит по миру, что ее заменит ночь,
Где искать нам ту надежду, чтобы духом не упасть,
Чтобы сильный – кормчим мира – мог бы слабому помочь.

Для меня вино как стимул, чтоб затеять спор в верхах,
 Будто я земною жизнью приобрел душевных страх.
 Знаю я, что Бог накажет за усердие к питью,
 Но когда мне страшно в жизни, в спорах, я молюсь в слезах.

Дух тепла и дружелюбие пусть сопутствуют в пути,
 Чтоб болезни и невзгоды стороною обойти.
 Пусть ликующее сердце песней просит у судьбы –
 Среди чувственного мира ту избранницу найти.

Дурак за свой поступок потом не отвечает,
 И тем его природа от умных отличает.
 Но умного, что делать, дурак не признает,
 Поскольку в полной мере себя умней считает.

Перепрыгнув всю эпоху, год за годом в сладком сне,
 Прилетел как голый сокол к тем, чья жизнь на самом дне.
 А кишлак наш под горою, а над нами – Божий свод,
 Вот и думай: что откуда, – может быть, придет извне.

То, что в людях происходит, не берет судить душа,
 Будто люди подневольны, мстят кому-то, все круша.
 Очень просто угодить нам в те ворота, где не рай,
 Где, от стражи отбиваясь, в Божий храм ползут, спеша.

Люди могут не поверить, если я скажу им так:
 Среди вас, возвращенный вами, разглагольствует дурак.
 Но немислимо другое: как же он в таком кругу
 Не возвысится по рангу, где ишак уж не ишак.

Ишаку хомут не нужен, если он не тянет воз,
 Но такому не доверят повести вперед обоз.
 Так и люди: если чином он пониже – больше мул,
 И страдания по чину, видно жалостно насквозь.

Детвора кричит мне следом: богатур наш пьет вино.
 Ну а я под крепкой клятвой, и вина не пью давно.
 Что дороже мне на свете после долгих клятв в ночи
 Перед сурою Аллаха, что для нас – души зерно?!

Когда сложна эпоха и борется в ней дух,
И с каждой каплей вздоха ты обостряешь слух, –
Тебе видней смятенье, а в нем – растленье душ,
Несущихся по миру, как стая брачных мух.

Если жаждущим напиток всем налить полней вина,
Может быстро разориться от подарков чайхана.
Но добро ли – угощенье, если есть запрет в вине,
Если с каждым угощением в ад потянет сатана.

Мир благодати вошел в эпоху новой расы
Из тех глубин веков, где враждовали массы.
Но все ж еще толпа – такая разноликость,
Что трудно угадать душевные запасы.

Не люблю я отношенья, где обязанность на нем,
Я люблю свободу духа между льдом и меж огнем.
Разве это не как небо, где и холод, и огонь,
И куда, когда-то, зовом, душу мы свою вернем.

Я веду караван бедуинской тропой,
Где следы на песках исчезают пургой.
Путь восточный тяжел, и верблюды устали,
И барханы закрыли святой водопад.

Разве можем уничтожить все, что любим и растим,
Если даже в трудной жизни с кем-то ненависть скрестим.
Воин света, грозный воин, и судьба его трудна,
Да и мы в каком-то смысле войском света здесь гостим.

От сохи и прялки давней прыгнув в многоизмеренье,
В человеческой среде бьются ради усмиренья.
Кризис шествует в толпе, где утопия спонтанна,
Но победой ли сомкнет вероятность свои звенья?..

Хазеиа БЕЦУКОВ,
 ученый-биохимик, публицист



ФАНТОМНАЯ МОДЕЛЬ САМОРАЗВИТИЯ МАТЕРИИ

Из многообразия известных науке материальных объектов ученые установили существования гигантских звездных скоплений, – метagalactic, которых множества во Вселенной. Явления и свойства мира галактик, как склоняются многие исследователи, оказывают воздействие друг на друга и на жизнедеятельность биосоциальной материи. Оторванные от системной зависимости, открытия со временем приводят к необходимости уточнения усеченных выводов, как в случае с дарвинизмом в прожекторе глобального эволюционизма. Над философским смыслом явления саморазвития материи и механизмами её шествия человечество «озабочено» вечно. Современные научные мысли «устремилась» не только к изучению планетарного масштаба, но и смешались научные выводы с мистикой в грандиозном механизме функции Вселенной. Как во времена Ньютона и Декарта, заговорили о *разуме* эволюции, растворяющем «конфессиональных создателей» с природой. В меру накопления достоверных сведений, очевидно, что *ортогенез* неживой, живой и социальной материи складывают научные фрагменты в целостную планетарную систему. Движение неживой и живой материи связано, по экспериментам фундаментальных наук, со спонтанными свойствами и качествами архитектурных компонентов в совокупном структурно-функциональном взаимодействии. Наука накапливает все больше сведений о системном взаимодействии и взаимопроникновении материи на разных уровнях, в том числе и на «стихийных» явлениях. Предыдущая функция вытесняет последующую архитектонику, а изменение соотношения планет предопределяет новую функцию различных материальных объектов. Системное взаимодействие в глобальном масштабе предполагает, вероятно, и принципы «планетарных событий», и новые «законы» взаимодействий на ступени Вселенной. Наука обнаруживает факты системных взаимодействий вселенских масштабов, а изменение смысловой парадигмы «снизу вверх» и обратно меняет траекторию шествия материи, отодвигая пределы «совершенства» до бесконечности. Следствиями взаимодействия планет и галактик выступают, по всей вероятности, и глобальные экологические синдромы. Однако для достоверных выводов интегрированности функциональных явлений природы в распоряжении науки имеется только метод моделирования. Поэтому явление саморазвития в ортогенезе правомерно рассматривать в фантомной модели пунктирно, ибо неживая, живая и социальная материи функционируют обособленно, а структурно-функциональное взаимодействие происходит в глобальном системном единстве интегрированно. Движение материи от элементарных субстанций до системных объектов являет механизм уникального восхождения неживой «к жизни», совокупности разумных, – в социальную материи, с обратным

круговоротом их во времени в облако частиц, универсальной деструкцией циклично, отвергая и вечный загробный покой.

Эволюционный «разум Гегеля» отправляет материю в бесконечное шествие за «смыслом» саморазвития беспредельным взаимопроникновением и взаимопревращением субстанций. Поэтому фантомные фрагменты движения в ортогенезе необходимо интегрировать пунктирно, чтобы отследить неповторимое шествие материи по спирали и циклично. Современный научный менталитет по праву «выставляет» нарастающее возражение против выводов дарвинизма о самодостаточности триады (наследственности, изменчивости и естественного отбора) в качестве исчерпывающего механизма исторического развития. Следовательно, дарвинизм – лишь этап глобального эволюционизма. Об этом свидетельствует и заключение Ф. Энгельса: *«Многообразие исторического развития и усложнения нельзя подводить под тощую и одностороннюю формулу «борьбы за существование»*. Поэтому историческое соизмерение места дарвинизма в глобальном эволюционизме предопределяет неминуемую логику системного взаимодействия и на уровне Вселенной, и соответствующего изменения мировоззрения, и фундаментальных законов бытия. Принцип системного взаимодействия планет и галактик во Вселенной предопределяет, вероятно, вывод необходимости взаимодействия всех стран мира для эффективного сосуществования и эффективного использования природных ресурсов. Структурно-функциональное соответствие и единство физических, химических и органических молекул в движении «к жизни» и обратная деструкция живой материи в «облако» элементарных частиц отрицает субстанциальное постоянство и предполагает принцип циклического круговорота материи. Отсюда, единство молекулярных и глобальных объектов заключается в восхождении спонтанными и эмерджентными свойствами материи с обратным разложением объектов синтеза в конфликте с условиями среды, – универсальная циклическая «стабильность». Фантомные эксперименты молекулярной биологии открывают уникальные механизмы круговорота материи на системном уровне.

Диалектика шествий физических, химических и органических молекул предопределяется, как было выше отмечено, естественным конфликтом свойств материи к изменчивым внешним факторам, как механизм приспособления материи к мигу нестабильности среды обновлением *de novo*. Для структурно-функционального соответствия субстрата к мигу нестабильности среды материя постоянно и синхронно обновляется, подгоняя функцию к переменным структурам. Например, адаптация биосубстрата к иным параметрам среды у человека приводит к ежегодному обновлению компонентов тела на 98 процента. Исторический дарвинизм вписывается в глобальный эволюционизм, вероятно, всеобщими законами Вселенной. В этом эффективность механизма постоянной коррекции материи к грядущим факторам среды переменчивой функцией. Итак, шествие материи подгоняет морфологию к теоретически идеальному витку, а функция эмпирически корректирует миг между уходящими и наступающими витками структурно-функционального взаимодействия

синхронно, в процессе чередования постепенного и скачкообразного саморазвития. Неживая и живая материи в ортогенезе варьируют структурно и функционально от мига к мигу и бесконечно «меняют» одновременно многие параметры материи, предопределяя её «неповторимости». Момент промежуточного её состояния или покоя не существует, ибо постепенное и скачкообразное движение чередуются и переходят друг в друга постоянно, обновляя синхронно архитектуру и «возвращая» в круговорот компоненты деструкции на качественно ином уровне и по спирали. Именно движение материи приводит «к иному уровню жизни», к иной продукции и к субстратной неповторимости по иерархии обновленными спонтанными свойствами и эмерджентными качествами.

В учении о бытии философы прошлого предполагали «первоначала сущего», но успехи квантовой физики и квантовой механики экспериментально отвергли изначальную или конечную субстанциальность, ибо в природе не существует материи «покоя», взаимопревращением и взаимопроникновением структурных элементов по спирали и циклично. Естественные механизмы биосинтеза и деструкции объектов при этом «тасуют» материю обменом веществ, сменой генераций, самообновлением и прочими механизмами функции жизни, «предопределяя» уникальности иерархического соответствия архитектуры и функции. Отсюда, можно констатировать функцию жизни как вечное движение материи в глобальном системном взаимодействии, вероятно, синтеза и распада, а дарвинизм – как ключевой механизм эволюции. Следовательно, смысл жизнедеятельности – в движении материи биологическими и социальными механизмами приобретает непосредственный смысл. *«Существование элементарных частиц лишь момент бесконечных превращений, поэтому любой объект выступает не только следствием других явлений, но и как причина, в том числе и самопричина. Иерархически бесконечное разнообразие форм материи как бы замыкается на себя (1)».* Достигнутый уровень материи обратно моделирует исходную ступень сверху вниз, корректируя спонтанные и эмерджентные свойства по вертикали. Отсюда, единство и многообразие материи – следствие постоянной ее дифференцировки движением спонтанными и эмерджентными свойствами с обратной коррекцией архитектурных качеств и функции материи синхронно во взаимодействии «сверху вниз».

Фантомная модель саморазвития отслеживает «тасовку» материи именно «сверху вниз», в структурно-функциональном взаимопревращении и взаимопроникновении субстанций обратным воздействием на архитектурную реконструкцию подструктур и с адаптацией к функции вышестоящих структур циклично, обеспечивая по иерархии стабильную согласованность архитектоники с функцией. Исследование «сверху вниз» открывает и научную основу нанотехнологии. При этом кибернетический принцип варьирования структуры объектов во меру согласования функции гомеостатическими механизмами удерживает баланс системы с условиями среды. Движение спонтанными и эмерджентными свойствами физических и химических компонентов материи естественно приводит к органической ступени самоорганизации, а новое качество субстрата

предопределяется специализацией или перелицовкой de novo исходного уровня материи. Фундаментальные науки подтвердили экспериментально, что движение материи на разных уровнях взаимодействиями атомов с атомами, как специфически атомная форма выстраивают бесконечные ступени физической, химической и органической материи, до абиогенеза живого. *«Качественные структурные ступени эволюции вещества как форма скачкообразного движения являет молекулу, как целостную систему, а не разрозненное движение атомов, ядер и электронов (3)»*. Так, молекула H_2 состоит из четырех элементарных частиц, поэтому её считают и физической и химической частицей. Сахар уже нельзя отнести к физическим частицам, поскольку состав ($C_6H_{12}O_6$) обеспечивает сотни изомерных систем. А триплетная последовательность гена выстраивает аминокислотную цепь коллинеарно и при этом соотношение полярных и неполярных боковых групп сворачивает первичную полипептидную цепь, складывая её во вторичную структуру. Далее, внутри, и межцепочными водородными и иными взаимодействиями дифференцирует конформацию белков на глобулярную или фибриллярную конструкции. В свою очередь, архитектурная специфика предопределяет дифференциацию клеток, тканей, органов и организма в целом. Функция синтеза клеточного уровня адекватно выстраивает из мономеров полимерные системы. Спонтанное физико-химическое преобразование далее приводит к органическим свойствам материи. В ходе молекулярной эволюции, таким образом, возникли две версии матричного синтеза – белковая и генная. Модельными экспериментами биохимия подтвердила, что при смешивании в растворе простых производных нуклеиновых кислот спонтанно собираются примитивные нуклеиновые системы. Поэтому вероятность возникновения жизни принята наукой с учетом потенциальной возможности нуклеиновых кислот «жить», ибо способность кодировать синтез белков – это и подверженность к мутациям, и самовоспроизведение. Молекулярная биология и генетика только «открывали» генетические механизмы саморазвития биологических систем, а философ Тейяр де Шарден *интуитивно* предположил связь биологической эволюции с функцией нервной системы: *«История жизни есть, по существу, развитие сознания, завуалированное морфологией (4)»*. При казавшемся невероятностью в прошлом абиогенезе жизни из компонентов физико-химической эволюции, сегодня биохимия синтезирует, как известно, важные строительные белки, гормоны и ферменты, – фундаментальная основа всякой жизни. Потребовалось много времени для «становления» и признания достижений генетики, но идентификация интимного участия генов в развитии сознания уже состоялась.

Литература

1. Марков М. А. О природе материи. М., 1976. С. 84,146.
2. Семенов Н. Н. Вопросы философии. 1959, №10. С. 96.
3. Кузнецов В. И. Диалектика развития химии. М., 1973. С. 302-302.
4. Губанов Н. Н. Мозг и сознание. М., 1990. С. 61-92.

Альберт БОЗИЕВ,
*профессор кафедры общеправовых дисциплин
Северо-Кавказского ИПК сотрудников МВД (ф)
Краснодарского университета МВД РФ*

О некоторых особенностях языковой ситуации в Кабардино-Балкарской республике

Одна из важных проблем лингвистики 21 века – сохранение исчезающих малочисленных языков. Языковая ситуация в современном мире вызывает обоснованную тревогу. Одним из первых предстаёт комплекс нерешенных проблем об исчезающих языках мира и нахождение новых методов сохранения их во времени и пространстве.

На жизнеспособность языка влияет множество весьма разнообразных факторов. Учет их важен для выявления тенденций развития языка и определения его статуса. При определении состава исчезающих языков необходимо учитывать наиболее значимые факторы, к которым относятся:

а). Численность этнической группы и говорящих на этом языке. При оценке численности источники не всегда различают численность этнической группы и число говорящих на данном языке, хотя вторая величина может быть значительно меньше первой. В РФ это нередкое явление – во всех этносах наблюдается этот процесс.

В социолингвистических исследованиях во многих случаях не проводилось специального обследования параметра «владения языком», что также затрудняет приведение объективных статистических данных. Степень владения языком может варьироваться в большом диапазоне – от пассивного знания ограниченного лексикона и базовых грамматических конструкций до полного владения языком как единственным средством общения в условиях всех коммуникативных сфер.

б). Возрастные группы носителей языка. Чрезвычайно важно распределение носителей по возрастным группам: старшее поколение (50 лет и старше) – среднее поколение (от 30 до 50 лет) – молодежь (20-30 лет) – подростки (10-20 лет) – дети (до 10 лет). Это важнейший диагностический параметр определения прогноза выживаемости языка. Если имеются носители языка во всех возрастных группах, то язык не станет мертвым в течение 100 лет; если же дети и подростки уже не усваивают язык своих родителей, то сохранение этого языка в ближайшем будущем без вмешательства каких-либо чрезвычайных обстоятельств не реалистично.

в). Этнический характер браков. Наиболее благоприятны для сохранения языка чистые браки, при смешанных возможен переход на более социально престижный язык, часто русский. Но это не всегда так.

г). Воспитание детей дошкольного возраста. Очень существенно,

где и кем воспитываются дети: в семье или вне семьи. Воспитание в семье способствует освоению своего родного языка, особенно если дети живут совместно со старшим поколением родственников. Если же дети живут в семье, где не используется этнический язык, то данный фактор не оказывает благоприятного воздействия. Особо следует отметить существование в 50-80-х годах государственной практики воспитания детей малочисленных этносов вне семьи – в интернатах. Это практика существовала во всех регионах и привела к искусственному прерыванию преемственности овладения этническим языком, что нанесло огромный ущерб языкам.

д). Место проживания этноса. Для сохранения этнического языка большое значение имеет компактное проживание в исконных местах обитания. При одной и той же численности компактно проживающий этнос имеет больше шансов сохранить свой язык, чем этнос, рассредоточенный на различных территориях, к тому же при отсутствии регулярных языковых контактов.

е). Языковые контакты этноса. Чем больше контактов с другими этносами, особенно на другом языке, тем это хуже для жизнедеятельности данного этнического языка. Особенно неблагоприятно проживание в одном населенном пункте с носителями более престижного языка.

ж). Социально-общественная форма существования. Этноты, сохраняющие в значительной степени традиционную форму существования, лучше сохраняют язык; при социальной адаптации к современным формам существования сохранение языка затруднено.

з). Национальное самосознание. Наличие национального самосознания может блокировать отрицательные последствия многих неблагоприятных факторов.

и). Преподавание языка в школе. Последние годы наблюдается активный процесс введения этнического языка в программу начальных классов как предмета. Однако многие дети во всем мире своего родного языка не знают – в этих случаях речь идет скорее не о преподавании родного языка, а иностранного, потому что дети полностью не владеют им.

к). Государственная языковая политика.

При правильной национальной политике государства многие причины исчезновения языков можно свести к минимуму.

Законоу о языках народов РФ (1991 г.) соответствует принятый парламентом КБР Закон «О языках народов Кабардино-Балкарской республики» (1994 г.), который восходит к следующим основным положениям: главной задачей данного Закона является возрождение, сохранение и развитие кабардинского и балкарского языков. В связи с этим гражданам КБР гарантируются воспитание и обучение на государственных языках. КБР обеспечивает на территории республики создание системы воспитательно-образовательных учреждений и иных форм воспитания и обучения на кабардинском, балкарском и русском языках (статья 7). КБР обеспечивает своим гражданам условия для изучения языков народов КБР. Во всех образовательных учреждениях

КБР кабардинский, балкарский и русский языки изучаются независимо от ведомственной принадлежности образовательных учреждений. В образовательных учреждениях, в которых обучение ведется на русском языке, вводится в качестве обязательного учебного предмета язык одного из коренных народов (кабардинский или балкарский по желанию обучающегося) как один из государственных языков КБР (статья 8). В КБР создана достаточно прочная нормативно-правовая база для защиты национальных языков, соответствующая нормам международного права, конституции РФ и демократическим принципам цивилизованного мира.

«Законы» дают основу для создания национальных школ с обучением на родном языке. Но сегодня в КБР нет ни одной национальной школы. Того, что кабардинский и балкарский изучают как предмет, не достаточно. Без национальных школ мы не можем сохранить наш язык.

Для того чтобы выяснить некоторые особенности функционирования национального языка в условиях билингвизма в КБР, был проведен анкетный опрос среди учащихся одной средней общеобразовательной школы г. Нальчика. Всего было опрошено 100 подростков 10-11 классов. Акцент был смещен на городское население в связи с тем, что в сельской местности, в основном, все дети владеют родным языком.

В анкете содержалось 20 вопросов. На каждый вопрос предлагалось 2 варианта ответов – да, нет. В случае затруднений респондент мог вписать в анкету «затрудняюсь ответить». Перед началом опроса в каждом классе давалась инструкция по заполнению анкеты. Продолжительность опроса – 10-12 минут. В анкетировании принимали участие учащиеся, для которых русский язык не является родным.

Опрос ставил перед собой целью выяснить настроения и отношение молодых людей к современному состоянию и к будущему своих национальных языков.

Результаты анкетирования

1. 15% респондентов являются представителями смешанных браков.

2. 90% респондентов констатируют, что свободно владеют родным языком, но в быту и в общении с друзьями предпочитают русский язык. Знание родного языка для них обязательно, они считают, что их национальным языком уделяется достаточно внимания. По их мнению, национальные языки никогда не исчезнут, но их беспокоит будущее их языков. Только 50% респондентов считают, что при утрате национального языка их народ потеряет национальную идентичность.

3. 60% респондентов считают, что их национальный язык трудный.

4. 90% респондентов не хотели бы учиться в школе или в высших учебных заведениях на национальных языках. 40% респондентов затрудняются ответить, а 50% респондентов не устраивает школьная программа по родным языкам.

5. 80% респондентов не читают газет и журналов на родных языках, не посещают национальные театры и не смотрят телевизионные программы. При этом они умеют писать и могут выступить в качестве переводчика на родной язык, а 60% респондентов готовы выступить в этом качестве с родного языка.

В данной работе представлены только некоторые результаты анкетирования, но и они позволяют говорить о том нелегком положении, в котором оказались национальные языки. Их положение говорит о той пропасти, которая существует между провозглашенным принципом и реальностью.

Ситуация больше похожа на модель «поддержания и сохранения», а нужна модель «роста и развития», чтобы национальные языки могли в своем пространстве развиваться свободно и в полной мере. Образовательная система должна иметь концепцию обновления и развития национальных школ.

Литература

1. Билингвальное образование: Основные стратегические задачи // Проект Страсбургского Совета по культурному сотрудничеству. Комитет по образованию. Департамент по языковой политике (перевод Московского государственного лингвистического университета). Страсбург, 2003.

2. Габуня З. М., Гусман Т. Миноритарные языки в современном мире. Кавказские языки. М., 2002.

3. Краусс И. К общим проблемам социолингвистики // Вопросы языкознания. 1974. № 4.



Залина ДАДОВА,

кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России

СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОГО ГЕНДЕРА В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ

Язык как компонент духовной культуры занимает в ней особое место. Он является необходимым средством и условием возникновения, развития и функционирования других компонентов культуры и в то же время одним из самых специфических составляющих любой этнической культуры, в нём наиболее чётко проявляется непохожесть, различие культур разных народов, функцию этнического признака выполняет обособленный, только данным народом созданный язык.

Как известно, вся культурная информация о человеке фиксируется, хранится и передаётся с помощью языка и речи. «Исследователь, посвятивший себя изучению языка и культуры, их взаимодействию и различным видам корреспонденции, – утверждает Д. Малишевская, – неизбежно сталкивается с необходимостью описания базовых концептов культуры. К таким базовым концептам культуры относятся и концепты “Мужчина”, “Женщина”, в которых проблемы пола представлены как явление культуры» [5, с. 180].

Различия в социальных ролях, позициях, правах и обязанностях мужчин и женщин варьируются в разных странах, у разных этносов и определяются множеством факторов. Основные факторы формирования гендерных характеристик, различных для мужчин и женщин, – предыдущий культурный опыт, семья, система образования и воспитания, язык, среда общения. Знание обычаев, нравов, традиций, культуры народа многое объясняет и в их поведении. Представления о мужском и женском, мужественности и женственности, феминности и маскулинности сильно различаются в разных культурах. И это находит своё отражение в языке.

Лингвистику заинтересовали особенности природы мужского и женского речевого поведения, называемых гендерными, а также гендерные языковые составляющие в национально-культурных концептах маскулинность / фемининность, нашедшие отражение в особенностях национального мировосприятия. Богатый материал для подобных исследований представляют собой в большей степени паремиологические и фразеологические единицы, дающие оценку соответствующим концептам на основе национальных культурных представлений и традиций.

Человек, являющийся представителем определённой культуры, знаком с ожиданиями общества относительно его поведения, и он стремится подчеркнуть свою принадлежность к определённой культуре, к определённому полу. Об особом месте в адыгской культуре, отведённом женщине, свидетельствуют такие пословицы, как «*Лыр зыгьэллыр фызырац*» (букв.: «Мужа доблестным делает жена»), или же «*Жылэм игьэтуда лыр фызым кьыдыхыжыфры, фызым игьэтуда лыр жылэм кьыдахыжыфыркьым*» (букв.: «Авторитет мужчины, подорванный обществом, может восстановить женщина, но авторитет мужчины,

подорванный женщиной, не восстановит и общество)), «*Лым и узыниагъэр фызым и Флыгъэци*» (букв.: «Здоровье мужа – заслуга жены») Ср. рус.: «*Муж – голова, жена – шея: куда шея повернёт, туда и голова повернётся*», или же «*Жена мужа не бьёт, а под свой нрав гнёт*». Как видно, в языке отражается социокультурная действительность, выражая значения, которые конструируют образ мира, присущий той или иной культуре.

Традиционно большинство культур ориентируются на то, что роль мужчины определяется независимостью, уверенностью в себе; роль женщины пассивна и сводится, главным образом, к ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей. Идеал русской женщины, например, представлялся долгие годы и даже века по канонам, сформированным в «Домострое»: преданная мужу, самозабвенно заботящаяся о «чадах своих», домовитая хозяйка, бессловесная исполнительница «воли мужней». До сих пор «Домострой» является не просто памятником литературы, а в большей степени культурным феноменом: в нём чётко и ясно сформулировано «надлежащее» отношение к женщине и её месту в обществе. Статус главы семьи давал мужчине право собственности не только на всё хозяйство, но и на женщин, по сути приравненных к вещам. Существовали и «инструкции» о том, как мужчины должны «учить» женщин: нельзя было бить её по животу, когда она беременна, бить по лицу, иначе с ней нельзя будет появляться на людях. «Жену лучше учить плетью, потому что это больнее: так она лучше усвоит урок» [7]. С того времени, примерно с XVI века, распространились поговорки типа «*Бьёт – значит, любит*», «*Жену не бить – и милу не быть*», «*Жену бей – будут щи вкусней*» и т.п., которые встречаются и по сей день. Не только побои, но и унижение жены мужем было прочно закреплено в русской культуре как естественный образ семейной жизни.

Стереотипные представления о мужском и женском служат созданию полового символизма – образов маскулинности и фемининности в культуре, обыденном массовом сознании и языковой системе.

Дети уже с раннего детства учатся осознавать себя мальчиками и девочками, у них формируется понятие о мужественности и женственности, и представление о том, как надо вести себя в соответствии с ожиданиями взрослых. У мальчиков кабардинцы старались воспитывать в первую очередь трудолюбие, упорство при достижении какой-либо полезной цели, черты бережного, хозяйственного отношения ко всему, доброту и внимательность к окружающим и большую твердость характера. С ранних лет родители, как правило, стремились физически закалить их, вырастить крепкими, выносливыми, сильными, смелыми, душевно стойкими, способными действовать в любых условиях самостоятельно. Девочек кабардинцы воспитывали в духе женственности, а мальчиков – мужества, смелости, храбрости.

Девочке с детства внушалось, что женщине должны быть свойственны живость ума, догадливость, а зачастую хитрость: «*Цыху къэгъэцлэклэ ецлэ*» (букв.: «Знает, как обмануть людей»). Под обманом понимается обходительность, мягкость, тактичность. Если девочка баловалась, капризничала, вела себя упрямо, то её каждый раз предупреждали: «*Уэ ухъыджэбз цлыклуц*» («Ты же девочка»). Но если мальчику говорили: «*Уэ уцлалэ цлыклуц*» («Ты же мальчик») или «*Ар цлалэ цлыклуц*» («Он же мальчик»), то под этим подразумевалось допущение им какой-либо шалости, баловства, порой некоторой грубости, упрямства.

Не только родители, дедушки, бабушки, старшие братья и сёстры, но и сама

окружающая среда, все взрослое население села принимали постоянное участие в воспитании детей. Достижение половой зрелости для горцев Кавказа является важным элементом при образной номинации: каб.-черк. «И пацлэр къэклацц» (у него выросли усы). «Этот же элемент в дальнейшем функционирует в языке как показатель сугубо мужских качеств и главный маркер понятия “мужчина”» [1, с.7]: «Улыгу пацлэм птетмэ жытлар бгъэпэжыныцц» («Ты не мужчина, если не удержишь свое слово»). «Образные выражения свидетельствуют о том, что посягательство на усы осталось самым серьёзным оскорблением мужского достоинства: каб. *пацлэ гъэлыгъуэным джэгу хэтыкъым* (палить усы – дело серьезное), *зи жъэ псыныццэм пацлэ ныкъуэ кыхъыжырккъым* (досл.: кто не сдержан на язык, тот лишается половины усов). В древности у адыгов чрезмерно болтливому мужчине сбивали половину усов, что считалось одним из страшных наказаний и оскорблений» [1, с.7].

Гендерные отношения обуславливают характер речевых актов, которые определяются не только лингвистическими ресурсами, но и культурными установками. Они фиксируются в языке в виде культурно обусловленных стереотипов, оказывают влияние на поведение, в том числе и речевое, на процессы языковой социализации личности. Понятие «гендерный стереотип» является одним из базовых понятий лингвистической гендерологии. Под гендерными стереотипами понимаются совокупности качеств, норм поведения и других характеристик, приписываемых представителям обоих полов носителями определённой культуры и отражённых в их языке.

Изучение основных особенностей коммуникативно-речевого портрета представителей разных культур представляется нам также перспективным и важным научным направлением. Это позволяет сопоставлять модели коммуникативного поведения чужой и родной культуры, позволяет избежать неадекватного восприятия одного народа другим народом, разрушает существующие негативные стереотипы.

Литература

1. Аликаев Р. С. Стратификация пола как этно- и социокультурного феномена (к постановке вопроса) / Р. С. Аликаев, С. К. Башиева, И. В. Ашинова // Русский язык в полиэтнической среде: состояние и перспективы. Материалы международной конференции. Нальчик, 2003. С. 5-15.
2. Антология концептов: [словарь] / науч. ред. В. И. Карасик, И. А. Стернин. Иваново: Гнозис, 2007.
3. Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2009. № 1, № 2, № 4.
4. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. Москва: Яз. славянских культур, 2009.
5. Малишевская Д. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции «Мужчина/Женщина») / Д. Малишевская // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 181-184.
6. Мафедзев С. Х. Адыги. Обычаи, традиции (Адыгэ хабзэ) / С. Х. Мафедзев. Нальчик: Эль-Фа, 2000.
7. Римашевская Н. Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году / Н. Римашевская, Д. Ванной. М., 1999.

Уважаемая редакция!

Во-первых, мы хотим выразить благодарность за то, что вы много пишете материала об истории, культуре, традициях и быте наших коренных жителей. Это очень важно как для старшего, так и для младшего поколения, чтобы разбираться в истории исторического прошлого.

В четвертом номере вашего журнала был опубликован портрет и биография выдающегося аджар. Список кабардинских князей открывает Инал Нэху (Светлый). Просьба наша заключается в том, чтобы вы подготовили о нем, так как мы заинтересовались его личностью. Если есть такая возможность, было бы хорошо, прочитать по страничкам журнала про герб рода князей Черкасских

Группа читателей
журнала.

На вашу просьбу мы можем ответить коротко, пользуясь источниками, существующими в наше время. Их немало, но мы выберем те моменты, которые отвечают конкретно на ваш вопрос. Почему коротко?

Для того чтобы выявить все особенности многовековой истории кабардинского народа и специфические черты его древней культуры, возникновения родов, мы обязательно должны рассматривать ход нашей истории в мировом сообществе, не изолированно, не в отрыве от культур других народов, а в тесном общении с передовыми древними очагами культуры Кавказа, древней Руси, Ближнего и Среднего Востока и Европы.

Относительно Инала Нэху (нэху – светлый), Светлым его называли из-за присущих этому государственному деятелю доброты, порядочности – в сочетании с сильной волей, мужественностью и мудростью. В половине XV века в продолжение восьми лет он был султаном Египта. Затем вернулся на нынешние земли Кабарды и дал начало будущему знаменитому роду Черкасских. У нас нет сведений о том, как выглядел его личный герб, но у нас есть изображения гербов и символов черкесских мамлюков – султанов Египта.



Герб
Бейбарса I



Герб
Калауна



Герб
Баркука



Герб
Кайтбея



Герб
эмира Йашбея



Черкесско-мамлюкский герб XV века
Чаша являлась
основным элементом
средневековой адыгской геральдики



Герб
мастера игры
в поло



Герб
мастера фехтования



Герб
начальника
султанской военной школы

Гербы и символы черкесских мамлюков – султанов Египта

В XVII веке до н.э. каски, населявшие юго-восточный берег Черного моря, образовали мощное государственно-политическое объединение и в дальнейшем принимали активное участие в становлении хаттской державы и в формировании государственных символов. Обращая особое внимание на это, наши историки подчеркивают, что совсем не случайно представления адыгов, и в частности кабардинцев, о своем прошлом нашли отражение в государственной символике Кабардино-Балкарской Республики. Главным элементом Республиканского и Российского гербов стало изображение хаттского орла, появившегося в геральдике хаттов пять тысяч лет назад, и здесь, по мнению историков, и в своеобразной форме, восстанавливается связь времен.



Герб
Хаттского государства
3 тыс. до н.э.



Хаттско-хеттский
шандарт
3 тыс. до н.э.

Если у вас возникнут еще какие-либо просьбы, пожелания и вопросы, мы будем рады ответить на них.

ВЕЧЕР ПАМЯТИ ИННЫ КАШЕЖЕВОЙ В МОСКВЕ

(Центральный дом литераторов, 20 ноября 2012 г.)



Отец – Инал Кашежев – кабардинец, фронтовик; мать – Ксения, русская. Инна родилась в Москве в 1944 году.

В 60-х годах Инна Кашежева была самой молодой поэтессой в нашей стране. Хотя не все молодые писатели молоды, судя по сочинениям Инны. Она ве-

ликолепно чувствовала связь времён, человеческие традиции. Её стихи представляли удивительную конструкцию тонкой лирики, точных философских размышлений, непреходящей грусти, порой тоски, и в то же время звонкой радости, восторженности, вечной влюблённости. А сколько смысла в них!.. В них нет ни единой фальшивой ноты. А в её кавказских стихах особый воздух родины. В них ощущается настолько страстная любовь к Кавказу, что сам невольно заражаешься этой любовью. Вся её сущность отразилась в её стихах. Удивительно и другое... С ней случилось не так как со всеми... Инна Кашежева сначала зазвучала на всю страну, и лишь потом здесь, в республике, узнали о ней. Инна была явлением в советской поэзии, со своим мироощущением, трепетностью и ранимостью. Для многих Кашежева всегда была и остаётся символом поколения 60-х. Но знали о ней мало и тогда, и, тем более, сейчас. В памяти тех людей, кто был лично знаком с ней, она осталась жизнерадостной, общительной, но в то же время загадочной.



*Кашежевы
Инал и Ксения*



Юрий Кушак

Алексей Корнеев

Юрий Петрунин

Владимир Дауров

А как она ценила товарищество!.. Товарищество было для неё главным в жизни.

Греют душу не только её стихи, но и песни. Песни на её стихи знакомы почти каждому в нашей стране. Вслед за Муслимом Магомаевым, Клавдией Шульженко, Людмилой Зыкиной, Анной Герман, Эдуардом Хилем, Иосифом Кобзоном, Аллой Пугачёвой эти песни запела вся страна.

А как она переводила!.. Даже, казалось бы, самые незначительные стихи превращались у неё в маленькие шедевры.

Инна – это не просто светлая память, это живая душа, яркая образцовая личность, ставшая достоянием всей мировой культуры. Она останется всегда современной всем тем, в ком живёт душа и тяга к поэзии, к осмысленному слову, к чувствам.

В последние годы она вела обособленный образ жизни, что отдалило её от друзей. Так она и ушла из жизни – в гордом одиночестве. Сгорела, погасла в самом расцвете сил. О смерти Инны Кашежевой в Нальчике узнали не сразу, только тогда, когда уже поздно было что-либо сделать для сохранения её наследия. Весь архив Инны Кашежевой пропал без следа. Когда-то Инна сказала своей подруге, поэту – Тамаре Жирмунской: «Когда умирает поэт, остаётся вдова. Она, если баба стоящая, всё написанное им соберёт, постарается издать, выколотит из друзей воспоминания. Когда умирает поэтесса, муж, даже если он был, заниматься этим не будет. Поэтому надо писать о поэтессах». Так случилось и с ней. Не было и мужа. Была одна... которая могла собрать всё написанное ею, и хотя бы сохранить её архив. Никто и не постарался выколачивать из друзей Инны воспоминания о ней. В своё время за это взялись Мухадин Кумахов («Я душу латала пером») и Руслан Фиров («Время собирать камни»), которые подготовили телеочерки про Инну Кашежеву. Позже по инициативе Руслана Фирова в рамках цикла «Время собирать камни» к 65-летию со дня рождения поэтессы в Нальчике прошёл вечер памяти Инны Кашежевой. Данный проект показали теперь и в Москве, в большом зале Центрального дома литераторов 20 ноября. А с утра, на Хованском кладбище, где похоронена Инна Кашежева, состоялось открытие надгробного памятника с выступления Руслана Фирова. Затем с воспоминаниями выступили московский поэт, книгоиздатель, близкий друг Инны Вадим Рахманов и и.о. министра по средствам массовой информации, общественным и религиозным организациям Мухадин Кумахов, сын Алима Кешокова Александр Кешоков. Памятник сделан на деньги нескольких неравнодушных людей. Автором мемориального комплекса стал известный скульптор – Арсен Гушапша. На открытии надгробного памятника Руслан Фиров поблагодарил всех, кто причастен к созданию этого мемориала. Вспомнить имя Инны Кашежевой собрались ее родственники, главный федеральный инспектор по КБР – Мухамед Шогенов, представители министерства культуры, секретари Союза писателей России, ее сокурники и многие другие.





Руслан Фиров

После этого к концу дня состоялся вечер памяти в центральном доме литераторов, который открыл министр культуры КБР Руслан Фиров и рассказал о жизни и творчестве поэтессы. Перед собравшейся



Геннадий Иванов

публикой он передал слово первому

секретарю Союза писателей России Геннадию Иванову, который вкратце рассказал о судьбе Инны Кашежевой и после этого передал министерству культуры КБР дорогие книги, только что вышедшие из типографии. После этих выступлений сцену заполнила литературно-музыкальная композиция по произведениям Инны Кашежевой, которая шла бурно и превзошла все ожидания. Она была представлена артистами Кабардинского госдрамтеатра им. А. Шогенцукова, ГААТ «Кабардинка», театром песни «Амикс» КБГУ. Руководитель Кулов Амир, заслуженный работник культуры РФ, артисты, участвовавшие в этом памятном вечере: Хусинов Анзор, Цавкилов Азамат, Холамханов Кайсын, Ломпежев Аслан, Маршенкулов Аскер, Шогенов Ахмед, Мамхегов Альбора, Канаметов Аслан, Хамуков Руслан, Кумыкова Лиана, Кушхова Диана, Сенова Аида, Тазова Оксана, Кулова Дайана, Думанова Мариана, Шогенова Карина, солисты Государственного музыкального театра (Абанокоев, Гуазов Тимур, Хавпачев Амирхан, Кодзоков Алим, Черкесова Асият) и артисты местной эстрады, которые исполнили песни, написанные знаменитыми советскими композиторами на стихи Инны Кашежевой. В программе принимала участие и заслуженная артистка КБР – Сати Казанова. Ведущие мероприятия – Мухадин Кумахов, артисты Жанна Тхашугоева и Фатима Чехмахова – в своих мизансценах с прекрасно подобранными стихами и песнями, напряжёнными монологами – ярко обрисовали жизнь и судьбу поэтессы. Эта композиция воссоздала пленительный образ Инны Кашежевой, который стал намного ближе и понятнее взыскательным зрителям.



ГААТ «Кабардинка»



«Амикс»



«Амикс»



«Амикс»



«Амикс»



«Амикс»

На вечере памяти присутствовали также знаменитый художник Мухадин Кишев; лауреат Государственной премии России, поэт, Анатолий Парпара, артисты театра и кино, бывшие однокурсники, друзья Инны Кашежевой. Они с трепетом

рассказывали о ней, о природе её тонкого ума и чувствительности, об особенностях творческого дарования.

По окончании вечера памяти собравшиеся, под впечатлением, с чувством рассказывали о ней, о её таланте, о её стихах, выражая благодарность организаторам мероприятия, и говорили: «Спасибо вам за то, что вы помните НАШУ Инну».

Кинорежиссёр Амурби Гобашиев сказал о ней: «В последние 2-3 года я творчество Инны заново для себя открыл с какой-то неожиданной новой стороны. Я поражаюсь скрытому глубинному подтексту в её поэзии. Он бездонный, он безграничный. Она была человеком чрезвычайно одарённым, как настоящий большой поэт была провидицей, глубоко чувствовала действительность. Хочется вспомнить стихи Кулиева:

Весна уходит, но весна вернется,
И снова травы на лугу пробьются,
Уходит осень, и она вернется,
А я уйду и не смогу вернуться.

Вернется туча, снова дождь прольется,
Напоит землю, серую от жажды,
Растает снег и вновь зимой вернется,
Я не вернусь, когда уйду однажды.

Уходит утро, и оно вернется,
Уходит день, и он придет обратно.
Хоть ночь уйдет, но все равно вернется,
Лишь человек уходит безвозвратно.

Инна от нас ушла рано. Ушла нехорошо, не по-человечески. Но что делать?! Мы попали в такую полосу



Светлана Тхагалегова



Ольга Сокурова



Сати Казанова



Жанна Тхайугова



Фатима Чехмахова



Алим Тенпеев



Асият Черкесева



Тимур Гуазов



Мухадин Кишев



Анатолий Парпара



Однокурсники и друзья

жизни, когда не всегда и не всё получается так, как мы бы хотели для себя, для своих близких».

Юрий Кушак, писатель, лауреат премии имени Чайковского, вспоминает: «Она была человеком очень отзывчивым. Она многим помогала. Помогала всем, даже деньгами. Может быть, сегодня она ещё нужнее, чем вчера. Потому что такой отчаянной храбрости, как в ней, сейчас мало в ком есть. Она была очень честным и открытым человеком. Мне её не хватает».

Не хватает её друзьям, многочисленным поклонникам её таланта, которым посчастливилось знать Инну лично. А её стихи так и всплывают в памяти...

Инна КАШЕЖЕВА

НОШУ Я В СЕРДЦЕ СНЕЖНЫЕ ВЕРШИНЫ

И я – Кавказ. И я оттуда,
где пахнет ледником роса,
где мне дарованы два чуда –
на мир взглянувшие глаза.
Где чуткий жеребенок – детство,
лишь свистнешь – и примчит тот час,
где так естественно соседство
долин и гор... И я – Кавказ.
Я – продолжение той легенды,
какой не может быть конца.
И я – Кавказ. Мне вписан в гены
лик этот волею отца.
И я – Кавказ. И я оттуда,
в нем до конца растворена,
а он во мне... Мы два сосуда,
в которых кровь течет одна.

1971

*Жан Хожжа, телеведущая программ
на кабардинском языке ГКУ ВТК «Кабардино-Балкария»*

В номере:

<i>Алим Кешоков. Стихи</i>	3
<i>Кайсын Кулиев. Стихи</i>	4
<i>Адам Шогенцуков. Стихи</i>	5
<i>Танзиля Зумакулова. Стихи</i>	6
<i>Фоусат Балкарова. Стихи</i>	7
<i>Святополк Чех. Адыге. Из архива горской эмиграции</i>	9
<i>Наши юбиляры. Шаваев Хасан Исмаилович</i>	14
<i>Сафарби Хахов. Два дерева. Дворняжка. Рассказы</i>	15
<i>Адиль Темукуев. Картина. Хорошенькая. Новеллы</i>	18
<i>Борис Гаунов. В гостях у новой родни. Рассказ</i>	23
<i>Биберд Журтов. Смерч. Главы из романа</i>	29
<i>Зейтун Толгуров. Светлой дорогой. Очерк</i>	43
<i>Хаишат Кунижева. Мой квартал. Рассказ</i>	50
<i>Лион Мисостов. Встреча. Рассказ</i>	53
<i>Беслан Нагоев. Отец и сын. Рассказ</i>	56
<i>Хыйса Османов. Памятник на пастбище. Бажиган. Рассказы</i>	58
<i>Екатерина Жабоева-Темуева. О «Книге отца» Сулеймана Бабаева. Статья</i>	62
<i>Борис Казаков. Стихи</i>	73
<i>Данил Согов, Анатолий Бицуев. Исхаку Машбашу. Песня</i>	74
<i>Маржан Мокаева, Зоя Жемухова. Они были первыми. Статья</i>	76
<i>Оксана Фоменко. Ключевые концепты лирики Х. Кажарова. Статья</i>	79
<i>Рая Кучмезова. Реальность невидимого. Статья</i>	82
<i>Геннадий Коммодов. Славный конник. Статья</i>	90
<i>Инесса Шитуева. Детские стихи А. Алафаева – отражение внутреннего своеобразия его лирической системы. Статья</i>	93
<i>Татьяна Ульянова. Клятва Гиппократ. Статья</i>	98
<i>Азамат Гыллыев. Влияние экологического фактора на мировое экономическое развитие. Статья</i>	102
<i>Фатима Дудар. В Альберт-холле парню из Арика подпевали 6000 зрителей. Статья</i>	106
<i>Хасани. Стихи</i>	111
<i>Хазеша Бецуков. Фантомная модель саморазвития материн. Статья</i>	117
<i>Альберт Бозиев. О некоторых особенностях языковой ситуации в КБР. Ст.</i>	121
<i>Залина Дадова. Стереотипизация языкового гендера в разных культурах. Ст.</i>	125
<i>Обратная связь. Ответ на письмо наших читателей.</i>	128
<i>Памяти Инны Кашежевой. Очерк</i>	130

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
Управление Роскомнадзора по КБР
ПИ № ТУ 07-00037 от 12.10.11 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка: *Л. М. Батитова*

Подписано в печать 20.11.12. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,5.

Тираж 2000 экз. Заказ № 256. Свободная цена

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 47-74-02,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано ООО «Тетраграф».
КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Материалы для журнала принимаются на электронных носителях.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).

Авторы, не имеющие возможность или не желающие по каким-либо причинам получать авторское вознаграждение, должны прислать письменное, или в электронном варианте, заявление об отказе, со своей подписью и датой.